Москва
Л. Тульск
26 м
191
55

М. Гернетъ.

Приватъ-доцентъ московскаго университета.

НЕ КОПИРОВАТЬ

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ.

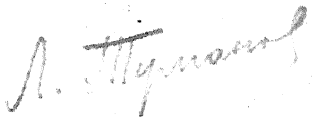
Соціалистическое направленіе въ наукѣ уголовнаго права.

10 коп

ИЗДАНІЕ
С. СКИРМУНТА.

БИБЛИОТЕКА
КАТОЛИЧЕСКОЙ
303
32

по-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1906.



ГЛАВА I [1]).

Ростъ преступности и современная борьба съ нею.

Послѣднія тридцать лѣтъ въ исторіи уголовнаго права—періодъ, едва ли не самый интересный за все время существованія этой науки. За такой сравнительно короткій промежутокъ времени, какъ три десятилѣтія, протекшія съ половины семидесятыхъ годовъ XIX вѣка, возникаютъ въ области науки уголовнаго права одно за другимъ новыя направленія, антропологическое и соціологическое, рѣзко отличающіяся отъ стараго, такъ называемаго классическаго. Эти годы, слѣдующіе послѣ появленія знаменитаго труда профессора Ломброзо о преступномъ человѣкѣ, становятся для криминалистовъ годами безостановочной и живой борьбы направленій: быть криминалистомъ и не участвовать въ этой борьбѣ, гдѣ рѣшались вопросы о методахъ, содержаніи и самомъ существованіи того или другого теченія, было невозможно. И по мѣрѣ того, какъ все больше и больше разгоралась борьба и на мѣстѣ прежняго сравнительнаго согласія и мира вырастала рознь между представителями различныхъ направленій, росло ихъ стремленіе къ общенію другъ съ другомъ: они уже не могли довольствоваться разрушеніемъ оспариваемыхъ теорій лишь изъ-за стѣнъ своихъ кабинетовъ,—для нихъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе обращенія ихъ къ новому позитивному методу изученія, возникла настоятельная нужда въ обмѣнѣ живымъ словомъ на конгрессахъ и въ ученыхъ криминалистическихъ обществахъ. Такъ организуются уголовно-антропологическіе конгрессы, мѣстные и общіе съѣзды международнаго союза криминалистовъ; вопросы науки уголовнаго права, расширенной

[1]) Настоящее изданіе представляетъ переработку нашей книги „Соціальные факторы преступности“. М., 1905 г.

въ своемъ объемѣ, становятся предметомъ обсужденія также на конгрессахъ представителей другихъ знаній, сближенныхъ отнынѣ съ чуждавшеюся ихъ ранѣе наукою уголовнаго права [1]).

Новыя теченія криминалистической мысли пробуждаютъ къ себѣ интересъ въ самомъ обществѣ среди лицъ, стоящихъ за предѣлами спеціальности криминалиста: такъ, международный союзъ криминалистовъ къ концу уже перваго года своего существованія привлекаетъ къ себѣ свыше 300 членовъ изъ болѣе чѣмъ двадцати государствъ, а въ настоящее время насчитываетъ свыше 1.200 членовъ изъ профессоровъ, адвокатовъ, юристовъ, соціологовъ, медиковъ, тюремныхъ чиновниковъ и др. Одновременно съ этимъ появляется много журналовъ, посвященныхъ спеціально вопросамъ уголовнаго права. Такъ, возникаютъ въ Италіи *Архивъ психіатріи и уголовной антропологіи* съ 1880 г., *Позитивная Школа* съ 1891 г., *Журналъ уголовнаго права и уголовной соціологіи* съ 1900 г.; во Франціи — *Архивъ уголовной антропологіи* съ 1886 г.; въ Швейцаріи — *Швейцарскій журналъ уголовнаго права* съ 1888 г.; въ Германіи начинаетъ выходить съ 1881 г. получившій большое распространеніе журналъ проф. Листа, а съ 1889 г. — *Архивъ уголовной антропологіи и криминалистики* и др.

Но послѣднія тридцать лѣтъ интересны не только оживленіемъ въ сферѣ научной теоретической мысли криминалистовъ, но и работою въ области уголовныхъ законодательствъ большинства государствъ. Давно состарѣвшіяся уголовныя уложенія, остававшіяся безъ измѣненій въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, пересматриваются за

---

1) Первый уголовно-антропологическій конгрессъ былъ въ Римѣ въ 1885 г., второй—въ Парижѣ въ 1889 г., третій—въ Брюсселѣ въ 1892 г., четвертый—въ Женевѣ въ 1896 г. и пятый—въ Амстердамѣ въ 1900 г. Международные конгрессы союза криминалистовъ происходили: первый—въ Брюсселѣ въ 1889 г., второй—въ Берлѣ въ 1890 г., третій—въ Христіаніи въ 1891 г., четвертый—въ Парижѣ въ 1893 г., пятый—въ Антверпенѣ въ 1894 г., шестой—въ Линцѣ (Австрія) въ 1895 г., седьмой—въ Лиссабонѣ въ 1897 г., восьмой—въ Будапештѣ въ 1899 г., девятый—въ С.-Петербургѣ въ 1902 г., десятый—въ Туринѣ въ 1906 г. См. также труды междунар. конгресса сравнительнаго правовѣдѣнія въ Парижѣ 1900 г., труды психологическаго конгресса въ Мюнхенѣ, труды конгрессовъ международнаго института соціологіи и пр.

этотъ промежутокъ времени почти повсемѣстно; всюду закипаетъ, при дѣятельномъ участіи криминалистовъ, работа по созданію новыхъ кодексовъ. Одно за другимъ издаются уложенія венгерское, нидерландское, бразильское, итальянское, финляндское, болгарское, гватемальское, русское, норвежское и др. Если въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ, напримѣръ, во Франціи или Бельгіи, продолжаютъ оставаться въ силѣ уголовныя законодательства болѣе ранняго времени, то и они обновляются введеніемъ въ нихъ многихъ новыхъ институтовъ (условное освобожденіе и осужденіе во Франціи и Бельгіи, защита на предварительномъ слѣдствіи во Франціи, законъ о реабилитаціи въ Бельгіи и мн. др.) [1]).

Такія почти повсемѣстныя реформы, вызванныя общимъ убѣжденіемъ въ непригодности старыхъ, отжившихъ свое время кодексовъ, должны были также вліять на оживленіе работы криминалистовъ-теоретиковъ: ихъ критическая мысль должна была стать не только разрушающей, но и созидающей силою, и подъ шумъ ломки старыхъ законодательствъ съ ихъ тяжеловѣсными уложеніями должна была производиться выработка для новыхъ кодексовъ новыхъ основаній, отвѣчающихъ новымъ требованіямъ времени. Работа, вообще не легкая, была тѣмъ болѣе трудна, что между старыми уложеніями и новыми требованіями часто была

---

[1]) Начиная съ 1880 г. пересмотрѣны или изданы новыя уложенія въ слѣдующихъ государствахъ: въ 1880 г. 27 апр. въ Косторико, 21 іюля въ Парагваѣ, 27 авг. въ Гондурасѣ; 1881 г. 1 янв. въ Японіи, 3 марта въ Нидерландахъ (вошло въ силу съ 1 сент. 1886 г.), 7 мая воен. уг. ул. въ Даніи, 7 окт. воен. уг. ул. въ Швеціи, 19 дек. въ С.-Сальвадорѣ; 1883 г. 13 ноября въ Египтѣ; 1884 г. 14 іюня въ Португаліи, 20 авг. въ С.-Доминго, 14 сент. въ Филиппинахъ; 1885 г. въ кантонѣ Галленѣ (въ силу съ 1 мая 1886 г.) и кант. Солотурнѣ (съ 1 іюля 1886 г.); 1886 г. переработано уложеніе въ Индіи; 1887 г. 1 марта въ Аргентинской республикѣ; 1888 г. въ Конго; 1889 г. 1 янв. Уругвай (введено съ 18 іюля 1890 г.). 19 дек. въ Финляндіи (въ силу съ 23 апр. 1894 г.); 1890 г. 1 янв. въ Италіи, 1 окт. въ Бразиліи, 18 окт. въ Колумбіи; 1891 г. въ Никарагуа, 12 фев. въ Нейбурѣ (Швейцарія); 1894 г. 3 февр. переработано румынское уг. ул.; 1896 г. 4 марта въ Болгаріи; 1897 г. 12 мая переработано воен. уголов. улож. въ Венецуэлѣ; 1899 г. 15 іюня вышло бельгійское воен. уг. уложеніе; 1902 г. 22 мая въ Норвегіи.

Кромѣ того, готовятся новые уголов. кодексы во Франціи, Швейцаріи, Японіи, Босніи, Герцеговинѣ, Австріи, Италіи, Финляндіи (воен. уг. ул.); возбужденъ вопросъ о новомъ кодексѣ для Германіи.

широкая и глубокая пропасть. Но съ жаромъ и энергіей, свойственными молодости, обрушиваются новыя направленія на вѣковые устои нераздѣльно и долго господствовавшей старой школы; они рѣшаются оспаривать положенія, казавшіяся еще недавно всѣмъ безспорными, отрицать принципы, ставшіе священными, и противопоставлять идеаламъ, внушавшимъ многимъ уваженіе къ себѣ уже въ силу одной преклонной старости, свои новыя требованія, часто прямо противоположнаго характера. Бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета Спасовичъ, оставившій въ шестидесятыхъ годахъ свою каѳедру, признавался, что «тогда онъ не повѣрилъ бы, что раздадутся на Западѣ и найдутъ послѣдователей и у насъ сужденія, совсѣмъ противоположныя тому, что было принято считать непререкаемыми аксіомами и прямыми выраженіями человѣчности и христіанскаго духа».

Откровенное признаніе г. Спасовича должны бы раздѣлить и другіе криминалисты конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ. Но что произошло въ области науки уголовнаго права, было не эволюціей, послѣдовательные этапы которой всегда возможно предвидѣть, а неожиданно разразившейся революціей, и надо было быть пророкомъ, чтобы предугадать новыя требованія, заявленныя сторонниками новыхъ ученій. Сила, которая произвела всю эту «великую революцію» въ наукѣ уголовнаго права, извѣстна подъ скромнымъ именемъ «позитивнаго метода», «метода опыта и наблюденія».

Къ сожалѣнію, послѣдствія происшедшаго переворота сказались почти исключительно лишь въ области науки уголовнаго права и очень мало коснулись области уголовнаго законодательства.

Правда, устарѣвшіе кодексы были частью подновлены, частью замѣнены новыми, но законодатели мало прислушались къ наиболѣе смѣлымъ голосамъ молодыхъ направленій и возвели свои постройки на старомъ фундаментѣ, сохранивъ также прежній стиль зданія съ характерною надписью на его фронтонѣ: «борьба съ преступленіемъ должна вестись посредствомъ наказаній».

Уже заранѣе можно было предвидѣть, что «новыя» уголовныя уложенія не побѣдятъ стараго зла преступности. И дѣйствительно, преступность продолжала и продолжаетъ

расти попрежнему, достигая въ наши дни ужасающихъ размѣровъ.

Такъ, въ Германіи число преступленій и проступковъ возросло съ 389.658 въ 1882 г. до 601.562 въ 1903 году. На каждыя сто тысячъ населенія уголовно-зрѣлаго возраста (старше 12 лѣтъ) приходилось осужденныхъ въ

1882 г. . . .	1.040	1892 г. . . .	1.202
1883 „ . . .	1.034	1893 „ . . .	1.212
1884 „ . . .	1.080	1894 „ . . .	1.244
1885 „ . . .	1.062	1895 „ . . .	1.249
1886 „ . . .	1.080	1896 „ . . .	1.244
1887 „ . .	1.081	1897 „ . . .	1.240
1888 „ . . .	1.048	1898 „ . . .	1.257
1889 „ . . .	1.087	1899 „ . . .	1.236
1890 „ . . .	1.105	1900 „ . . .	1.195
1891 „ . . .	1.124		

Такимъ образомъ число осужденныхъ увеличилось въ 1900 г. сравнительно съ 1882 г. на 155 человѣкъ на каждую сотню тысячъ населенія. Такъ же значителенъ былъ ростъ дѣтской преступности: число такихъ осужденныхъ поднялось съ 30.719 въ 1882 г. до 50.219 въ 1903 г.

Если отъ этихъ цифръ общей преступности въ Германіи мы обратимся къ той борьбѣ, которую ведетъ германское правительство съ преступниками, то увидимъ, что за время съ 1882 по 1900 г., т.-е. за 19 лѣтъ, 1.100 человѣкъ были приговорены къ смертной казни, 135 человѣкъ—къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ, 211.615 чел.—къ временнымъ каторжнымъ работамъ, 320.165 чел. были лишены правъ состоянія и болѣе двухъ милліоновъ были приговорены къ тюремному заключенію только за послѣднія девять лѣтъ!

Ко всѣмъ этимъ цифрамъ надо прибавить десятки и сотни тысячъ приговоренныхъ къ аресту, къ уплатѣ денежнаго штрафа, къ отдачѣ подъ надзоръ полиціи, и мы получимъ яркую картину, какъ борется Германія съ преступностью.

Самымъ распространеннымъ преступленіемъ въ этой странѣ, какъ и въ другихъ государствахъ, является нарушеніе права «неприкосновенной и священной частной собственности», которую буржуазныя правительства вездѣ

берутъ подъ свою усиленную охрану, защищая ее драконовскими законами. Между тѣмъ ни каторга, ни тюрьма не защищаютъ собственниковъ: ежегодно (1882—1900 гг.) на каждую сотню тысячъ жителей приходится въ Германіи 13 осужденныхъ за поддѣлки, 66—за обманы и 292—за похищеніе. За время съ 1882 по 1899 годъ число осужденныхъ за имущественныя преступленія составитъ необъятную армію въ три милліона семьдесятъ шесть тысячъ человѣкъ! Изъ года въ годъ возвышаясь, число имущественныхъ преступленій достигло въ 1900 году 201.184. Если изъ громадной арміи преступниковъ противъ имущественныхъ правъ мы пожелали бы выдѣлить спеціальный отрядъ воровъ, то получили бы внушительную ежегодно мобилизуемую силу въ сто и болѣе тысячъ человѣкъ (117.327 въ 1900 г.). За одно лишь воровство въ одномъ лишь 1900 году было заключено въ германскія тюрьмы 82.517 человѣкъ. Если мы подсчитаемъ среднее число ежедневно вновь прибывающихъ арестантовъ въ обыкновенныя и каторжныя тюрьмы, то узнаемъ, что 243 раза въ сутки, т.-е. черезъ каждыя 6 минутъ, открываются тюремныя двери передъ осужденными за нарушеніе «неприкосновенной и священной частной собственности».

То же самое происходитъ въ Англіи и Уэльсѣ. Всего чаще и здѣсь совершаются имущественныя преступленія. За время съ 1883 г. по 1902 г. изъ общаго числа преступленій, для преслѣдованія которыхъ требуется составленіе обвинительнаго акта, $^5/_6$ приходилось на кражи. А изъ общаго числа 80.122 полицейскихъ дознаній около $^3/_4$ (60.715) относились къ обвиненіямъ въ кражѣ. Каждый годъ свыше сорока тысячъ человѣкъ привлекается въ Англіи и Уэльсѣ къ отвѣтственности за совершонныя кражи.

Число обвиняемыхъ въ Англіи и Уэльсѣ за кражи:

1893 г. . . . 48.951	1898 г. . . . 44.487
1894 „ . . . 48.030	1899 „ . . . 42.292
1895 „ . . . 43.022	1900 „ . . . 45.134
1896 „ . . . 42.953	1901 „ . . . 46.306
1897 „ . . . 42.883	1902 „ . . . 47.150

Въ Бельгіи на десять тысячъ жителей приходится въ настоящее время жалобъ, донесеній и протоколовъ о совершонныхъ преступленіяхъ слишкомъ въ три раза болѣе, чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Наибольшее количество возникшихъ дѣлъ разсматривается въ полицейскихъ судахъ (въ 1895 г.—155.661, а въ 1900 г.—170.816 дѣлъ). Слѣдующее за полицейскими судами мѣсто по количеству дѣлъ занимаютъ исправительные суды. Число обвиняемыхъ въ этихъ судахъ увеличивается (въ 1831 г.—21.711, въ 1890 г.—33.625 и въ 1900 г.—42.338). Наименьшее количество дѣлъ приходится на долю присяжныхъ въ Бельгіи. Число дѣлъ, разсматриваемыхъ въ этихъ судахъ, падаетъ съ каждымъ годомъ. Но было бы ошибкою думать, что причина такого паденія лежитъ въ уменьшеніи наиболѣе серьезной преступности этой страны. Уменьшеніе такихъ дѣлъ объясняется искусственнымъ превращеніемъ дѣлъ, подсудныхъ суду присяжныхъ, въ подсудныя исправительнымъ судамъ путемъ игнорированія отягчающихъ вину обстоятельствъ (въ среднемъ ежегодно разбиралось въ судѣ присяжныхъ съ 1868—1872 г. 154, съ 1898 по 1900—118 и въ 1900 г.—92 дѣла).

Обратимся теперь къ борьбѣ съ преступленіемъ въ Бельгіи. Въ 1853 году парламентъ рѣшилъ превратить всѣ тюрьмы въ одиночныя. Въ настоящее время изъ 29 тюремъ Бельгіи остается только четыре общихъ тюрьмы. Изъ 1.573.724 дней, проведенныхъ въ 1900 году въ тюрьмахъ Бельгіи, только 181.737 дней были проведены въ общихъ тюрьмахъ, а остальные 1.391.987 дней (это составитъ 3.814 лѣтъ!) были отбыты арестантами въ одиночномъ заключеніи. Въ этой маленькой странѣ въ 1900 г. каждую недѣлю входило въ тюрьмы 1.000 арестантовъ и почти столько же выходило изъ нихъ. Нѣкоторый процентъ вошедшихъ въ тюрьмы уже не выходитъ изъ нихъ: это заключаемые пожизненно, заживо похороненные; смерть является для нихъ единственною избавительницей. Другіе умираютъ подъ ножомъ гильотины. По свѣдѣніямъ первыхъ отчетовъ бельгійской статистики, въ періодъ 1826—1834 гг. было приговариваемо къ смертной казни около 14 человѣкъ ежегодно; въ 1900 г. приговорено къ смерти двое. 31 декабря 1900 г. въ бельгійскихъ тюрьмахъ содержалось 102 мужч. и 11 женщ., приговоренныхъ въ различное

время къ смертной казни, замѣненной затѣмъ пожизненными каторжными работами и другими наказаніями [1]).

Россія не избѣгла общей участи. У насъ, какъ и въ другихъ государствахъ, наблюдается сильное развитіе преступности. Г. Тарновскій, авторъ многочисленныхъ работъ по уголовной статистикѣ, изслѣдовалъ преступность въ двѣнадцати естественныхъ районахъ Россіи и нашелъ, что число преступленій у насъ растетъ быстрѣе населенія. Въ 1900 году общее число уголовныхъ дѣлъ было на 48% больше, чѣмъ въ 1884 году, а населеніе увеличилось за это время лишь на 24—25%. Если отъ общей преступности обратимся къ отдѣльнымъ преступленіямъ, то найдемъ, что число кражъ и грабежей выросло ровно въ два раза (на 48%) быстрѣе населенія; тѣлесныя поврежденія превысили въ 7 разъ (на 171%!) ростъ населенія. То же явленіе наблюдается и въ отдѣльныхъ изслѣдуемыхъ г. Тарновскимъ районахъ Россіи. По всѣмъ нимъ, кромѣ двухъ, общее число дѣлъ, возникшихъ у судебныхъ слѣдователей, увеличилось относительно населенія. Такъ, отношеніе числа этихъ возникшихъ дѣлъ къ населенію было въ 1900 г. болѣе, чѣмъ въ 1884 г.:

въ Новороссіи	на 45%
„ Малороссіи	„ 35%
„ Сѣверо-Западномъ краю . . .	„ 28%
„ Московск. промышл. районѣ .	„ 23%
„ черноземномъ центрѣ	„ 22%
„ Петербургскомъ районѣ . . .	„ 17%
„ Волжско-Камскомъ	„ 14%
„ Юго-Западномъ краѣ	„ 11%
„ Приволжской области	„ 11%
„ Царствѣ Польскомъ	„ 3%[2]).

Такъ растетъ современная преступность. Въ борьбѣ съ нею правительства остаются побѣжденными; ихъ оружіе—наказаніе во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ—оказывается недостигающимъ своей цѣли. На преступную массу обрушиваются приговоры къ смертной казни, къ пожизненнымъ

---

[1]) Подробнѣе о преступности въ Бельгіи см. мою статью въ „Вѣстникѣ Права“ за 1904 г., № 4, стр. 219—231. Смертная казнь въ Бельгіи за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ всегда замѣнялась другими наказаніями.

[2]) *Е. Н. Тарновскій*: „Движеніе преступности въ 12 естественныхъ районахъ Россіи“. „Жур. Мин. Юст.“, 1902 г., № 4.

и временнымъ каторжнымъ работамъ и милліоны приговоровъ къ тюремному заключенію, которые, по образному выраженію бельгійскаго профессора Принса, уподобляютъ современную юстицію дурному крану, откуда капля за каплей сочится вода, безслѣдно исчезающая въ землѣ. Видя свое безсиліе, но не задумываясь надъ вопросомъ, пригодно ли для борьбы старое оружіе, многія правительства и нѣкоторые теоретики рѣшили, что оно лишь притупилось, и принялись точить его. Оставляя главное мѣсто наказанію лишеніемъ свободы, нѣкоторые изощряются надъ системами заключенія: является такое жестокое, какъ доведенное до послѣднихъ предѣловъ одиночное заключеніе съ обязательнымъ ношеніемъ арестантами особыхъ масокъ, съ одиночными камерами въ церкви, съ одиночками въ школѣ, въ баняхъ и даже съ одиночными отдѣленіями въ подъемныхъ машинахъ [1]). Впрочемъ, мысль нѣкоторыхъ тюремныхъ дѣятелей идетъ еще дальше: въ 60-хъ годахъ тюремный священникъ въ Парижѣ предлагалъ устроить подвижныя на рельсахъ одиночныя камеры для прогулокъ арестантовъ [2]). Но и преобразованная тюрьма остается попрежнему фабрикой преступности.

Не останавливаются правительства и передъ расширеніемъ области примѣненія смертной казни: съ удвоенною силою обрушивается она на головы осужденныхъ, но вмѣсто каждой отрубленной головы вырастаютъ двѣ новыхъ.

---

[1]) По такому принципу построена между прочимъ въ самое послѣднее время одиночная тюрьма близъ Парижа, въ Френъ ле-Ронжи. Ее считаютъ послѣднимъ словомъ тюремной архитектуры; ею гордятся французскіе тюремщики. Мы видѣли въ ней одиночки даже въ подъемной машинѣ: въ машинѣ нѣсколько разобщенныхъ отдѣленій, по которымъ разсаживаютъ и запираютъ арестантовъ, чтобы поднять ихъ въ верхніе этажи тюрьмы (см. подробности объ этой тюрьмѣ въ нашей статьѣ „Французскія тюрьмы“. „Право“, 1903 г., № 49).

[2]) Этотъ священникъ, Grozes, предлагалъ правительству: 1) устроить на дворѣ тюрьмы искусственный холмъ и проложить вокругъ него рельсы желѣзной дороги; 2) устроить вагончики - одиночныя камеры, закрытые сзади, съ боковыми стѣнками изъ переплетенной проволоки, но безъ дна 3) составлять изъ этихъ вагончиковъ поѣзда въ 10—50 вагоновъ, по которымъ и размѣщать арестантовъ. Эти вагоны должны приводиться въ движеніе или самими арестантами, или ихъ повезетъ лошадь. Арестантамъ лишь остается шагать въ ихъ бездонныхъ ящикахъ и не отставать отъ шага лошади (см. *Герветъ:* „Французскія тюрьмы“. „Право“, 1903 г., № 50).

Создаются исключительные законы, напримѣръ, противъ германскихъ соціалистовъ, но соціализмъ продолжаетъ свое неуклонное естественное развитіе. Въ Россіи увеличиваются до высшаго предѣла наказанія за конокрадство, за вооруженныя нападенія на Кавказѣ, но эти мѣры не приводятъ къ цѣли, и могилы казненныхъ и убитыхъ горцевъ украшаются цвѣтами.

Но другихъ результатовъ, кромѣ отрицательныхъ, современная борьба съ преступностью дать и не можетъ. Вглядимся ближе въ эту борьбу. Не будемъ заходить въ прошлое, будемъ говорить о борьбѣ съ преступностью лишь въ наши дни.

Въ 1903 году, во время нашего ознакомленія съ французскими тюрьмами, намъ пришлось посѣтить тюрьму для долгосрочныхъ арестантовъ въ г. Поасси. Это была центральная департаментская тюрьма съ организованными въ ней многочисленными работами. Осмотръ продолжался долгое время, и всюду насъ сопровождалъ оглушительный свистъ машинъ этой тюрьмы-фабрики, шумъ молота и однообразное зрѣлище безостановочно вертѣвшихся колесъ съ работающими автоматично при машинахъ арестантами. Но въ одномъ изъ помѣщеній шумъ и грохотъ смѣнились мертвой тишиною; огромный залъ, куда мы вошли, не былъ пустъ, въ немъ были все тѣ же арестантскія фигуры, но—странное дѣло—всѣ они—человѣкъ 30—неподвижные, какъ бы застывшіе, сидѣли въ одной и той же позѣ: спины ихъ были выпрямлены, правыя руки лежали на правыхъ колѣняхъ, а лѣвыя—на лѣвыхъ, всѣ головы повернуты въ одну сторону, и глаза устремлены на одну точку. Это былъ дисциплинарный залъ. Каждое утро приводятъ сюда наказываемыхъ, провинившихся противъ тюремной дисциплины и, разсадивъ по неудобнымъ для сидѣнья узкимъ столбикамъ, оставляютъ ихъ сидѣть 15 минутъ; черезъ 15 минутъ имъ отдается приказъ встать и въ опредѣленномъ порядкѣ ходить по залу 15 минутъ, а затѣмъ снова садиться на 15 минутъ, чтобы чрезъ 15 минутъ опять начать пятнадцатиминутную прогулку. Это продолжается до вечера. Въ тюрьмѣ г. Нимъ заранѣе опредѣляется число шаговъ, которое долженъ сдѣлать арестантъ въ минуту, и число километровъ въ день. Извѣстны случаи назначенія этого наказанія на срокъ до 30 дней. Въ 1899 году въ

дисциплинарныхъ залахъ французскихъ тюремъ было проведено 37.776 дней, т.-е. болѣе ста лѣтъ. Но чтобы понять все значеніе этихъ цифръ французской тюремной администраціи, нужно видѣть самую картину исполненія наказанія. Видѣнное нами зрѣлище было до того печально, издѣвательство надъ человѣческимъ достоинствомъ сѣрыхъ арестантскихъ фигурокъ, казавшихся въ этомъ высокомъ и свѣтломъ залѣ какими-то особенно маленькими, пришибленными, было до того очевидно, что не было силъ оставаться здѣсь созерцателемъ этихъ утонченностей тюремной дисциплины.

И тогда же, при видѣ этой тяжелой картины, невольно возникалъ вопросъ: что представляетъ собою этотъ дисциплинарный залъ,—пережитокъ ли старины, наслѣдіе далекаго прошлаго или новое явленіе „прогресса“ въ этой тюрьмѣ съ ея паровыми и электрическими двигателями, усовершенствованными машинами труда, ея безчисленными колесами съ проводами, замѣнившими собою прежнія машины и колеса пытки? И вѣрно ли говорятъ намъ о пыткѣ, какъ о далекомъ прошломъ? Не ошибается ли общественная совѣсть, думая, что въ области карательной дѣятельности государствъ все обстоитъ благополучно, что уже нѣтъ пищи для негодованія, сколько-нибудь глубокаго и похожаго на то, которое нѣкогда всецѣло охватывало борцовъ противъ костра и пытокъ?

Да, мы успокоились слишкомъ рано. Думается, что было слишкомъ много дионирамбовъ каждой побѣдѣ надъ защитниками палача и плахи, что не жалѣли похвалъ даже поборникамъ безполезной жестокости въ борьбѣ съ преступностью за уступки, вырванныя у нихъ самою необходимостью, уступки, часто такія незначительныя, какъ замѣна одного кнута другимъ, какъ гильотинированіе на двѣ, на три головы въ годъ меньше. Эти гимны должны были дѣйствовать на общество успокаивающимъ, усыпляющимъ образомъ, отодвигая на задній планъ такъ занимавшіе его ранѣе вопросы пенитенціарнаго характера. А подъ шумъ этихъ всюду раздававшихся славословій сторонники крутыхъ средствъ борьбы съ преступленіемъ уже подготовляли и постепенно вводили на смѣну старыхъ мѣръ новыя, не подъ старыми ненавистными и достаточно опозоренными названіями, но старыя по существу. И такимъ образомъ

мы вошли въ XX вѣкъ съ отмѣненною квалифицированною казнью, но съ казнью посредствомъ электричества, безъ пытокъ, но съ развитою системою дисциплинарныхъ тюремныхъ наказаній, въ которыхъ сказалась вся жестокость людей конца XIX в.; безъ клейменія преступниковъ, но съ ихъ оскопленіемъ; безъ закапыванія живьемъ въ землю, но съ погребеніемъ заживо въ одиночныхъ камерахъ усовершенствованныхъ тюремъ... То въ одномъ, то въ другомъ государствѣ вводятся эти старыя нововведенія. Если окинуть всѣ ихъ общимъ взглядомъ, то получается картина ужасовъ, мало отличающаяся отъ жизни средневѣковаго застѣнка. Но еще болѣе мрачная картина встаетъ передъ нами, когда отъ области дѣйствующихъ законодательствъ мы обращаемся къ области теоретической мысли нѣкоторыхъ изъ современныхъ криминалистовъ-террористовъ: здѣсь ничѣмъ несдерживаемый полетъ фантазіи приводитъ къ проектамъ ссылки на необитаемые острова, къ возстановленію позорнаго столба и пр. и пр.

На этихъ явленіяхъ я и хочу остановить въ настоящей главѣ вниманіе читателя [1]).

Перенесемся во французскую палату депутатовъ въ ея засѣданіе 28 февраля 1902 года. На трибунѣ депутатъ Жюль Луи Бретонъ демонстрируетъ передъ палатой какіе-то удивительной формы инструменты; не менѣе оригинально и офиціальное названіе этихъ инструментовъ XX вѣка; они называются «les fers de correction», т.-е. кандалами для исправленія. Эти кандалы французскаго издѣлія совсѣмъ не походятъ на оковы, которыя мы привыкли видѣть на русскихъ арестантахъ. Они трехъ видовъ: одни, называемые «les poucettes», предназначены для сдавливанія пальцевъ арестанта, другіе—«les menottes»—для сжиманія кистей рукъ, и третьи—для надѣванія на ноги наказываемаго. Въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ одинъ и тотъ же прин-

---

1) 1. „Journal Officiel", 1 mars 1902 и отдѣльн. изд. Discours du citoyen *J. L. Breton*, député: „Des bagnes militaires".

2. „Aus dem Deutschen Reichstag". Sitzung vom 7 März 1900. Stenographischer Bericht („Blätter für Gefängnisskunde", 1900, B. I. H. 2).

3. „Засѣданіе палаты лордовъ 21 мая 1900 г.". „Письма изъ Англіи". „Ж. Мин. Юст", 1900 г., № 7.

4. *Filippo Turati*: „Discorso sul bilancio degli interni, pronunziato alla camera dei deputati il 18 marzo 1904". Estrato dal resconto stenografico. Roma, 1904. Другія работы названы ниже.

цинъ устройства: сдавливаніе при посредствѣ особо устроенныхъ винтовъ пальцевъ, кистей или ногъ наказываемаго и лишеніе его всякой возможности движенія ими. Всѣ эти орудія, впрочемъ, не новыя: они вступили въ 1902 году въ 31 годъ своего существованія. Три десятилѣтія пользованія ими прошли безъ всякаго измѣненія ихъ формы; всѣ они—точныя копіи образцовыхъ моделей, выработанныхъ военнымъ министерствомъ для совершившихъ проступки солдатъ дисциплинарныхъ батальоновъ, всѣ они во всемъ согласны съ образцами, описанными съ величайшею подробностью и обстоятельностью въ офиціальномъ органѣ министерства [1]). Но если такое точное и подробное описаніе не позволило практикѣ видоизмѣнить самую форму инструментовъ, гдѣ каждый винтикъ существовалъ на самомъ законномъ основаніи, то болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее пользованіе ими дало практикамъ возможность измѣнить и отягчить способы болѣзненнаго воздѣйствія оковъ на наказываемаго. Рѣчь Бретона имѣла своею цѣлью познакомить палату депутатовъ съ этими новыми отягченіями. Такъ, депутатъ указывалъ на установившуюся практику надѣвать оковы на загнутыя за спину руки и связывать ихъ съ пригнутыми къ заду ногами въ колодкахъ такимъ образомъ, что выгнутый въ дугу арестантъ съ выпяченнымъ впередъ животомъ не можетъ ни сидѣть, ни стоять, а только лежать. Для увеличенія страданія придумали вставлять между зубами наказываемаго палку съ веревкою, притянутою къ рукамъ, сложеннымъ на спинѣ, или къ ногамъ, пригнутымъ къ заду: взнужданный такимъ образомъ арестантъ не можетъ двигать головою.

Трудно было бы повѣрить докладу депутата, но онъ ничего не говорилъ голословно и все подтверждалъ доказательствами. Военный министръ согласился съ необходимостью реформы, и палата постановила, что она возлагаетъ на военнаго министра «осуществленіе полнаго преобразованія режима дисциплинарныхъ ротъ и военныхъ тюремъ».

Я не хочу останавливаться на всѣхъ сообщенныхъ депутатомъ Бретономъ фактахъ [2]). Я рѣшилъ говорить не

---

[1]) „Le Journal militaire“, № 3, 1868.

[2]) Нѣкоторые изъ нихъ особенно поражаютъ своею изощренною жестокостью; таково дѣло солдата Бана: стражники, надѣвъ на него ручные и ножные кандалы, бросили его, голаго, въ терновый кустъ

о злоупотребленіяхъ правомъ, не о превышеніяхъ тюремною администраціей предѣловъ предоставленной ей надъ арестантами власти, но лишь о законныхъ средствахъ борьбы съ преступностью въ наши дни. Поэтому для меня достаточно лишь отмѣтить существованіе «исправительныхъ кандаловъ», этихъ средствъ борьбы, звучащихъ какъ эхо отошедшаго въ вѣчность прошлаго, но о которыхъ депутату французскаго парламента приходилось говорить въ 1902 году.

Въ Америкѣ, въ штатѣ Мичиганъ, введена кастрація преступниковъ. Это — самое послѣднее нововведеніе. То, что казалось немыслимымъ, абсурдомъ, варварствомъ, стало теперь дѣйствительностью [1]).

Предложенія о введеніи кастраціи преступниковъ были сдѣланы 5—6 лѣтъ тому назадъ почти одновременно въ Германіи, Франціи и Италіи.

Какъ извѣстно, увѣчащія наказанія, состоявшія въ отнятіи у преступника пальцевъ рукъ, кистей рукъ, въ отрѣзаніи губъ, ушей, въ рваньѣ ноздрей и пр., были сильно распространены въ старое время. Древне-русское законодательство видѣло въ этихъ наказаніяхъ средство обезвреженія преступника или примѣрное наказаніе, при которомъ наказанный превращался для другихъ въ ходячее пугало. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое наказаніе, напримѣръ, какъ лишеніе половины или всего уха, играло ту же роль, какую возложили теперь на судебные регистры со справками о судимости арестантовъ. Всѣ эти мѣры практиковались въ широкихъ размѣрахъ, но никто не искалъ имъ тогда никакихъ научныхъ основаній и оправданій.

Прошла сотня лѣтъ. Казалось, эти наказанія исчезли навсегда; но вотъ наступилъ XX вѣкъ, и вернулись вмѣстѣ съ нимъ эти старыя, похороненныя заживо и проклятыя

подъ палящіе лучи солнца; наказанный пролежалъ послѣ этого 50 дней въ больницѣ. Таковъ же случай солдата Обера, искалѣченнаго въ 1900 г. ручными колодками; его, закованнаго, положили на солнечномъ припекѣ, тѣло его распухло, и оковы удалось снять лишь послѣ большихъ усилій, но рука осталась искалѣченной (о послѣднемъ случаѣ см. письмо общества защиты частной свободы къ воен. министру отъ 20 окт. 1903 года, напечатано въ „Le Journal“ 24 окт. 1903 г.).

[1]) См. *Жбанковъ*: „О врачахъ“. „Міръ Божій“, 1902 г., іюль. Къ сожалѣнію, г. Жбанковъ не сообщаетъ подробностей этого закона.

мѣры борьбы съ преступностью. Но онѣ явились теперь не въ прежней, откровенной, не стѣснявшейся никого и ничего наготѣ, но прикрытыя и наряженныя высокими принципами общественной пользы, не въ святой простотѣ, sancta simplicitas, о которой говорилъ съ своего костра Гуссъ старухѣ, подкладывавшей дрова въ костеръ подъ него, но въ гордомъ сознаніи за собою будто бы научной силы.

Интересно познакомиться съ научными доводами сторонниковъ кастраціи. Я черпаю ихъ изъ трехъ статей, напечатанныхъ—двѣ въ «Archives d'anthr. criminelle» и одна въ «Archiv für Kriminal-Anthropologie». B. III, 1899. Двѣ изъ нихъ принадлежатъ нѣмецкому профессору Н. Нэкке, а третья—французскому бывшему профессору при Ecole du Val de Grâce, доктору Сервье. Статья послѣдняго озаглавлена: «La peine de mort remplacée par la castration» [1]).

Въ началѣ своей статьи Сервье говоритъ о своемъ отвращеніи къ смертной казни, являющейся позоромъ для нашего времени, и полагаетъ, что она съ успѣхомъ можетъ быть замѣнена кастраціей. Но уже черезъ 3—4 страницы онъ забываетъ, что питаетъ къ ней отвращеніе, и категорически заявляетъ, что наказаніе смертью необходимо должно быть сохранено въ кодексахъ для преступниковъ противъ общества и семьи, такъ какъ «предатели, отцеубійцы, нѣкоторые поджигатели и позорные отщепенцы, бросающіе бомбы, не имѣютъ права на жизнь». Такимъ образомъ, дѣло идетъ не о полной замѣнѣ смертной казни кастраціей, а, правильнѣе, о введеніи въ лѣстницу наказаній новаго средства борьбы съ преступностью кастраціи, и всѣ заявленія автора объ его отвращеніи къ юридическому убійству напоминаютъ мнѣ напечатанное въ парижской газетѣ «L'Action» и перепечатанное въ итальянскомъ журналѣ «Scuola Positiva» въ 1904 г. письмо французскаго палача Дейблера съ заявленіемъ, что онъ—«противникъ смертной казни» [2]).

---

[1]) „Arch. d'anthr. crim.", XVI v., стр. 129—141 *Servier:* „La peine de mort remplacée par la castration", и *Näcke:* „Note sur la castration prophylactique", ibid., стр. 304 *Его же:* „Die Kastration bei gewissen Klassen von Degeneriten als ein wirksamer socialer Gesetz". „Arch. f. Krim.-Ant.". B. III, 1899.

[2]) По поводу предстоявшей въ Парижѣ казни *Густавъ Тере* напечаталъ въ „L'Action" статью, въ которой назвалъ палача и двухъ его помощниковъ „наемными убійцами". Палачъ *Дейблеръ* счелъ себя

Авторъ полагаетъ, что наслѣдственность играетъ огромную роль въ преступности, и въ доказательство этого ссылается на труды Ломброзо. По его мнѣнію, мы давно поняли необходимость подбора въ дѣлѣ скотоводства, и пора подумать объ улучшеніи и человѣческой расы. Однимъ изъ средствъ такого улучшенія является кастрація преступниковъ; но, кромѣ этого главнаго достоинства проектируемой мѣры, авторъ видитъ въ ней еще и другія хорошія стороны: кастрація будетъ устрашающимъ образомъ дѣйствовать на преступниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ ограждать насъ отъ новыхъ посягательствъ кастрированныхъ, такъ какъ, по наблюденіямъ автора, которыя онъ обѣщаетъ опубликовать, кастрированные превращаются въ мирныхъ, мягкихъ людей, неспособныхъ ни на какое опасное насильственное дѣйствіе, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ каторжныхъ работъ или тюрьмы, какъ добавочнаго къ кастраціи наказанія, войдутъ въ общество спокойные, безопасные. Авторъ полагаетъ, что предлагаемый имъ законъ будетъ принятъ судьями, какъ прогрессъ гуманности: они рѣже станутъ давать преступникамъ расточаемое теперь во вредъ обществу снисхожденіе, а глава государства будетъ рѣже миловать преступниковъ отъ заслуженнаго ими наказанія.

Обращаясь къ подробностямъ своего проекта, авторъ говоритъ, что операцію кастрированія будетъ исполнять палачъ; послѣ нѣсколькихъ уроковъ и упражненій въ анатомическомъ театрѣ онъ быстро сдѣлается ловкимъ спеціалистомъ. Оперированіе будетъ совершаться съ еще большей легкостью, если сдѣлать соотвѣтствующіе инструменты, напримѣръ, въ видѣ «l'écraseur linéaire». Авторъ не разрабатываетъ проекта этого инструмента въ деталяхъ. Извѣстно, что гильотина получила свое названіе отъ имени предложившаго ее для казни доктора Гильотена. Кто знаетъ, быть можетъ, и «l'écraseur linéaire», этотъ инструментъ для оскопленія, получитъ свое названіе по имени изобрѣтателя, и Сервье, какъ Гильотенъ, увѣковѣчитъ свое имя для потомства.

оскорбленнымъ этой фразой и напечаталъ письмо (въ „L'Action“) съ извѣщеніемъ, что „онъ—противникъ смертной казни, но нужно жить“, и заявилъ о своемъ рѣшеніи начать дѣло за оскорбленіе его профессіональной чести („Scuola Positiva“).

Операція будетъ совершаться безболѣзненно подъ хлороформомъ; усыпленіе будетъ производиться помощниками палача, которые должны будутъ научиться этому. Послѣ операціи оперированный поступаетъ въ вѣдѣніе тюремнаго врача. Кастрированіе должно производиться хотя и не публично, но въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей изъ магистратуры, журналистовъ и чиновъ высшей администраціи.

Допуская возможность случаевъ желанія преступникомъ скорѣе быть казненнымъ, чѣмъ кастрированнымъ, авторъ полагаетъ предлагать при приговорахъ къ кастрированію самому приговоренному выборъ между смертною казнью и кастраціей. Поистинѣ не легкая будетъ эта задача для осужденнаго.

Въ томъ же «Archives d'anthroph. crim.» мы находимъ замѣтку извѣстнаго врача-антрополога Нэкке. Онъ жалѣетъ, что Сервье не познакомился съ его работою о кастраціи, и полагаетъ, что операція не можетъ быть довѣрена палачу—профану въ медицинѣ, но лишь врачу. Этотъ споръ о томъ, долженъ ли палачъ превратиться въ врача, или врачъ въ палача, чрезвычайно характеренъ и въ то же время весьма печаленъ.

По предположеніямъ Нэкке, операція кастрированія должна производиться надъ выродившимися субъектами, въ возрастѣ не моложе 25 лѣтъ и не старше 55 лѣтъ. Подвергаемые ей преступники должны быть привычными преступниками, но не рецидивистами по нуждѣ. Оскопленіе рекомендуется также за любострастныя преступленія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ эпилепсіи и пьянства, а также въ случаяхъ предумышленнаго хладнокровнаго убійства.

Но Нэкке не согласенъ съ Сервье въ томъ, что кастрація мѣняетъ характеръ оперированнаго къ лучшему, и потому онъ настаиваетъ на помѣщеніи кастрированныхъ въ тюрьмы. Впрочемъ, кастрація способна измѣнять характеръ, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она произведена въ молодомъ возрастѣ.

Такимъ образомъ, между обоими цитированными сторонниками оскопленія есть нѣкоторая разница: въ то время какъ первый выдвигаетъ по преимуществу значеніе кастраціи, какъ наказанія, второй, Нэкке, видитъ въ ней пре-

имущественно средство борьбы съ дурною наслѣдственностью или, какъ, напримѣръ, при оперированіи прелюбодѣевъ, вѣрное средство обезвреживанія преступника. Конечно, спорить съ обоими авторами о «вѣрности» такого способа борьбы съ изнасилователями и растлителями не приходится. Далѣе операціи кастрированія они не пошли. Но много ли шаговъ надо сдѣлать еще впередъ или, вѣрнѣе, назадъ, къ доброму старому времени, чтобы провозгласить необходимость отсѣченія рукъ, какъ самаго дѣйствительнаго средства борьбы съ наводняющими міръ ворами? Къ успокоенію особенно чувствительныхъ лицъ, можно бы сказать имъ, что операція будетъ производиться безболѣзненно, подъ хлороформомъ и т. д. По мнѣнію Нэкке, Европа отстаетъ отъ Америки въ вопросѣ о средствахъ борьбы съ преступностью. По наведеннымъ имъ черезъ германскаго консула въ Чикаго справкамъ, кромѣ штата Мичиганъ, гдѣ тогда (въ 1899 г.) кастрація была наканунѣ введенія въ законодательство, оскопленіе было предположено ввести и въ другихъ штатахъ. Заканчивая свою статью, Нэкке пророчествовалъ: «Я не сомнѣваюсь, что придетъ день, когда Америка приметъ это нововведеніе — абсолютно соціальное и гуманное, и только старая Европа будетъ колебаться много лѣтъ, чтобы въ той или другой формѣ послѣдовать затѣмъ ея примѣру. Но мы,— добавляетъ съ грустью авторъ,— до этого не доживемъ!» Первая половина предсказаній автора сбылась: день оскопленія преступниковъ для Америки наступилъ. Неужели сбудется и второе его пророчество и въ Европу снова вернутся средневѣковые дни надруганія надъ преступникомъ?

Орудія совершенія смертной казни пережили всѣ тѣ фазы прогресса, которыя сказались и на орудіяхъ труда: отъ первобытнаго побитія камнями перешли къ топору палача, топоръ замѣнили гильотиной—машиной, приводимой въ движеніе рукой палача, и теперь, согласно съ послѣдними требованіями техники производства, въ Америкѣ прибѣгли къ электрическому току.

Неизвѣстно, кому первому въ Америкѣ, въ этой странѣ электричества, гдѣ не знаютъ, куда дѣвать его избытокъ, пришла мысль объ утилизаціи этой страшной силы на борьбу съ преступностью; но у этой новой формы смерт-

ной казни, введенной въ штатѣ Нью-Іоркъ съ 1 января 1889 г., есть уже своя исторія [1]).

Введенію новаго закона предшествовало образованіе двухъ комиссій: первой, въ 1886 году, по постановленію законодательнаго собранія штата Нью-Іоркъ для изысканія «наиболѣе человѣчнаго и наиболѣе удобнаго» способа смертной казни, и второй, въ 1888 году, по постановленію судебно-медицинскаго общества Нью-Іорка, все съ тѣми же «гуманными» цѣлями изысканія наиболѣе гуманнаго способа юридическаго убійства.

Въ «гуманныхъ» проектахъ не оказалось недостатка: одинъ считалъ наиболѣе человѣчнымъ истреблять человѣка-преступника синильною кислотою; другой — вспрыскиваніемъ морфія; третій отстаивалъ достоинства удушенія въ особо приспособленной комнатѣ окисью углерода; четвертый восхвалялъ казнь вдыханіемъ усыпляющаго навсегда средства и проектировалъ устройство для такой казни особой комнаты, по образцу парижской камеры для истребленія бродячихъ собакъ: черезъ окошечко въ этой комнатѣ исполнитель приговора наблюдаетъ за наступленіемъ смерти приговореннаго; пятые предложили казнь электричествомъ и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, «наиболѣе человѣчныхъ» способовъ смертной казни оказалось столько, что, пожалуй, упомянутыя выше комиссіи облегчили бы свою задачу, если бы поставили вопросъ иначе и выяснили, какіе способы казни менѣе человѣчны. Комиссія судебно-медицинскаго общества остановилась на выясненіи достоинствъ казни электричествомъ и рѣшила приступить къ опытамъ. Они производились въ лабораторіяхъ Эдиссона и колумбійскаго колледжа надъ 24 собаками, двумя телятами и одною лошадью. Всѣ эти животныя, кромѣ двухъ собакъ, были убиты электрическимъ токомъ различной силы и продолжительности, и комиссія пришла на основаніи этихъ опытовъ къ проекту казни этого рода. Было выработано убивать преступника въ его горизонтальномъ или сидячемъ положеніи пропускомъ тока въ 1.500 вольтъ.

---

[1]) „Der Tod durch Elektricität". Eine forensisch-medicinische Studie auf experimenteller Grundlage von *d-r Kretler,* o. o. proffessor der gericht. Medicin an der Univers. Graz. Leipzig, 1896, стр. 99—111. Авторъ—противникъ казни посредствомъ электричества.

Электроды должны приставляться къ головѣ и крестцу. Такое расположеніе электродовъ встрѣтило критику со стороны доктора Карлетона, полагавшаго болѣе гуманнымъ приставлять оба электрода къ головѣ (одинъ къ темени, а другой къ затылку), но это предложеніе не было принято; проектъ комиссіи прошелъ полностью и съ 1 января 1889 года сталъ закономъ. Текстъ его слѣдующій: Ст. 505. Для приведенія въ исполненіе смертной казни черезъ тѣло приговореннаго пропускается электрическій токъ силы, достаточной для умерщвленія. Пропускъ тока совершается до наступленія смерти. Ст. 506. Смертная казнь совершается внутри обозначенной въ приговорѣ тюрьмы или на принадлежащемъ къ ней дворѣ. Ст. 507. При исполненіи казни обязанъ находиться тюремный директоръ и назначенные имъ, по крайней мѣрѣ за три дня до того, судья высшаго суда, адвокатъ, шерифъ, два врача и 12 выбранныхъ имъ извѣстныхъ и уважаемыхъ гражданъ. По требованію преступника, директоръ обязанъ пригласить для присутствованія при казни священниковъ въ числѣ не болѣе двухъ. Онъ можетъ назначить еще и семь другихъ свидѣтелей, но не долженъ допускать присутствія другихъ лицъ. Тѣло казненнаго, если оно не потребовано родственниками, погребается на тюремномъ кладбищѣ безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ; въ печати запрещается опубликовывать всякія свѣдѣнія, кромѣ того, что въ такой-то день виновный казненъ согласно закону.

Первымъ мученикомъ казни электричествомъ былъ Вильямъ Кэммлеръ, казненный въ Обурнской нью-іоркской тюрьмѣ 6 августа 1890 года. За исполненіе казни взялись, можетъ быть тоже изъ гуманныхъ цѣлей, доктора Макъ-Дональдъ и Спитцка. Офиціальный отчетъ о казни былъ представленъ первымъ изъ этихъ врачей, Макъ-Дональдомъ. Цитированный выше проф. Креттеръ, изъ работы котораго я беру эти свѣдѣнія, сообщаетъ слѣдующія подробности о первой казни. При казни присутствовало 25 свидѣтелей, въ томъ числѣ 14 врачей. Въ одной комнатѣ находились необходимыя машины (динамо-машина, паровой двигатель, вольтоизмѣритель и др.), въ другой спеціально устроенное для казни кресло. Приговореннаго къ смерти усадили на это кресло, ремнями привязали его руки, ноги и стя-

нули грудь; на голову надѣли ему металлическій шлемъ, прикрѣпивъ его ремнями подъ подбородкомъ и на лбу. Дали знакъ сомкнуть токъ, и съ несчастнымъ начались страшныя корчи. Черезъ 17 секундъ сочли преступника мертвымъ и прервали токъ, но черезъ 30 секундъ послѣдовалъ рядъ вздоховъ, изо рта полилась слюна. Тогда (приблизительно черезъ двѣ минуты послѣ прекращенія перваго тока) пропустили его вторично на 70 секундъ, пока не загорѣлась кожа на мѣстахъ тѣла, гдѣ были приложены электроды, обернутые смоченною губкою. Преступникъ былъ мертвъ; врачъ-палачъ Макъ-Дональдъ пришелъ къ заключенію, что «цѣль и духъ закона—дать преступнику быструю и безболѣзненную смерть—вполнѣ достигнуты».

Г. Жбанковъ сообщаетъ описаніе другого случая такой же казни. Замкнутый токъ вызвалъ молніеобразное сокращеніе всѣхъ мышцъ. Черезъ минуту токъ былъ прерванъ, тѣло казненнаго опустилось въ креслѣ, онъ издавалъ звуки, подобные ржанію лошади, изъ открытаго рта вытекала слюна, сонная артерія билась. Токъ снова былъ замкнутъ на 30 секундъ [1]).

Креттеръ даетъ описаніе 8 случаевъ казни электричествомъ, одинъ другого ужаснѣе. Такъ, 7 іюля 1891 года послѣдовала казнь четырехъ осужденныхъ: Слокума, Смайлера, Ууда и Джёджиго. Д-ръ Макъ-Дональдъ, на этотъ разъ съ тремя товарищами, пришелъ къ заключенію, что аппаратъ работалъ «чудесно и скоро», но было установлено, что послѣ перваго тока въ 37 секундъ пульсъ Слокума продолжалъ сильно биться, а черезъ минуту или двѣ возстановилось правильное дыханіе; у Смайлера послѣ троекратнаго пропуска тока, по 10 секундъ каждый, было также замѣчено дыханіе, и пришлось снова замкнуть токъ на 19 секундъ. Очевидецъ казни описываетъ, что при замкнутіи электрическаго тока тѣло казненныхъ начинало содрогаться, всѣ мускулы напрягались, какъ бы въ страшномъ усиліи порвать привязывающіе къ стулу ремни, которые трещали и глубоко врѣзывались въ тѣло; кожа и тѣло загорались у всѣхъ.

---

[1]) Статья г. *Жбанкова* „О врачахъ“, въ „Мірѣ Божіемъ“, іюль 1902 года.

7 декабря 1891 года при казни въ нью-іоркской Обурнской тюрьмѣ женоубійцы Лонни пришлось смыкать токъ три раза.

При казни 6 іюня 1893 г. въ тюрьмѣ Клинтонъ въ Донеморѣ, послѣ тока силою въ 1.660 вольтъ, продолжительностью въ 1 минуту 2 секунды, было обнаружено глубокое дыханіе, и пришлось снова сомкнуть токъ на 55 секундъ.

27 іюля 1893 г. при казни Вильяма Тейлора первый токъ оказался не смертельнымъ, и аппаратъ не могъ дать второго, такъ какъ сломался. Преступникъ стоналъ и тяжело дышалъ. Врачи дали ему морфія, и черезъ часъ исправленная электрическая машина добила его.

Довольно этихъ примѣровъ для тѣхъ, въ комъ еще не совсѣмъ убито чувство состраданія и чувство отвращенія къ человѣческой бойнѣ. Уже 16 лѣтъ работаетъ электричество, «это величайшее открытіе на позоръ человѣчества». Американцы производятъ въ машинѣ разныя усовершенствованія, и англичане, по словамъ Креттера, начинаютъ говорить о введеніи и у себя казни электричествомъ [1]).

Интересны тѣ заключительные выводы, къ которымъ пришелъ проф. Креттеръ. Смерть отъ электричества, говоритъ онъ, есть въ сущности особый родъ удушенія, и смертная казнь электричествомъ должна быть поставлена на одной ступени съ повѣшеніемъ, утопленіемъ, закапываніемъ заживо въ землю, но въ сравненіи съ этими способами казни электрическая отнюдь не лучше. Въ противоположность другимъ способамъ она, наоборотъ, очень сложна, а чѣмъ сложнѣе казнь, тѣмъ легче могутъ произойти всякія случайности, какъ это въ дѣйствительности и происходитъ. Лишь въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ смерть наступаетъ моментально, въ большинствѣ же случаевъ послѣ истеченія нѣкотораго времени. Пораженный электри-

---

1) Хотя въ машинѣ были введены различныя „усовершенствованія“, но при произведенной усовершенствованной машиной казни Шиллера въ г. Колумбѣ штата Огайо врачи два раза ошиблись въ опредѣленіи наступленія смерти; только послѣ третьяго тока силою въ 1.800 вольтъ и продолжительностью въ 60 секундъ наступила смерть Шиллера. Еще мучительнѣе была казнь другого осужденнаго—Томсона: несчастный провелъ въ электрическомъ креслѣ 18 минутъ и былъ убитъ только новымъ разрядомъ (см. „Рус. Вѣд.“, 1904 г., 10 іюня).

ческимъ ударомъ очень часто находится въ состояніи мнимой смерти [1]). Слѣдуетъ добавить, что одна и та же электрическая сила дѣйствуетъ различно не только на различныхъ лицъ, но и на одно и то же лицо въ различные моменты его состоянія.

На борьбу съ преступниками рѣшили примѣнить, кромѣ электричества, еще и другую великую силу—паръ. Г. Малининъ въ своей статьѣ «Каторга во Франціи» («Тюремный Вѣстникъ», 1904 г., январь) даетъ описаніе парохода для перевозки каторжанъ въ Гвіану. Пароходъ оконченъ постройкой и принятъ правительственной комиссіей въ 1902 году. Его названіе—Луара. «Въ немъ 888 мѣстъ для арестантовъ, 26—для пассажировъ I класса, 48—для II класса и 96—для III». Для пассажировъ всякія удобства и комфортъ. Но здѣсь же въ числѣ мѣръ, необходимыхъ для предотвращенія всякаго рода волненій, возмущеній и безпорядковъ во время плаванія и для полной безопасности надзора и свободныхъ пассажировъ, есть одно сильное средство: «во всѣ помѣщенія, занимаемыя преступниками, проведены трубы особаго устройства, черезъ которыя въ случаѣ надобности проходитъ паръ, несущій съ собою неминуемую смерть со страшными мученіями для возмутившихся...» (стр. 73). Итакъ, въ XX вѣкѣ во Франціи не прочь варить преступниковъ заживо, хотя въ «комфортабельно» устроенномъ океанскомъ пароходѣ.

Отъ области дѣйствующихъ законодательствъ перейдемъ на время къ области теоретической мысли, къ различнымъ проектамъ, попавшимъ на трибуны парламентовъ или напечатаннымъ, опубликованнымъ, т.-е. внесеннымъ прямо на обсужденіе круга еще болѣе широкаго, чѣмъ парламентъ,—на обсужденіе самого общества. Много было составлено такихъ проектовъ. Знакомясь съ ними, часто не знаешь, чему больше удивляться: безграничной ли смѣлости ихъ авторовъ, или тому времени, въ которое то здѣсь, то тамъ становится возможнымъ появленіе такихъ проектовъ-монстровъ. Было время, когда, при господствѣ въ доктринѣ и въ законодательствахъ теоріи устрашенія наказаніемъ, судьи, желавшіе особенной примѣрности и суровости кары, обращались къ ученому содѣйствію про-

[1]) *Kretter*: ук. соч., стр. 109.

фессоровъ университетовъ, и тѣ измышляли соотвѣтствующія случаю и нужныя суду пытки и казни. «Такъ было», но не все кануло въ вѣчность: охотники составлять проекты казней не перевелись и въ наши дни. Чѣмъ объяснить это?

Среди доводовъ противъ смертной казни однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ является подтверждаемое наблюденіями утвержденіе, что обрядъ смертной казни дѣйствуетъ на окружающую толпу развращающимъ образомъ, пробуждая въ ней порочныя наклонности, развивая страсть къ крови. Можетъ быть, область развращающаго вліянія современной карательной системы со смертною казнью и нѣкоторыми другими наказаніями шире, чѣмъ принято думать? Не огрубѣваютъ ли, благодаря ей, до нѣкоторой степени даже люди, причастные къ современной юстиціи? Мы увидимъ ниже, что часто именно отъ нихъ исходятъ поражающіе своею суровостью проекты новыхъ средствъ борьбы съ преступниками посредствомъ наказанія. Говорятъ, что ко всему можно привыкнуть: могильщику тяжело рыть лишь первыя могилы, мяснику—рѣзать лишь первую корову, судьѣ труднѣе подписать первый смертный приговоръ, нежели второй. Самое существованіе въ законодательствахъ нормъ, предписывающихъ гильотинированіе, повѣшеніе, разстрѣлъ, электризацію, не толкаетъ ли мысль прожектеровъ на изысканія другихъ средствъ истребленія преступниковъ? Во всякомъ случаѣ сторонники новыхъ способовъ казни, каковы бы ни были эти способы, чувствуютъ за собою силу одобренія закона: они расходятся съ нимъ не въ кардинальномъ вопросѣ о самомъ существованіи смертной казни, но въ такомъ второстепенномъ, побочномъ вопросѣ, какъ способы легальнаго умерщвленія. На ряду со смертною казнью существуютъ въ современныхъ законодательствахъ и другія карательныя мѣры, которыя должны были наводить многихъ на мысль объ изобрѣтеніи новыхъ, но аналогичныхъ по существу со старыми, средствъ борьбы съ преступностью. Такъ, мнѣ представляется весьма вѣроятнымъ, что существованіе во французскихъ тюрьмахъ описанныхъ выше дисциплинарныхъ залъ со столбиками для сидѣнья навело врача французской тюрьмы Лемэстра на мысль о возстановленіи позорнаго столба для публичной выставки преступниковъ. Свое предложеніе онъ опу-

бликовалъ отдѣльною брошюрою въ 1900 году: «La criminalité—la repression». Онъ не хотѣлъ ограничиться простымъ напоминаніемъ о существовавшихъ когда-то и теперь сгнившихъ позорныхъ столбахъ; онъ рѣшилъ доказать ихъ силу и значеніе, какъ могущественнаго средства борьбы съ растущею не по днямъ, а по часамъ арміей преступниковъ. Принявъ такое рѣшеніе, онъ обратился къ самимъ осужденнымъ съ вопросами, что они предпочли бы себѣ, какъ наказаніе: тюрьму ли на одинъ, на два, на четыре года, на шесть лѣтъ, или короткую выставку у позорнаго столба. Среди опрошенныхъ были проповѣдники, женщины, опустившіяся до дна, воры-профессіоналы и мать-дѣвушка, осужденная за дѣтоубійство. И всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, отвѣчали, что предпочитаютъ оставаться годы въ тюрьмѣ, нежели простоять минуты у позорнаго столба. Отсюда тюремный врачъ дѣлаетъ выводъ, что «позорная выставка, не являясь тѣлеснымъ наказаніемъ, служитъ наиболѣе сильнымъ моральнымъ страданіемъ, какое можно примѣнить къ осужденнымъ, и доказательство этому то, что отъявленные преступники предпочитаютъ ему смерть». Но, кромѣ этого значенія, позорный столбъ имѣетъ и другое «воспитательное», предохраняющее вліяніе для молодежи, и въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ особаго интереса: «я,—говоритъ Лемэстръ, — настолько проникнутъ этой идеей, въ которой, быть можетъ, заключается спасеніе будущаго, что желалъ бы водить всѣхъ учениковъ школъ смотрѣть выставленныхъ у позорнаго столба осужденныхъ» [1]).

Было бы ошибкою думать, что авторъ дѣлаетъ это чудовищное предложеніе не серьезно: у него нѣтъ ни одного намека на шутку или сатиру. Передъ нами лишь убѣжденный сторонникъ системы устрашенія наказаніемъ, вѣрящій въ возможность перерожденія человѣка позоромъ выставки преступника у столба на публичное посмѣяніе.

Предложеніе о возстановленіи позорнаго столба было сдѣлано въ 1900 году. Черезъ 4 года послѣ выхода въ свѣтъ этой брошюры Лемэстра, т.-е. въ 1904 г., появляется въ германской криминальной литературѣ объемистый (въ 332 стр.) томъ члена суда въ Цвейбрюккенѣ

[1]) *Lemaistre*: „Criminalite—repression“. 1900, стр. 25 и 28.

Казиміра Вагнера: «Die Strafinseln» [1]). Столь недавній выходъ въ свѣтъ работы Вагнера даетъ намъ право назвать ее въ своемъ родѣ послѣднимъ словомъ науки. Находя, что современныя мѣры борьбы съ преступностью недостаточны, авторъ проектируетъ введеніе въ германское законодательство ссылки на острова океана. «Далеко отсюда,—говоритъ онъ,—подъ созвѣздіемъ Южнаго Креста, среди чуждой имъ (ссыльнымъ) природы, подъ шумъ прибоя волнъ Великаго океана, среди дикихъ, первобытныхъ лѣсовъ и еще дикихъ обитателей страны, они научатся вѣрить въ крестъ Спасителя, передъ которымъ когда-то на далекой родинѣ они невинными дѣтьми стояли колѣнопреклоненные, полные вѣры» [2]). Но то, что говоритъ этотъ судья и бывшій прокуроръ, ясно обнаруживаетъ полнѣйшее забвеніе имъ самимъ основныхъ началъ христіанства. Для него ветхозавѣтное «око за око, зубъ за зубъ» слишкомъ мягко: если преступникъ причиняетъ страданіе ни въ чемъ неповинному, то тѣмъ большее страданіе долженъ понести онъ самъ, потому что онъ—виновный. Ложною жалостью называетъ онъ состраданіе къ преступнику: «Смотрѣть на преступника противъ общества и нравственности какъ на несчастнаго — это лишь ложная жалость» [3]). Все спасеніе—въ суровости. Когда не помогаютъ добрыя понуканія лошади, часто страхъ передъ кнутомъ оказывается послѣднимъ дѣйствительнымъ средствомъ. Но, считая кнутъ крайнимъ средствомъ воздѣйствія на лошадь, авторъ изобрѣтаетъ для воздѣйствія на человѣка другія, болѣе суровыя, чѣмъ кнутъ, мѣры: наказаніе палочными ударами, заковываніе въ цѣпи, принужденіе къ работѣ въ цѣпяхъ, ограниченіе и лишеніе пищи, темный карцеръ и остроганныя нары, пребываніе на которыхъ должно причинять остріями брусковъ сильное страданіе преступнику. Палочные удары рекомендуются авторомъ въ книгѣ не разъ. Но извѣстно, что ни карцеръ, какъ бы онъ ни былъ теменъ, ни цѣпи, какъ бы онѣ ни

---

[1]) *Casimir Wagner*, Königl. Bayr. Oberlandsgerichtsrat in Zweibrücken: „Die Strafinseln". Stuttgart, 1904. См. также объ этой книгѣ въ „Правѣ", № 13, 1904 г., ст. *Штильмана:* „Мечты отставного прокурора".

[2]) *Wagner*: ук. соч., стр. 54.

[3]) Ук. соч., стр. 17.

были тяжки, ни палки не являются новымъ открытіемъ Вагнера. Извѣстно также, что къ уменьшенію преступности эти мѣры никогда не приводили. Но Вагнеръ надѣется на ихъ успѣшное дѣйствіе въ общей системѣ его суровой ссылки; болѣе новымъ добавленіемъ къ ней являются проектируемыя имъ отягченія наказаній въ дни недѣли и мѣсяца, соотвѣтствующіе для сосланныхъ днямъ ихъ осужденія. Жирнымъ шрифтомъ печатаетъ Вагнеръ эту часть своихъ предложеній: «въ дни недѣли, соотвѣтствующіе дню осужденія, а при нѣсколькихъ приговорахъ—въ день постановленія тягчайшаго, слѣдуетъ, по образцу австрійскаго законодательства, для увеличенія устрашающей силы наказанія давать осужденному пищу лишь въ уменьшенномъ количествѣ и лишь жесткую кровать безъ матраца; въ соотвѣтствующіе же дни мѣсяца назначать ему темный карцеръ и полное лишеніе пищи» [1]).

Таково послѣднее слово науки о ссылкѣ въ устахъ этого суроваго нѣмецкаго судьи, призывающаго имя Христа и въ то же время вооружающагося на борьбу съ преступленіемъ палками, цѣпями и готоваго распять на крестѣ всѣхъ осужденныхъ.

Поменьше жалости—побольше суровости! Не отъ одного Вагнера приходится выслушивать такіе совѣты. То же провозглашаютъ многочисленные сторонники уголовно-антропологической школы: итальянскій прокуроръ суда баронъ Гарофало, отстаивающій необходимость смертной казни въ странѣ, гдѣ она отмѣнена, профессоръ судебной медицины и тюремный врачъ Цезарь Ломброзо и др. О ложной жалости къ преступнику писалъ также въ 1902 г. никому неизвѣстный тюремный чиновникъ во Франціи. Защищая ссылку на Корсику, онъ говорилъ противъ указаній на смертность въ этой странѣ отъ лихорадки: «Лихорадка?.. Но въ этой странѣ, населенной теперь и эксплоатируемой свободнымъ населеніемъ, можно ли бояться за здоровье приговоренныхъ къ ссылкѣ? Не стали ли мы, дѣйствительно, слишкомъ чувствительны къ преступникамъ?» И объ излишней чувствительности къ преступникамъ говоритъ чиновникъ французскихъ тюремъ, гдѣ изъ каждой сотни наказанныхъ по суду и присужденныхъ къ долгосрочному наказанію

[1]) Ук. соч., стр. 282.

63,86% въ 1900 году и 59,17% въ 1901 году несли еще добавочныя дисциплинарныя наказанія по усмотрѣнію тюремной администраціи, и притомъ несли ихъ такъ часто, что на каждую сотню заключенныхъ приходилось въ 1899 г. 317 наказаній, въ 1900 г.—318,65 и въ 1901 г.—321,96 взысканій; гдѣ тысячи (28.719 въ 1898—1901 гг. въ долгосрочныхъ тюрьмахъ и 14.595 въ одномъ 1901 г. въ краткосрочныхъ тюрьмахъ) сажаются на хлѣбъ и на воду и еще большія тысячи (38.486 въ 1898—1901 гг. въ долгосрочныхъ тюрьмахъ) приговариваются тюремною администраціей къ другимъ ограниченіямъ пищи и гдѣ десятки тысячъ дней проводятся заключенными въ карцерахъ темныхъ, полутемныхъ и свѣтлыхъ (71.515 дней въ 1899 году) [1]).

Недовольствомъ же, питаемымъ къ будто бы излишней мягкости наказаній, надо объяснить вносимыя въ парламенты предложенія о введеніи розги или о расширеніи области примѣненія тѣлеснаго наказанія.

Въ засѣданіи 7 марта 1900 года депутатъ д-ръ Эртель, настаивая въ германскомъ рейхстагѣ на необходимости введенія тѣлеснаго наказанія за преступленія, обнаруживающія грубость преступника, его жестокость, говорилъ подъ горячіе аплодисменты депутатовъ правой: «Требуя устрашенія (розгами) виновниковъ жестокихъ преступленій, мы не погрѣшаемъ противъ культуры, но служимъ ей и дѣйствуемъ, по моему глубокому убѣжденію, не негуманно, но гуманно въ самомъ благородномъ и высокомъ смыслѣ слова» [2]).

Не безынтересно остановиться на доводахъ Эртеля въ защиту розогъ нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что гласъ его вопіялъ не въ пустынѣ, но въ законодательномъ собраніи культурной страны и находилъ поддержку въ одобрительныхъ возгласахъ политическихъ единомышленниковъ депутата правой. Самъ ораторъ съ торжествомъ указывалъ, что число сторонниковъ тѣлеснаго наказанія въ Германіи растетъ, и Миттельштедъ, знаменитый Миттельштедъ, стоявшій нѣ-

---

[1]) „Statistique penit.“ Exposé. générale de la situation des services et des divers établiss. 1903. Pour les années 1898, 1899, 1900 et 1091.

[2]) „Blät. f. Gefängnisskunde“, 1900, I B., Heft 2, стр. 155.

когда совсѣмъ одиноко съ своимъ требованіемъ введенія розги, теперь окруженъ плеядой сторонниковъ розги; среди нихъ, по словамъ оратора, много теоретиковъ, но еще больше судей и практиковъ [1]).

Если мы говоримъ, что не безынтересно остановиться на тѣхъ доводахъ, которые нашлись въ 1900 году у сторонниковъ розги, то не потому, что они говорятъ намъ что-нибудь новое. Напрасно мы стали бы искать проблеска свѣжей мысли тамъ, гдѣ говоритъ не разумъ, а чувство и такое дурное чувство, какъ месть, вспоенная и вскормленная классовою рознью. Не новизною, но своею ветхостью интересны намъ доводы Эртеля.

«Три цѣли должно преслѣдовать наказаніе: возмездіе, воспитаніе, устрашеніе». Розга, по мнѣнію депутата,—прекрасное возмездіе. Десять лѣтъ занимается онъ собираніемъ судебныхъ случаевъ, въ которыхъ самымъ лучшимъ наказаніемъ было бы тѣлесное, вмѣсто назначенныхъ судами другихъ наказаній, и много сотенъ набралъ онъ такихъ процессовъ, гдѣ «за скотское преступленіе единственнымъ искупленіемъ является скотское же наказаніе». Изъ этихъ многихъ сотенъ преступленій авторъ приводитъ для примѣра три и, покончивъ съ возмездіемъ, переходитъ къ воспитанію розгою. Воспитательное значеніе тѣлеснаго наказанія представляется Эртелю стоящимъ внѣ сомнѣнія и потому, очевидно, не нуждающимся въ доказательствахъ. Что касается устрашающей силы розги, то депутатъ надѣется, что при тѣлесныхъ наказаніяхъ не будетъ проявляться осужденными то чувство удовольствія и благодарности къ судьѣ, которое не стѣсняются обнаруживать теперь приговоренные къ тюрьмѣ. Наконецъ, совершенно невѣрны утвержденія противниковъ тѣлеснаго наказанія о развращающемъ его вліяніи на самого наказываемаго и на приводящихъ наказаніе въ исполненіе: учителя и родители, пользующіеся этимъ воспитательнымъ средствомъ, никогда не становились отъ этого хуже. Розга не оскорбляетъ чувство чести преступника и никогда не вредитъ

[1]) Ссылка оратора на германскихъ судей, какъ на сторонниковъ розги, если она вѣрна, лишній разъ подтверждаетъ высказанную нами мысль о томъ вліяніи, какое оказываетъ современная карательная система на лицъ, всего ближе къ ней стоящихъ.

его здоровью: оскорбленіе чести невозможно тамъ, гдѣ нѣтъ чести, гдѣ передъ нами не человѣкъ, а скотина. Справедливо говорятъ о сверхгуманности: „Гуманность, проявляемая къ скотинѣ, есть высшая степень гуманности“.

Таковы были доводы Эртеля, убѣждавшаго противниковъ розги принять предложеніе объ ея введеніи если не окончательно, то хотя бы для опыта: «Вы, господа противники розги, — говоритъ депутатъ, — можете голосовать за наше предложеніе: разъ вы такъ твердо убѣждены въ основательности вашихъ доводовъ, то должны предположить, что послѣ произведенныхъ опытовъ имперскій канцлеръ и правительство придутъ также къ отрицанію тѣлеснаго наказанія, и ваше положеніе значительно окрѣпнетъ» [1]).

Мы не будемъ останавливаться на возраженіяхъ депутату Эртелю представителей другихъ партій рейхстага, но наказаніе розгою, примѣняемое какъ дисциплинарное взысканіе въ тюрьмахъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ государствъ, не было принято, какъ наказаніе по суду.

Черезъ $2^1/_2$ мѣсяца послѣ описаннаго засѣданія германскаго рейхстага вопросъ о розгѣ обсуждался 21 мая 1900 года въ англійской палатѣ общинъ: министръ внутреннихъ дѣлъ Матью Уайтъ Ридлей предложилъ палатѣ для второго чтенія билль о малолѣтнихъ преступникахъ [2]). Въ палатѣ лордовъ билль уже былъ принятъ однажды съ большимъ сочувствіемъ. Было предложено замѣнять по приговору суда тюремное заключеніе малолѣтнихъ (отъ 12 до 16 лѣтъ) розгами—не свыше 24 ударовъ березовою розгою. Сторонники розги указывали, что тѣлесное наказаніе менѣе вредно, чѣмъ тюремное заключеніе, что тюрьма способствуетъ загрубѣнію малолѣтняго и сближенію его съ преступнымъ міромъ, что тѣлесныя наказанія устрашительнѣе и дѣйствуютъ предупредительнѣе, чѣмъ какое-либо другое наказаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ возможность безъ перерыва вести свои занятія и дешево стоятъ государству. Послѣ долгихъ дебатовъ обсужденіе проекта было отложено.

---

[1]) Тамъ же, стр. 145—155.

[2]) См. „Журн. Мин. Юст.“, № 7, 1900 года. „Письма изъ Англіи“, стр. 197

Поразительно, что англійскіе лорды и депутаты въ 1900 году почти дословно повторили въ защиту розги слова, сказанныя давнымъ-давно въ похвалу ей старинымъ англійскимъ писателемъ еще въ то время, когда сѣкли на площадяхъ мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ, больныхъ и здоровыхъ: «розга не менѣе полезна для честной части человѣческаго рода,—писалъ онъ,—чѣмъ и для людей безъ опредѣленныхъ занятій: она—тотъ могущественный воспитатель, который встрѣчаютъ на пути молодые люди рядомъ съ висѣлицей. Она—вѣрное средство противъ разврата и порчи. Поистинѣ велики услуги, оказанныя странѣ посредствомъ poteau au fuet (столбъ, къ которому привязывали при наказаніи розгами)». Мы взяли эти свѣдѣнія изъ капитальнаго труда Вильяма Андрюса (William Andrews): «Les Chatiments de jadis» (traduits de l'anglais. Paris, 1902, стр. 267—288). Борьба за введеніе тѣлеснаго наказанія происходила недавно и въ датскомъ парламентѣ. Побѣдили защитники кнута и палки. 4 августа 1905 г. былъ обнародованъ новый законъ; онъ начинается словами: «Мы, Христіанъ IX, и пр. и пр. и пр., извѣщаемъ». Извѣщеніе касается, во-первыхъ, длины и толщины палокъ и каната, которыми можно бить гражданъ Даніи, а во-вторыхъ, мѣста, по которому можно бить. Орудіями наказанія служатъ палки и канатъ. Палками служатъ тростниковые прутья $1^1/_2$ локтя длины и $1^1/_2$ дюйма толщины съ концами, обтянутыми дратвою. Концы просмоленнаго каната также обтянуты дратвою; его длина—$1^1/_4$ локтя, а толщина—$2^1/_2$ дюйма. Наказаніе канатомъ можетъ быть примѣнено лишь къ тѣмъ, кто былъ уже ранѣе наказанъ тѣлесно. Наказаніе палками производится по ягодицѣ, которая должна быть прикрыта лишь рубашкою; по этому же мѣсту бьютъ и канатомъ, но оно должно быть прикрыто не только рубашкой, какъ при наказаніи палками, но и брюками. Послѣдніе 48 часовъ передъ тѣлеснымъ наказаніемъ и 24 часа послѣ него осужденный проводитъ въ одиночномъ заключеніи [1]). Что онъ передумаетъ за эти часы уединенія передъ величайшимъ надругательствомъ надъ его личностью и послѣ этого надругательства, угадать не трудно.

[1]) Подробности этого закона см. въ „Blätter für Gefängnisskunde", 1906 г., В. 39.

Трудно найти въ мірѣ сколько-нибудь значительный городъ, въ которомъ не было бы тюрьмы. Большія или маленькія, одиночныя или общія, новыя усовершенствованныя или разваливающіяся старыя, вездѣ онѣ бросаются въ глаза прохожему, съ ихъ характерными окнами за желѣзными рѣшетками и съ часовыми у массивныхъ дверей на запорѣ. На ихъ фронтонахъ красуются надписи, то короткія съ различными названіями мѣстъ заключенія, то другія, болѣе громкія. Такъ, надъ дверями французскихъ тюремъ красуются высѣченныя изъ камня слова: свобода, равенство, братство—liberté, égalité, fraternité; на старой римской тюрьмѣ, существующей не одну сотню лѣтъ, но называемой Новою тюрьмою (Carcere Nuovo), папа Иннокентій X написалъ о посвященіи тюрьмы защитѣ правды и милости. Прочтя разныя хорошія слова о любви, состраданіи, братствѣ и свободѣ, мы входили въ украшенныя такими надписями дома заключенія и видѣли тамъ совершенно темные, сырые, подвальные карцеры (въ Лозаннѣ), дисциплинарные залы (Пуаси), смирительныя рубашки (парижская консьержери), видѣли арестантовъ въ маскахъ (Френъ ле Ронжа), видѣли маленькихъ дѣтей 9—10 лѣтъ въ одиночныхъ камерахъ тюремъ (Парижъ, Римъ), видѣли десятки арестантовъ, работающихъ вмѣстѣ, бокъ о бокъ, въ общихъ мастерскихъ, но не имѣющихъ права рѣчи, обязанныхъ къ постоянному молчанію за работою, несмотря на всѣ соблазны сосѣдства направо и налѣво, сзади и спереди тутъ же работающихъ товарищей по заключенію.

Обязанность молчанія — одно изъ очень тяжелыхъ требованій тюремной дисциплины—налагается на арестантовъ осмотрѣнныхъ мною французскихъ, итальянскихъ и швейцарскихъ тюремъ, но нигдѣ не слѣдятъ такъ строго за ея исполненіемъ, какъ во французскихъ мѣстахъ заключенія. Директоры многихъ итальянскихъ тюремъ, а также и швейцарскихъ признаются въ невозможности исполненія этого противоестественнаго требованія закона. Въ старое время за «неистовыя рѣчи» рѣзали языки, но существуютъ историческія преданія, что наказанные научались говорить и при помощи оставшагося обрубка. Тѣмъ болѣе не можетъ привести ни къ какимъ желаемымъ законодателемъ результатамъ запрещеніе гово-

рить, эта психологическая операція урѣзыванія языка, страхомъ суроваго наказанія. По свѣдѣніямъ французской тюремной статистики, въ 1901 году было 14.265 случаевъ примѣненія дисциплинарныхъ наказаній за нарушеніе обязанности молчанія. Въ флорентійской тюрьмѣ Santa Teresa 16 мая 1904 года произошли, вслѣдствіе взысканія, наложеннаго на арестанта за разговоры, столь сильные безпорядки, что пришлось призвать для усмиренія военную силу: арестанты забаррикадировались и дрались стульями, кирпичами и пр. («Messaggero», 18 мая 1904). Объ этихъ волненіяхъ писали и говорили. Но какъ они не были первыми, такъ, конечно, не были и послѣдними: «время отъ времени то здѣсь, то тамъ,—говорилъ недавно въ итальянской палатѣ депутатовъ Турати, —всплываетъ наружу то или другое тюремное дѣло, бросающее лучъ свѣта въ мракъ мертвыхъ домовъ нашей страны; тогда общественное мнѣніе на время возмущается, какой-нибудь депутатъ дѣлаетъ запросъ, министръ отвѣчаетъ, что ему вздумается, и могилы снова герметически закрываются, пока не разразится какая-нибудь новая трагедія» [1]). Въ томъ же засѣданіи палаты этотъ депутатъ и криминалистъ совершенно основательно указывалъ на достоинства и недостатки тюремнаго регламента итальянскихъ мѣстъ заключенія, но слова его съ полнымъ правомъ могутъ быть распространены и на тюремные регламенты другихъ странъ. «Въ дѣйствующемъ регламентѣ, созданіи Бельтранія-Скаліа, двѣ части противоположнаго характера: одна направлена на устрашеніе, подавленіе осужденнаго; она стремится дать ему почувствовать всю безконечную мощь государства-побѣдителя, заставить его пригнуться и ужаснуться своей вины. Эта часть регламента безспорно сурова... Но есть и другая часть, стремящаяся поднять преступника, приготовить его къ выходу изъ могилы въ такомъ физическомъ, интеллектуальномъ и нравственномъ состояніи, чтобы онъ былъ способенъ къ жизненной борьбѣ, чтобы онъ могъ стать на путь исправленія. Но такъ какъ много легче запереть осужденнаго и запугивать его суро-

---

[1]) *Turati:* „I cimiteri dei vivi (per la riforma carceraria)". Discorso sul Bilancio degli interni, pronunziato alla camera dei deputiti il 18 marzo 1904. Roma, 1904, стр. 3–4.

востью, чѣмъ посредствомъ воспитанія сдѣлать новаго человѣка, такъ какъ жестокость не требуетъ ни ума, ни утомленія, ни денежныхъ средствъ, а воспитаніе требуетъ всего этого, то случилось, что первая часть регламента, суровая, въ которой живетъ духъ общественной мести противъ несчастнаго узника, широко примѣняется, а вторая часть... осталась мертвою буквою».

Къ области содержанія первой части регламентовъ относятся между прочимъ не вышедшія изъ употребленія дисциплинарныя тюремныя наказанія розгами. Они примѣняются въ тюрьмахъ Пруссіи, Саксоніи, Гамбурга, Любека, Мекленбурга, Ольденбурга, Шварцбурга, Рудольштата и др. [1]). Въ Даніи до сихъ поръ не отмѣненъ законъ 3 дек. 1850 года о наказаніи арестантовъ за проступки противъ тюремной дисциплины розгами, девятихвостою кошкою (le chat à neuf queues), линьками, и ими пользуются въ повседневной практикѣ. Въ Англіи изобрѣтено для мученія арестантовъ (въ Pantonville, Milbank, Hollawai) нѣсколько видовъ безрезультатнаго труда: 1) верченіе колеса (tread wheal): къ громадному цилиндру придѣланы ступени, и 24 арестанта, держась руками за перекладину надъ ихъ головою, шагаютъ по ступенямъ и приводятъ такимъ образомъ колесо въ движеніе. 2) Schot drill: арестантъ долженъ переносить пушечное ядро справа налѣво, потомъ слѣва направо, снова справа налѣво и т. д. безъ конца [2]). Въ русской литературѣ встрѣчалось описаніе очевидца другой формы этого наказанія въ англо-бирманскихъ тюрьмахъ: выстроенные въ рядъ арестанты должны продѣлывать на солнечномъ припекѣ такъ называемое бомбовое ученіе; у ногъ каждаго изъ нихъ лежитъ ядро; по командѣ ударяющаго въ барабанъ стражника (онъ сидитъ въ тѣни),

---

[1]) Орудія тѣлеснаго наказанія: розга, палка, ремень, бычачій хвостъ. Наказываемаго привязываютъ къ „кобылкѣ“. Число ударовъ: въ Ольденбургѣ и Мекленбургѣ до 25, въ Саксоніи—до 30, въ Пруссіи—до 60. См. стр. 192—207. *Hans Leuss:* „Aus dem Zuchthause“. 3 Auflage, 1904.

[2]) Это наказаніе извѣстно русской тюрьмѣ: по § 23 высочайше утвержд. правилъ 28 марта 1870 г. приказывалось занимать арестантовъ переноскою съ одного мѣста на другое и складываніемъ въ ряды и кучи ядеръ, пересыпаніемъ песку, переноской дровъ и кирпичей (см. у *Панова*: „Сахалинъ какъ колонія“, 1905 г., стр. 63.

они нагибаются къ ядрамъ, по командѣ же поднимаютъ ихъ вверхъ, а затѣмъ по новому удару въ барабанъ опускаютъ ядра снова къ ногамъ, чтобы начать опять продѣлывать то же самое. 3) Арестантъ обязанъ вертѣть ручку колеса съ ковшами; колесо (crank) находится наполовину въ пескѣ; ковши, проходя черезъ слой песку, зачерпываютъ его, но затѣмъ опрокидываются и высыпаютъ, снова зачерпываютъ и снова высыпаютъ и т. д. [1]).

Таковы наиболѣе характерныя черты современной борьбы съ преступленіемъ. Мы могли бы сравнить ее съ только что описанными наказаніями арестантовъ безрезультатнымъ трудомъ. Но мы были бы неправы. Результаты есть, но они отрицательные. Смертная казнь, каторжныя работы, современная тюрьма не только безполезны, но и вредны. Съ несомнѣнною ясностью это доказываетъ профессоръ берлинскаго университета Листъ. Онъ приводитъ слѣдующія цифры германской статистики:

Приростъ населенія въ Германіи за 1882—96 гг. . .	15,8%
Увеличеніе числа преступниковъ	38,5%
Увеличеніе числа осужденныхъ въ первый разъ . .	13,0%
Увеличеніе числа уже разъ наказанныхъ	85,0%
Увеличеніе числа два раза наказанныхъ	98,0%
Увеличеніе числа уже 3—5 разъ наказанныхъ . . .	132,0%
Увеличеніе числа уже 6 разъ и болѣе наказанныхъ	277,0%

Отсюда такой выводъ: «каждое осужденіе увеличиваетъ склонность къ преступленію», т.-е. склонность къ преступленію тѣмъ больше, чѣмъ больше число понесенныхъ осужденнымъ наказаній. Но Листъ дѣлаетъ и другой выводъ, также подтверждаемый уголовной статистикой: «чѣмъ тя-

---

[1]) Въ январской книжкѣ „Lectures pour tous“ за 1902 г. помѣщена фотографія верченія цилиндровъ группами арестантовъ въ 24 человѣка. Высчитано, что арестантъ дѣлаетъ на колесѣ восхожденіе въ $8^1/_2$ километровъ въ 8 часовъ.

На московскомъ съѣздѣ русской группы союза криминалистовъ г. Дриль, говоря о тюремныхъ жестокостяхъ, описывалъ между прочимъ видѣнное имъ въ 1882 г. дисциплинарное кресло въ Брухзальской тюрьмѣ вел. герц. Баденскаго: усаженнаго въ это кресло арестанта перетягиваютъ ремнями до такой степени, что это наказаніе должно причинять не только боль провинившемуся, но и вредъ его здоровью.

желѣе было по роду и размѣру наказаніе, тѣмъ скорѣе наступаетъ новое совершеніе преступленія» [1]).

Вѣра во всемогущую силу наказанія, какъ средства борьбы съ преступностью,—ересь. Она зиждется на полномъ игнорированіи вопроса о причинахъ преступленій.

Вопросъ о факторахъ преступности привлекъ къ себѣ должное вниманіе криминалистовъ лишь въ самое послѣднее время. Эти криминалисты составили особую школу, извѣстную подъ именемъ соціологической.

Главную характерную черту соціологическаго направленія въ наукѣ уголовнаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его заслугу, составляетъ ученіе о преступленіи, какъ соціальномъ явленіи, выясненіе зависимости между соціальною средою и преступностью. «Общество имѣетъ такихъ преступниковъ, какихъ оно заслуживаетъ», говоритъ одинъ изъ первыхъ сторонниковъ новой школы, проф. Лакассань; «преступленіе—это ненавистная привилегія лишь одного класса», говоритъ криминалистъ-соціалистъ Турати; «преступленіе—это тѣнь, отбрасываемая обществомъ», учитъ Тардъ; для Принса преступленіе есть явленіе соціальное: въ преступности онъ видитъ вырожденіе соціальнаго организма.

Вполнѣ понятно, что при такомъ взглядѣ на причины преступности сторонникъ соціологической школы считаетъ главнымъ средствомъ борьбы съ преступленіемъ не наказанія, но соціально-политическія реформы. Выведя науку уголовнаго права изъ области метафизики, куда ее завели криминалисты стараго направленія, остерегая ее отъ чрезмѣрнаго увлеченія узнать истину только на анатомическомъ столѣ криминалиста-антрополога, криминалистъ-соціологъ пошелъ по мансардамъ, чердакамъ и подваламъ, къ нищимъ-труженикамъ, въ народъ, въ ряды пролетаріата, и здѣсь предъ нимъ раскрылись такія картины причинъ преступности, что рука, занесенная для удара—наказанія, невольно должна была опуститься.

Въ настоящей нашей работѣ мы поставили своею цѣлью дать очеркъ развитія идеи о вліяніи соціальной среды на преступность и изслѣдовать ученіе криминалистовъ-соціа-

---

[1]) „Das gewerbsmässige Verbrechen". „Zeitschr. für die gesam. Strafrechtswis". Band 21.

листовъ о соціальныхъ факторахъ преступленій. Но предварительно мы должны выяснить понятіе факторовъ преступности и дать ихъ классификацію.

ГЛАВА II.

Факторы преступности. Ихъ классификація.

Ученіе о факторахъ преступности болѣе всего извѣстно подъ даннымъ ему Колаянни и Ванъ Гамелемъ названіемъ этіологіи преступленія (Kriminal-Ätiologie), но на ряду съ этимъ названіемъ существуетъ и другое, предложенное Листомъ,—«криминологія». Листъ различаетъ въ криминологіи криминальную біологію или криминальную антропологію и криминальную соціологію; къ предмету содержанія первой онъ относитъ изученіе индивидуальныхъ факторовъ преступности, а второй—изслѣдованіе преступленія, какъ явленія общественной жизни [1]).

Изъ этихъ двухъ названій болѣе правильнымъ является первое, данное Ванъ Гамелемъ, такъ какъ оно болѣе соотвѣтствуетъ содержанію этой части науки уголовнаго права, заключающейся, какъ показываетъ уже самое названіе, въ изученіи именно причинъ преступности. Листовское же названіе «криминологіи» (crimen—преступленіе) даетъ понятіе болѣе широкое, чѣмъ самый отдѣлъ ученія о причинахъ преступленія.

Итакъ, подъ именемъ криминальной этіологіи понимается ученіе о причинахъ преступности. Но что мы должны считать причиной? Понятіе причины въ настоящее время установлено въ томъ видѣ, въ какомъ далъ его Джонъ-Стюартъ Милль, отбросившій метафизическія теоріи о причинѣ, какъ особомъ дѣятельномъ началѣ, и опредѣлившій ее на почвѣ опыта и наблюденія, какъ совокупность предшествующихъ

---

[1]) „Этіологія есть ученіе о причинахъ, а потому криминальная этіологія есть ученіе о причинахъ преступности“ (стр. 345, 347 „Kriminal-Ätiologie“ von prof. *Van Hamel*. „Zeit. f. d. g. Str., B. 21. 1900). *Colajanni*: „La sociologia criminale“, т. I, 1889, стр. 40.

явленій, за которыми результатъ безусловно слѣдуетъ, слѣдовалъ и будетъ слѣдовать, пока будетъ существовать то же положеніе вещей [1]). Принимая это опредѣленіе Милля, мы должны, слѣдовательно, считать причинами преступности тѣ явленія и факты, за которыми она неизмѣнно проявляется. Наблюденіе показало, что эти факты и явленія могутъ быть весьма разнообразны. А такое разнообразіе вызываетъ необходимость ихъ классификаціи.

Первыя попытки классификаціи мы встрѣчаемъ уже у извѣстнѣйшаго итальянскаго криминалиста классическаго направленія Романьози, неоднократно обращавшагося къ выясненію причинъ преступности. Онъ дѣлитъ ихъ на четыре группы: «наиболѣе общія и упорныя причины преступленій,—говоритъ онъ,—сводятся къ слѣдующимъ группамъ: 1) къ недостатку средствъ существованія, 2) къ недостаточности воспитанія, 3) къ недостаточности предусмотрительности и 4) къ недостаткамъ юстиціи. Первая группа причинъ—экономическаго свойства, вторая—моральнаго, а третья и четвертая—политическаго». Но такъ какъ вопросъ о факторахъ преступности не интересовалъ ни современниковъ Романьози, ни ближайшихъ его по времени послѣдователей, то и вопросъ о классификаціи факторовъ преступности не могъ получить должнаго освѣщенія. Лишь съ развитіемъ новыхъ ученій въ наукѣ уголовнаго права, когда съ конца семидесятыхъ годовъ центръ вниманія былъ перенесенъ съ преступленія и наказанія на преступника и предупрежденіе преступленія, такая классификація сдѣлалась необходимой. Такъ, уже съ первыхъ годовъ своего существованія уголовно-антропологическая школа обращается въ лицѣ Ферри къ дѣленію причинъ преступности. Данная проф. Ферри классификація извѣстна подъ именемъ трехчленной и является въ настоящее время почти общепринятою.

Трехчленная классификація Ферри была дана имъ еще въ одной изъ его первыхъ работъ—«О преступности во Франціи» (напечатана впервые въ 1881 г.) [2]). Считая пре-

---

[1]) *Д.-С. Миллъ*: „Система логики силлогистической и индуктивной". Перев. подъ ред. В. И. Ивановскаго. М., 1899, стр. 266. *Г. Колоколовъ*: „О соучастіи въ преступленіи". М., 1881, см. „Введеніе".

[2]) *Ferri*: „Studi sulla criminalità in Francia". Авторъ ограничивается [illegible]

ступленіе, какъ и всякое другое человѣческое дѣйствіе, продуктомъ многихъ причинъ, онъ раздѣлилъ послѣднія на три группы и отнесъ въ первую категорію индивидуальныя или антропологическія причины, во вторую—физическія и въ третью—соціальныя. Антропологическіе факторы—тѣ, которые лежатъ въ самой личности преступника и составляютъ, по ученію Ферри, первое условіе преступленія; они раздѣляются въ свою очередь на три группы, сообразно тремъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ можетъ разсматриваться преступникъ: на органическіе, психическіе и общественные. Органическая конституція преступника охватываетъ аномаліи чувства и интеллекта, особенности языка и литературы преступниковъ; понятіе личнаго характера преступника заключаетъ въ себѣ какъ чисто біологическія условія (раса, возрастъ, полъ), такъ и біосоціальныя условія, «напримѣръ, гражданское состояніе, образованіе, воспитаніе, мѣсто жительства, общественный классъ, профессія».

Ферри не даетъ опредѣленія физическихъ и соціальныхъ факторовъ преступности, примѣрное же перечисленіе тѣхъ и другихъ обнаруживаетъ отсутствіе у него опредѣленнаго, выбраннаго напередъ принципа классификаціи. Такъ, въ группу физическихъ причинъ было отнесено имъ въ первомъ изданіи упомянутой выше работы на ряду съ климатомъ, природой, почвой и проч. также сельскохозяйственное производство, но въ то же время промышленное производство было занесено въ рубрику соціальныхъ факторовъ. Позднѣе оба эти производства—сельскохозяйственное и промышленное — были отнесены авторомъ въ одну группу соціальныхъ факторовъ. Но и въ настоящее время

антропологическіе факторы—возрастъ, полъ, гражданское состояніе, профессія, жилище, общественные классы, степень образованія и воспитанія, органическая и физическая конституція преступника; физическіе—раса, климатъ, строеніе почвы и степень ея плодородія, дневное и ночное время, времена года, годовая температура; соціальные факторы—увеличеніе и уменьшеніе народонаселенія, эмиграція, общественное мнѣніе, обычаи и религія, семейный строй, положеніе политическое, финансовое, коммерческое, производство промышленное и земледѣльческое, административное устройство, общественная безопасность, общественное образованіе и воспитаніе, общественная благотворительность, законодательство (стр. 18 „Studi sulla criminalita ed altri saggi“, 1901).

мы находимъ въ классификаціи Ферри отнесеніе однихъ и тѣхъ же факторовъ одновременно въ разныя группы: такъ, образованіе и воспитаніе занесены авторомъ въ число антропологическихъ и соціальныхъ факторовъ. Опредѣленіе Ферри антропологическихъ факторовъ слишкомъ широко (антропологическіе факторы тѣ, которые лежатъ въ личности) [1]) и даетъ ему возможность относить въ этотъ же разрядъ несомнѣнно такія не антропологическія причины, какъ общественный классъ преступника, его профессію и мѣстожительство.

Примѣру Ферри лишь обозначать категоріи причинъ, не давая ихъ опредѣленія, послѣдовали многіе другіе криминалисты, впавшіе въ такія же, какъ и онъ, ошибки. Они не всегда были между собою согласны и въ вопросѣ о распредѣленіи причинъ по тѣмъ или другимъ группамъ, но такое несогласіе было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отсутствія точнаго масштаба классификаціи: такъ, образованіе, отнесенное Ферри въ двѣ категоріи антропологическихъ и соціальныхъ причинъ, было зачислено большинствомъ въ разрядъ общественныхъ факторовъ, нѣкоторыми—въ число антропологическихъ причинъ; алкоголизмъ, относящійся по Ферри къ соціальнымъ факторамъ, былъ отнесенъ нѣкоторыми къ группѣ антропологическихъ причинъ и т. д.

Мы считаемъ необходимымъ, прежде чѣмъ изложить другія попытки классификаціи факторовъ преступности, дать опредѣленіе каждой изъ трехъ намѣченныхъ Ферри категорій.

Какіе факторы могутъ быть названы антропологическими? Опредѣленіе антропологіи должно считаться въ настоящее время установившимся. Антропологіей называется наука, имѣющая предметомъ своего изученія человѣка.

«Слово антропологія,—говоритъ Топинаръ,—обозначаетъ науку о человѣкѣ или о людяхъ, и, несомнѣнно, въ нее можетъ входить все, что касается человѣка. Но у этого безконечно широкаго опредѣленія есть граница, рядомъ съ теоретическимъ опредѣленіемъ, или, вѣрнѣе, этимологическимъ, существуетъ практическая необходимость въ точномъ ограниченіи...“ „Въ стремленіи изслѣдовать слишкомъ много антропологія кончила бы тѣмъ, что ничего не изслѣ-

[1]) *Ferri:* „La sociologie criminelle“, 1893, стр. 150.

довала бы: антропологія—для насъ зоологія человѣка. Антропологія изучаетъ человѣка съ животной физической точки зрѣнія. Она описываетъ его естественныя разновидности, называемыя расами, она его сравниваетъ съ другими животными, опредѣляетъ его мѣсто въ классификаціи и пытается установить его происхожденіе и генеалогію. Если Катрфажъ и Брока дѣлаютъ экскурсіи въ области соціальную, психическую и физіологическую, то единственно съ тѣмъ, чтобы отыскать его отличительный характеръ и достичь конечной цѣли—познанія животнаго, la connaissance de l'animal» [1]).

При этомъ опредѣленіи антропологіи единственно правильнымъ понятіемъ антропологическихъ факторовъ преступности будетъ такое, въ которомъ слову «антропологическій» будетъ дано указанное выше содержаніе. Поэтому антропологическими причинами преступности нужно назвать тѣ, которыя лежатъ въ свойствахъ самой природы человѣка, какъ одного изъ представителей животнаго царства, въ его внѣшней и психической организаціи. Внѣ всякаго сомнѣнія, именно къ этой группѣ причинъ относятся тѣ аномаліи черепа и организаціи преступника, какими онъ надѣленъ по ученію Ломброзо и его послѣдователей. Сюда же относятся полъ, возрастъ, раса, безъ чего мы не можемъ представить человѣка, но никоимъ образомъ нельзя отнести сюда профессію, общественный классъ, воспитаніе или образованіе, какъ это дѣлаетъ Ферри, или гражданское состояніе и законнорожденность, какъ это дѣлаетъ Колаяни [2]). Та или другая профессія, принадлежность къ тому или другому классу, внѣбрачное происхожденіе, воспитаніе человѣка и его образованіе—отнюдь не свойства его природы, а потому, согласно нашему опредѣленію, не могутъ быть названы антропологическими факторами.

Во вторую группу Ферри отнесъ физическіе факторы преступности; такое названіе должно быть дано силамъ внѣшней, окружающей человѣка природы, вызывающей его къ дѣйствіямъ. Онѣ могутъ быть весьма разнообразны, но какъ скоро разсматриваемая сила не является проявле-

---

[1]) *Topinard:* „Criminologie et anthropologie". Actes du 2-me Cong. d'Anthr. crim., стр. 490—491.

[2]) *Colajanni:* „La sociologia criminale", т. II, § 80.

ніемъ самою природою ея свойствъ и мощи, она не можетъ называться физическою. Такъ, Ферри въ своей «Sociologie criminelle» относитъ къ числу физическихъ причинъ земледѣльческое производство и къ соціальнымъ, какъ было указано выше,— промышленное производство. Авторъ не сообщаетъ основаній, по которымъ онъ отнесъ земледѣльческое производство къ группѣ физическихъ причинъ. Если онъ руководился при этомъ ролью природы въ произрастаніи злаковъ, то въ трудѣ земледѣльческомъ и фабричномъ, въ какой бы стадіи развитія ни находились та и другая промышленность и какъ бы онѣ ни были организованы, одинаково необходимыми являются при производствѣ и силы природы и трудъ человѣка.

Въ послѣднюю категорію соціальныхъ факторовъ должны быть отнесены вліянія на преступность той общественной среды, въ которой живетъ преступникъ. Подъ общественною средою понимается не только тотъ кругъ людей или та часть общества, въ которой вращается человѣкъ, но также и тѣ соціальные институты и весь государственный политическій строй, въ соприкосновеніе съ которыми человѣкъ, живущій въ государствѣ и обществѣ, неизбѣжно входитъ [1]). Такъ, въ понятіе соціальныхъ условій входятъ вліяніе семейной обстановки, классовое устройство, организація труда, распредѣленіе богатствъ, общественное мнѣніе, жизнь въ городахъ и селахъ, образованіе, воспитаніе, религія, политическое устройство, войны и мн. др.

Изъ этого примѣрнаго перечня уже видно, что соціальные факторы чрезвычайно разнообразны по своему содержанію. Были попытки разбить ихъ въ свою очередь на нѣсколько категорій. Такъ, Ванъ Канъ и Колаянни дѣлятъ ихъ на соціальные въ узкомъ смыслѣ и на экономическіе. Въ группу экономическихъ выдѣляются ими тѣ феномены,

---

1) Таково же опредѣленіе проф. Фойницкаго, называющаго соціальными причинами общественныя вліянія, лежащія въ организаціи общественнаго строя и въ отношеніи его къ личности, воздѣйствіи, оказываемомъ обществомъ и государствомъ на личность путемъ разнообразныхъ мѣръ и учрежденій, споспѣшествующихъ ея нормальному существованію или затрудняющихъ его (*Фойницкій*: „Факторы преступности“. „Сѣверн. Вѣсти.“, 1893 г., кн. 10, стр. 112).

которые относятся въ жизни общества, а косвенно и въ жизни индивида, къ матеріальному благосостоянію [1]).

При такомъ раздѣленіи относительно весьма многихъ причинъ трудно рѣшить, какого онѣ свойства: чисто ли соціальныя, или экономическія. Таковы, напримѣръ, безработица, эмиграція и мн. др., которыя приходится Ванъ Кану называть экономически-соціальными и ввести такимъ образомъ третью подгруппу; точно такъ же и Колаяни, различающій между соціальными факторами группу экономическихъ, дѣлитъ послѣдніе на двѣ подгруппы: на экономическіе факторы прямого воздѣйствія и посредственнаго, какова, напримѣръ, проституція [2]).

Въ виду этой невозможности провести рѣзкую грань между устанавливаемыми Ванъ Каномъ и Колаяни подгруппами соціальныхъ факторовъ, съ одной стороны, а съ другой стороны, вслѣдствіе того, что такая дробность классификаціи не вызывается необходимостью, мы полагали бы принять трехчленное дѣленіе факторовъ преступности: на физическіе, антропологическіе и соціальные. Но въ самое послѣднее время раздались возраженія и противъ этой классификаціи и требованія замѣнить ее двухчленной. Предложеніе исходитъ отъ проф. Листа и сдѣлано имъ въ его блестящемъ докладѣ послѣднему международному конгрессу криминалистовъ въ С.-Петербургѣ.

По мнѣнію Листа, выдѣленіе физическихъ факторовъ въ особую, самостоятельную группу влечетъ за собою крайнюю неопредѣленность. Въ видѣ примѣра Листъ указываетъ на увеличеніе въ лѣтніе мѣсяцы преступленій противъ нравственности: рѣшающее значеніе здѣсь, по мнѣ-

---

1) *Van Kan:* „Les causes économiques de la criminalité", 1903, стр. 12. *Colajanni:* „La sociologia criminale". Catania, 1889, т. II, 34—43 стр. 461.

2) *Massenet* („Quelques causes sociales du crime", Lyon., 1893. Thèse doctor.), принимая три указанныя группы факторовъ, дѣлитъ соціальныя причины на четыре группы: 1) факторы интеллектуальнаго порядка (философія, религія, внушеніе); 2) факторы эстетическаго порядка (искусства, литература); 3) факторы промышленнаго порядка (экономическаго): нищета, алкоголизмъ, воспитаніе и пр.; 4) факторы моральнаго порядка: наказуемость (цитировано по ук. соч. *Van Kan'a*, стр. 168). Недостатки этой классификаціи очевидны: такъ, воспитаніе не можетъ быть названо факторомъ промышленнаго порядка; непонятно также, почему наказуемость—факторъ моральнаго порядка, а религія—интеллектуальнаго.

нію автора, принадлежитъ антропологическому фактору на томъ основаніи, что различные люди совершенно различно реагируютъ на дѣйствіе жары. Точно такъ же увеличеніе кражъ въ зимніе мѣсяцы объясняется не непосредственнымъ воздѣйствіемъ холода, но невозможностью для нѣкоторыхъ по своей бѣдности укрыться отъ холода, т.-е. здѣсь мы имѣемъ дѣло съ соціальнымъ факторомъ преступности [1]).

Намъ эти доводы представляются недостаточными для возможности выключенія физическихъ факторовъ изъ числа трехъ группъ указанныхъ выше причинъ преступности. Возьмемъ примѣръ, указываемый самимъ Листомъ: увеличеніе преступленій противъ собственности въ холодное время. Если бы мы стали вмѣстѣ съ Листомъ утверждать, что въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ лишь бѣдность, не имѣющая возможности укрыться отъ холода, то насъ могли бы упрекнуть, что мы отрицаемъ всякое значеніе холода и тепла для нашего организма. Мы можемъ допустить, что увеличеніе преступленій противъ собственности не послѣдовало бы, если бы не было бѣдности. Но мы съ такимъ же правомъ можемъ утверждать, что этого увеличенія не послѣдовало бы и въ томъ случаѣ, если бы нашъ организмъ былъ такъ устроенъ, что оставался бы нечувствительнымъ къ холоду, или если бы не было холода. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ возможно предполагать дѣйствіе причинъ: антропологической (чувствительность къ холоду), соціальной (бѣдность) и физической (холодъ), и значитъ нѣтъ основаній утверждать, что физическіе факторы — лишняя въ классификаціи группа.

ГЛАВА III.

Предшественники соціологической школы науки уголовнаго права.

Сторонники соціологической школы науки уголовнаго права, занявшейся изслѣдованіемъ соціальныхъ факторовъ преступности, видятъ своихъ предшественниковъ въ лицѣ

[1]) См. „Revue Penitentiaire“, № 4, 1903. *Bernard*: „Les facteurs sociaux de la criminalité“. *Листъ*: „Обществ. факторы преступности“. Перев. съ нѣм. „Журн. Мин. Юст.“, № 2, 1903 г.

первыхъ представителей моральной статистики—Кетле и Герри. Таково, напримѣръ, мнѣніе ліонскаго профессора Лакассаня, и такъ же думаетъ и брюссельскій профессоръ Принсъ, хотя и добавляетъ, что указанія на вліяніе соціальной среды встрѣчаются и ранѣе Кетле—у Монтескье и позднѣе у Тэна. Но если говорить объ указаніяхъ на зависимость между соціальной средой и преступностью, то мы найдемъ ихъ много ранѣе Монтескье и полнѣе, чѣмъ у него. Намъ кажется, что извѣстный профессоръ политической экономіи въ свободномъ брюссельскомъ университетѣ и депутатъ-соціалистъ Дэни (Hector Denis) поступаетъ вполнѣ правильно, указывая въ своемъ небольшомъ докладѣ уголовно-антропологическому конгрессу въ Амстердамѣ, что предшественниковъ соціологической школы уголовнаго права надо искать среди первыхъ представителей соціализма. Онъ указываетъ, какъ на такихъ предшественниковъ, на Годвина, Оуэна, Вилльяма Томпсона, Фурье, С.-Симона и др.

Несомнѣнно, что соціологическая школа науки уголовнаго права, видящая корень преступности въ несправедливостяхъ и неурядицахъ современныхъ обществъ, въ несовершенствахъ соціальной организаціи, иногда приближается этой стороной своего ученія къ доктринѣ названныхъ выше авторовъ какъ утопическаго, такъ и научнаго направленія, подвергавшихъ своей безпощадной критикѣ общественныя, политическія и экономическія условія жизни государствъ. Сказать, что у первыхъ представителей этой доктрины мы находимъ только одни указанія на соціальное происхожденіе преступленій и на вліяніе среды, было бы невѣрно; у многихъ изъ нихъ вопросъ поставленъ гораздо шире, и на ряду съ положеніемъ о зависимости между соціальной средой и преступностью мы уже находимъ установленіе и развитіе и другого основного положенія соціологической школы, съ необходимостью вытекающаго изъ перваго,—о борьбѣ съ преступностью путемъ соціальныхъ реформъ.

Выясненіе этой стороны ученія указанныхъ выше предшественниковъ соціологической школы науки уголовнаго права представляется намъ небезынтереснымъ и небезполезнымъ: оно познакомитъ насъ съ удивительнымъ явленіемъ, какъ еще въ кровавую эпоху XVI вѣка знаменитый уго-

писатъ Томасъ Моръ высказалъ поразительные для его времени по своей гуманности и правильности взгляды о соціальныхъ причинахъ преступности и о средствахъ борьбы съ нею. Правда, ни въ «Утопіи», ни въ нѣкоторыхъ изъ другихъ произведеній, на которыхъ мы будемъ останавливаться въ настоящемъ очеркѣ, мы не найдемъ научныхъ доказательствъ соціальнаго происхожденія преступленія, но даже и бездоказательныя утвержденія этихъ авторовъ представляютъ для насъ то значеніе, что покажутъ, когда и какъ зародилась основная идея соціологической школы о зависимости между средою и преступностью, какъ, постепенно развиваясь, она нашла себѣ блестящее подтвержденіе въ трудахъ статистиковъ Кетле, Герри, Эттингена и другихъ и, воспринятая въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ криминалистами, внесла новую струю въ науку уголовнаго права. Эта новая струя, вытекшая изъ такого чистаго, свѣтлаго источника, какимъ были эти «мечтатели» и «друзья человѣчества» Томасъ Моръ, Фурье, Оуэнъ и др., смыла съ науки уголовнаго права вѣковую покрывавшую ее пыль и дала ей начала новой жизни.

Указанный выше проф. Дэни считаетъ первымъ предшественникомъ соціологической школы науки уголовнаго права Годвина, писателя конца XVIII вѣка и начала XIX вѣка. Но болѣе полное и подробное выясненіе зависимости между соціальной средой и преступностью мы встрѣчаемъ много раньше, въ самомъ началѣ XVI столѣтія, когда появилась въ Англіи знаменитая «Утопія» Томаса Мора [1]). Съ первыхъ же страницъ своего труда авторъ съ силой и страстью доказываетъ жестокость и безполезность смертной казни за воровство. Какъ на главныя причины воровства, онъ указываетъ на существованіе класса богачей, окруженныхъ многочисленной челядью, рядомъ съ нищетой и безработицей; самое ужасное нака-

[1]) „De optimo Reipublicae statu, deque nova Insula Utopia". Одинъ изъ изслѣдователей соціологической школы, Ванъ Канъ, въ историческомъ введеніи къ своей работѣ „Les causes économiques de la criminalité" (Paris, 1903), полагаетъ, что уже для Платона, Аристотеля, Горація и др. древнихъ писателей, а также для отцовъ церкви была ясна зависимость между бѣдностью и преступностью, но отдѣльныя и короткія фразы этихъ писателей не являются характерными для нихъ, а потому мы и не считаемъ нужнымъ заходить такъ далеко, какъ это сдѣлалъ Ванъ Канъ.

заніе, говоритъ Моръ, не удержитъ человѣка отъ воровства, разъ у него остается только одно это средство спасти себя отъ голодной смерти; поэтому смертная казнь за воровство столько же безполезна, сколько и жестока. Пока существуетъ классъ благородныхъ, питающихся отъ трудовъ работающихъ на нихъ въ потѣ лица своего бѣдняковъ, пока богачи окружены толпой слугъ, которыхъ они безжалостно разсчитываютъ, когда тѣ состарятся или заболѣютъ, до тѣхъ поръ воровство не исчезнетъ. Чтобы никто не былъ поставленъ въ необходимость сначала красть, а затѣмъ умирать на плахѣ, надо обезпечить всѣмъ членамъ общества средства къ существованію. Бросаютъ многихъ, какъ бродягъ, въ тюрьмы, но въ чемъ состоитъ ихъ преступленіе? Ни въ чемъ другомъ, какъ въ томъ, что они не могутъ найти никого, кто далъ бы имъ работу. Вылѣчите Англію, говоритъ Моръ устами путешественника и разсказчика объ «Утопіи», отъ этихъ язвъ, обуздайте алчный эгоизмъ богачей, отнимите у нихъ право накопленія и монополій, изгоните праздность и дайте всѣмъ средства къ существованію. Обращаясь къ вопросу о значеніи воспитанія, какъ средства борьбы съ преступностью, Моръ сравниваетъ юстицію Англіи и другихъ странъ съ дурнымъ учителемъ, который охотнѣе бьетъ своихъ учениковъ, нежели ихъ воспитываетъ. Своимъ воспитаніемъ, говоритъ Моръ, вы развращаете дѣтей, и когда они потомъ совершаютъ преступленіе, подготовленное вашимъ воспитаніемъ, вы ихъ наказываете. «Что вы дѣлаете? Воровъ вы дѣлаете, чтобы ихъ наказывать».

Возраженія этого писателя XVI столѣтія противъ смертной казни за воровство повторяются теперь, какъ доводы вообще противъ наказанія смертью. Въ своей карательной системѣ онъ выступилъ противникомъ наказанія, какъ возмездія. На оправданіе смертной казни сторонниками этого наказанія требованіями справедливости онъ отвѣчалъ, что такое право есть величайшая несправедливость.

Самъ Моръ однако оставилъ это наказаніе въ своей «Утопіи» за нѣкоторыя изъ преступленій, напримѣръ, за повторное прелюбодѣяніе и даже за незаконныя сходки. Главное мѣсто въ его карательной системѣ занимаетъ уголовное рабство; преступники получаютъ все необходимое для жизни: они работаютъ на общество и имъ содержат-

ся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они работаютъ и на частныхъ лицъ, но за плату меньшую, чѣмъ обычная заработная плата; они отрабатываютъ стоимость даннаго имъ платья, всего ихъ содержанія; часть ихъ заработка идетъ въ государственную казну. На рабовъ возложена между прочимъ обязанность по убою скота; трудъ мясниковъ запрещенъ гражданамъ Утопіи изъ опасенія, что пролитіе крови животныхъ убьетъ въ нихъ чувство состраданія и разовьетъ опасную грубость нравовъ.

Въ наши цѣли не входитъ останавливаться на общественномъ и государственномъ строѣ Утопіи. Для насъ важно лишь отмѣтить, что по мысли Томаса Мора въ этой странѣ безъ богатыхъ и бѣдныхъ, гдѣ золото и серебро можно видѣть лишь на оковахъ рабовъ, при общей трудовой жизни и отсутствіи праздныхъ, не только преступленія, но и гражданскія тяжбы являются рѣдкими исключеніями.

Черезъ сто лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ книги Мора появляется въ 1620 году другая знаменитая утопія «Городъ Солнца» Томаса Кампанеллы, крайняго коммуниста по своему направленію [1]). По его мнѣнію, корень всякаго зла—имѣть собственное жилище, собственную жену, собственныхъ дѣтей... Въ «Городѣ Солнца» вычеркнута любовь къ себѣ, остается только любовь къ общинѣ. Результатомъ такого общественнаго и политическаго строя является полное отсутствіе гражданскихъ тяжбъ и уменьшеніе преступности. Но такъ какъ преступленія не исчезли вполнѣ и въ этой чудесной странѣ, то остались и наказанія, преимущественно исправительнаго характера, poenae medicinales, хотя, впрочемъ, на ряду съ ними есть смертная казнь и членовредительныя наказанія.

Мысль Мора и Кампанеллы о значеніи права частной собственности въ развитіи преступленій повторилъ во Франціи Месье (Jean Meslier, родился въ 1664 или 1675 г. и умеръ въ 1733 г.) [2]). Въ правѣ частной собственности онъ видѣлъ причину какъ несчастій, такъ и всѣхъ преступленій вообще, а въ особенности причину «обмановъ, мошенни-

[1]) См. „Вѣчная утопія“ А. *Кирхенгейма*. Спб., 1901 г., стр. 71—86.
[2]) *Jean Meslier*: „Le testament“. Amsterdam, 1864, т. т. I—III., стр. 215—208.

чествъ, плутней, грабежей, воровства, убійствъ, разбойничества». Месье считаетъ верхомъ несправедливости то, что одни богаты, другіе бѣдны, одни пресыщены, другіе умираютъ съ голоду, и вѣритъ, что въ его идеальномъ строѣ ни у кого и мысли не будетъ о воровствѣ, грабежѣ и убійствѣ, чтобы завладѣть кошелькомъ другого, и водворится спокойная и счастливая жизнь, совершенно не похожая на нынѣшнюю съ ея прокурорами, адвокатами, нотаріусами, приставами и другими служителями несправедливости («les gens de l'injustice»).

Съ половины XVIII вѣка вопросы уголовнаго права привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе многихъ выдающихся писателей. Главныя свои усилія эти писатели направляли на борьбу съ жестокими наказаніями своего вѣка, но они также останавливались и на необходимости предупрежденія преступленія путемъ воздѣйствія на причины, вызывающія преступность. Мы можемъ указать здѣсь Монтескье, Руссо, Беккарію, Бентама и др.

Монтескье развивалъ положеніе, высказанное еще до него, а послѣ него много разъ повторенное: «лучше предупреждать преступленія, нежели ихъ наказывать». Но чтобы предупреждать преступленія, необходимо знать ихъ причины. Монтескье сдѣлалъ попытку объяснить нѣкоторыя преступленія вліяніемъ на человѣка особыхъ соціальныхъ условій. Такъ, напримѣръ, онъ считалъ соціальными причинами противоестественныхъ преступленій дурное воспитаніе, многоженство однихъ и неимѣніе женъ другими, причиною государственныхъ преступленій — стѣсненіе свободы и пр. [1]).

Руссо въ неравенствѣ людей, въ подчиненности однихъ другимъ, видѣлъ причину «плутовства, завистничества, измѣнничества». Нападая на современный ему общественный строй, Руссо говоритъ: «Я знаю, что все это не разъ было сказано философами, но все это они только провозглашали, я же это доказываю; они только указывали на зло, я же обнаружилъ его причины и раскрылъ очень утѣши-

[1]) *Montesquieu:* „Esprit des lois", 1748. Oeuvres complètes de Montesquieu. Paris, 1892, т. I, стр. 382 См. *М. П. Чубинскаго:* „Очерки угол. политики", стр. 236–246. Въ этомъ трудѣ проф. Чубинскаго—много цѣннаго матеріала по интересующему насъ вопросу о факторахъ преступности.

тельную и полезную истину, а именно что всѣ эти пороки не присущи человѣку, какъ таковому, а человѣку, извращенному дурнымъ правительствомъ». «Прежде чѣмъ были придуманы эти страшныя слова, научившія людей отличать мое отъ твоего, прежде чѣмъ существовала та порода грубыхъ и жестокихъ людей, которыхъ называютъ господами, и другая порода подлыхъ трусовъ и лжецовъ, которыхъ называютъ рабами, прежде чѣмъ народились тѣ презрѣнные люди, у которыхъ хватаетъ духу жить въ изобиліи благъ земныхъ, между тѣмъ какъ другіе умираютъ съ голоду, прежде чѣмъ взаимная зависимость сдѣлала ихъ плутами, завистниками и измѣнниками, прежде чѣмъ накопилось все это зло, я желалъ бы знать, въ чемъ могли заключаться тѣ пороки, тѣ преступленія, которые съ такимъ пафосомъ приписываютъ людямъ». Такимъ образомъ Руссо причины всѣхъ преступленій и пороковъ видѣлъ въ несовершенствѣ общественной жизни и противополагалъ ей естественное состояніе и такой союзъ или государство, гдѣ всѣ люди были бы свободны и равны и подчинены *закону*, но не *людямъ* [1]).

У Беккаріи мы также находимъ нѣсколько замѣчаній, изъ которыхъ видно, что онъ признавалъ связь между соціальною средою и преступностью [2]). Такъ, въ главѣ «О кражѣ» онъ говоритъ о значеніи для этого преступленія «ужаснаго и, быть можетъ, ненужнаго права собственности»: «преступленія этого рода совершаются большею частью бѣдными, несчастными и отчаянными людьми, которымъ право собственности (ужасное и, можетъ быть, ненужное право) оставило только голое существованіе». Причину преступленія мужеложства Беккарія видѣлъ также въ соціальной средѣ: «оно (мужеложство) беретъ свою силу не столько въ пресыщеніи удовольствіями, сколько въ воспитаніи, имѣющемъ цѣлью сдѣлать человѣка ненужнымъ самому себѣ и полезнымъ только для другихъ, въ этихъ заведені-

[1]) *А. С. Алексѣевъ*: „Политическая доктрина Ж.-Ж. Руссо въ ея отношеніи къ ученію Монтескье о равновѣсіи властей и въ освѣщеніи одного изъ ея новѣйшихъ истолкователей". „Вѣстн. Права", 1905 г., № 2, стр. 58.

[2]) *Beccaria*: „Dei delitti e delle pene", 1764. Рус. переводъ С. Заруднаго: „Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ и русское законодательство". Спб., 1879. Подробно у *М. П. Чубинскаго*: ук. соч., стр. 254—269.

яхъ, гдѣ замыкаютъ буйствующую молодежь, гдѣ нѣтъ никакой возможности имѣть другихъ, болѣе правильныхъ между людьми отношеній и гдѣ вся сила развивающейся природы гибнетъ безъ всякой пользы для человѣчества и даже ускоряетъ приближеніе старости». Въ соціальной же средѣ лежитъ и причина дѣтоубійства: позоръ незаконнаго рожденія и нищета чаще всего бываютъ причинами этого преступленія: «я вовсе не хочу уменьшать справедливый ужасъ, возбуждаемый этими преступленіями, но, указывая ихъ источники, считаю себя въ правѣ извлечь изъ нихъ слѣдующій общій выводъ: нельзя назвать справедливымъ (т.-е. необходимымъ) наказаніе преступленій до того времени, *пока законъ не установитъ для ихъ предупрежденія лучшихъ и притомъ возможныхъ въ исполненіи средствъ* въ данныхъ обстоятельствахъ государства».

Въ вѣкъ Руссо и Беккаріи вопросы уголовнаго права и особенно вопросы о наказаніяхъ привлекли къ себѣ вниманіе многихъ писателей. Это былъ вѣкъ страшнаго по своимъ размѣрамъ и глубокаго противорѣчія между суровою дѣйствительностью съ ея жестокими пытками, съ ея казнями мучительными до изощренности, съ одной стороны, и отвращеніемъ къ такой карательной системѣ широкихъ слоевъ общества—съ другой. Но часто наиболѣе популярные писатели этого вѣка шли въ своихъ требованіяхъ далѣе требованій смягчать наказанія. Они выдвигали новые принципы борьбы съ преступностью—необходимость измѣненія политическаго и экономическаго строя государствъ.

Такъ, Бриссо де Варвилль (Brissot de Warville) написалъ спеціальный трактатъ по вопросу о соотношеніи между правомъ частной собственности и воровствомъ: «Recherches philosophiques sur le droit de propriété et sur le vol, considérés dans la nature et dans la société» (1782). Имя Бриссо де Варвилля, какъ криминалиста, издателя очень интересной «Философской библіотеки» [1]) по вопро-

[1]) „Bibliothèque philosophique du législateur, du politique, du jurisconsulte". Berlin. MDCCLXXXII. Въ VI кн. этого журнала напечатана работа *Brissot de Warville*: „О средствахъ предупрежденія преступленій во Франціи". Въ IX т.—переводъ выдержекъ изъ „Утопіи" *Т. Мора* по вопросамъ о борьбѣ съ преступностью, въ VII т.—работа *Petion'a* о средствахъ предупрежденія дѣтоубійства. Изъ перечня этихъ работъ уже можно видѣть, какое большое значеніе придавалъ издатель „Bibl. philos." вопросамъ о предупрежденіи преступленій.

самъ уголовнаго права, мало извѣстно, а между тѣмъ его взгляды и его научное направленіе представляютъ большой интересъ. Особое вниманіе онъ удѣлялъ вопросамъ предупрежденія преступленія путемъ организаціи различныхъ мѣръ общественнаго характера. Въ указанной выше работѣ о частной собственности и воровствѣ онъ ставитъ вопросъ еще шире. Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія естественнаго права и различаетъ два вида собственности: 1) собственность естественную, границы которой опредѣляются потребностями индивида, и 2) собственность, установленную властью въ обществѣ, для защиты которой существуютъ уголовные законы. «Мы далеко ушли отъ природы; въ естественномъ состояніи богачъ—воръ, т.-е. тотъ воръ, у кого имущества болѣе, чѣмъ требуютъ его потребности, а въ обществѣ воръ тотъ, кто крадетъ у этого богача». Далѣе, въ главѣ, названной «Слѣдуетъ ли наказывать смертью или налагать другое безчестящее наказаніе на того, кого нужда приводитъ къ воровству», авторъ высказываетъ тѣ мысли, которыя послѣ повторилъ Прудонъ: «Не голодный бѣднякъ заслуживаетъ наказанія, но богачъ, безсердечно отказывающій въ удовлетвореніи потребностей своего ближняго; и если кто воръ, то это именно богачъ» [1]). Онъ называетъ жестокими судей, не перестающихъ нарушать естественные законы и наказывать несчастныхъ, которыхъ голодъ заставляетъ бросаться на пищу другихъ, между тѣмъ какъ она должна принадлежать всѣмъ имѣющимъ въ ней нужду. Необходимо вырвать зло съ корнемъ—справедливымъ распредѣленіемъ богатствъ уничтожить нищету, и тогда не будетъ больше воровства.

Въ другой большой своей работѣ—«Теорія уголовныхъ законовъ» (1781 г.)—этотъ же авторъ высказывается еще яснѣе и подробнѣе о соціальныхъ факторахъ преступности: человѣкъ не родится врагомъ общества,—обстоятельства дѣлаютъ его такимъ, его бѣдность и несчастія. Въ главѣ о средствахъ предупрежденія преступленія онъ предлагаетъ постройку рабочихъ домовъ, организованныхъ на началахъ гуманности, и въ нихъ видитъ одно изъ средствъ борьбы съ нищенствомъ; въ устройствѣ воспитательныхъ домовъ

---

[1]) *Brissot de Warville*: „Sur le droit de propriété et sur le vol“ („Bibl. philos.“, 1782, т. VI, стр. 334).

и родильныхъ пріютовъ, гдѣ сохранялось бы въ тайнѣ имя роженицъ, онъ видитъ средство успѣшной борьбы съ дѣтоубійствомъ; въ улучшеніи политическихъ условій страны—условіе уменьшенія заговоровъ и возстаній; въ воспитаніи народа онъ видитъ путь къ борьбѣ съ пороками и преступленіями.

Въ этой работѣ авторъ задался цѣлью написать планъ кодекса, годнаго для всѣхъ народовъ, и полагалъ достаточнымъ для достиженія этой цѣли «слѣдовать тому, что диктуетъ разумъ». Многіе изъ выводовъ автора, бывшіе парадоксальными для его времени, остаются такими и для нашихъ дней, но нѣкоторыя изъ его положеній вошли въ современные кодексы (напримѣръ, исключеніе изъ числа преступленій скотоложства и адюльтера).

Современникъ Бриссо де Варвилля англичанинъ Годвинъ, котораго нѣкоторые считаютъ первымъ представителемъ *научнаго соціализма*, а нѣкоторые—анархистомъ, также пришелъ къ выводу, что причины бѣдности и воровства лежатъ въ самомъ строѣ государствъ: къ воровству и обману побуждаетъ преступника нищета, тиранія богатства, и только послѣ радикальной реформы общества, когда каждый будетъ владѣть лишь тѣмъ, что необходимо для удовлетворенія его потребностей, исчезнетъ большая часть причинъ преступленій[1]).

Почти одновременно съ работою Бриссо де Варвилля появилась въ Швейцаріи первымъ изданіемъ, а черезъ десять лѣтъ—вторымъ въ Парижѣ работа другого знаменитаго политическаго дѣятеля—Марата: «Планъ уголовнаго законодательства» [2]).

Авторъ начинаетъ свою работу съ критики современныхъ ему законодательствъ и находитъ, что какъ ни ужасны бываютъ иногда преступленія, все же дѣйствующія карательныя системы еще болѣе жестоки и несправедливы: нахо-

---

1) *Антонъ Менгеръ*: „Право на полный продуктъ труда". Работа *Godvin'a*: „Inquiry concerning political justice". London, 1796. См. *Эльцбахеръ*: „Анархизмъ". Пер. Яковенко. 1906.

2) Изъ предисловія къ работѣ Марата видно, что она была представлена авторомъ въ 1778 г. одному швейцарскому обществу, пожелавшему имѣть планъ уголовнаго кодекса; издана впервые въ Невшатенѣ въ 1780 г. См. *Thonissen*: „Mélanges d'histoire de droit et de l'économie politique". Louvain, 1873: „Marat jurisconsulte".

дясь въ полномъ противорѣчіи съ естественными законами природы, онѣ заботятся не объ общемъ благѣ всѣхъ членовъ общества, а лишь о немногихъ. Въ такомъ несправедливомъ устройствѣ общества лежитъ причина преступности, и чтобы побороть ее, нужно прежде всего позаботиться объ устраненіи этихъ несправедливостей: всѣмъ должны быть даны средства существованія, приличное платье, защита закона, помощь въ болѣзняхъ и въ старости. Критику соціальнаго строя Маратъ влагаетъ въ уста обвиняемаго въ воровствѣ; вся эта рѣчь передъ судомъ— оправданіе преступленія вызвавшими его соціальными причинами. «Виноватъ ли я,—спрашиваетъ этотъ обвиняемый,— я этого не знаю. Но я знаю, что ничего не совершилъ такого, чего бы не долженъ былъ сдѣлать. Забота о собственномъ сохраненіи—первѣйшая обязанность человѣка. Кто крадетъ, чтобы сохранить свою жизнь, если не имѣетъ для этого другихъ средствъ, тотъ лишь пользуется своимъ правомъ. Вы ставите мнѣ въ вину, что я поколебалъ общественный порядокъ. Но что мнѣ за дѣло до этого порядка, отъ котораго я такъ страдаю». Какъ средства борьбы съ преступностью, Маратъ предлагалъ различныя мѣры предупредительнаго характера и соціальной реформы: устройство общественныхъ мастерскихъ, конфискацію монастырскихъ имѣній и раздѣлъ ихъ между бѣдными и пр.; для борьбы съ фальсификаціей съѣстныхъ продуктовъ онъ предлагалъ конфискацію въ пользу потерпѣвшаго части имущества продавца фальсифицированныхъ продуктовъ и помѣщеніе на его магазинѣ вывѣски: «покупатель рискуетъ быть здѣсь отравленнымъ», и пр.

Мы переходимъ теперь къ писателю и общественному дѣятелю, особенно интересному для криминалиста-соціолога—къ Оуэну: его двадцатилѣтняя дѣятельность въ Нью-Ланаркѣ служитъ подтвержденіемъ огромнаго вліянія соціальной среды на преступность.

Интересующая насъ дѣятельность Оуэна начинается съ 1 января 1800 г., когда имъ въ компаніи съ другими лицами была куплена одна изъ большихъ англійскихъ фабрикъ въ Нью-Ланаркѣ, мѣстечкѣ въ графствѣ Ланаркъ [1]).

---

[1]) „Examen impartial des nouvelles vues de M. R. Owen et des ses établissements etc.“ par *Macnab*. Paris, 1821.

Еще въ 1785 и 1789 годахъ здѣсь были выстроены фабрики. Вслѣдствіе недостатка въ рабочихъ рукахъ прежній владѣлецъ фабрики прибѣгъ къ двумъ средствамъ. Во-первыхъ, получилъ для работъ на фабрикѣ дѣтей изъ различныхъ воспитательныхъ домовъ и благотворительныхъ учрежденій. Это средство было въ то время обычнымъ явленіемъ: «дѣти, обучавшіяся ремеслу, подобно рабамъ, массами пересылались попечителями о бѣдныхъ изъ южныхъ городовъ къ сѣвернымъ фабрикантамъ, которые держали ихъ въ переполненныхъ помѣщеніяхъ, прилегающихъ къ фабрикѣ, и заставляли работать по днямъ и ночамъ, совершенно пренебрегая всякими соображеніями относительно физическаго и нравственнаго здоровья» [1]). Дѣти не выносили ужасныхъ условій жизни и умирали въ громадномъ количествѣ. Другое средство, къ которому прибѣгъ предшественникъ Оуэна, было приглашеніе семей взрослыхъ рабочихъ изъ другихъ мѣстностей страны, съ предоставленіемъ имъ права жить при фабрикѣ. Явившіеся рабочіе были подонками общества; безнравственность и всѣ пороки были распространены среди нихъ; они платили дань всѣмъ видамъ преступности, и постоянные среди нихъ раздоры религіознаго характера не давали покоя администраціи.

Въ такомъ видѣ засталъ фабрику Оуэнъ въ годъ ея покупки. По его собственнымъ словамъ, воровство было профессіей фабричныхъ рабочихъ, пьянство—привычкой, обманы—обычаемъ; всюду были недовѣріе, разобщенность, безпорядокъ, и ихъ мѣсто должны были занять довѣріе, порядокъ и гармонія.

Свою борьбу съ воровствомъ Оуэнъ началъ очень оригинально: онъ отдалъ приказаніе не возбуждать ни одного обвинительнаго дѣла за кражи съ фабрики; отнынѣ ни одинъ человѣкъ ни на одинъ часъ не былъ лишаемъ свободы, но зато были приняты самыя усиленныя мѣры надзора, предупрежденія воровства, охраны фабричнаго имущества. Въ то же время онъ увеличилъ поденную плату рабочимъ и уменьшилъ съ 16 до $10^1/_2$ число рабочихъ часовъ въ сутки. Дѣтямъ моложе 10 лѣтъ была запрещена всякая работа на

---

[1]) Гобсонъ: „Проблемы бѣдности и безработицы". Пер. Вака и Фрумкина. 1903 г., Спб., стр. 184.

фабрикѣ и сдѣлано обязательнымъ посѣщеніе съ четырехлѣтняго возраста школы, для которой Оуэнъ построилъ прекрасное зданіе съ залами для танцевъ, игръ и гимнастики. Старшихъ дѣтей обучали, кромѣ чтенія и письма, музыкѣ и пѣнію. Принципомъ воспитанія было отсутствіе всякаго наказанія. Были устроены библіотека и вечерніе курсы для взрослыхъ; по праздникамъ устраивали концерты и танцы. Были свои общественные магазины, гдѣ рабочіе за цѣну дешевле на 20% рыночной покупали лучшіе продукты. Пищу приготовляли въ обширной общественной кухнѣ. При фабрикѣ былъ свой докторъ, и $^1/_{60}$ своего заработка рабочіе отдавали на образованіе капитала въ помощь больнымъ и старикамъ-товарищамъ.

Такова была въ самыхъ общихъ чертахъ дѣятельность Оуэна. Она привела къ поразительнымъ результатамъ: мало-по-малу совершенно исчезло пьянство, прекратились раздоры, и дружно работали за однимъ станкомъ люди, не выносившіе другъ друга ранѣе только изъ-за различія вѣроисповѣданія. О преступленіяхъ совершенно забыли; за 16 лѣтъ не было совершено ни одного преступленія на этой фабрикѣ съ населеніемъ свыше 2.400 человѣкъ, и за 9 лѣтъ (съ 1800 по 1810 г.) было всего 8 незаконнорожденныхъ. Въ колоніи вмѣстѣ съ матеріальнымъ благосостояніемъ водворилась спокойная, счастливая жизнь; чувство солидарности воспиталось въ людяхъ, бывшихъ ранѣе эгоистами; они уже понимали и высоко цѣнили общее благо. «Приходите и смотрите», говорилъ Оуэнъ своимъ противникамъ. Они пріѣзжали со всѣхъ концовъ Англіи и изъ другихъ странъ и уходили пораженные достигнутыми результатами.

Эта практическая дѣятельность привела Оуэна къ слѣдующимъ интереснымъ для насъ выводамъ. Вину и причины современной преступности надо искать не въ личности, не въ самомъ преступникѣ, но въ той системѣ, въ которой онъ былъ воспитанъ. Удалите, говорилъ Оуэнъ, обстоятельства, влекущія къ преступленію, или замѣните ихъ такими другими, чтобы они могли развить привычки порядка, правильности, умѣренности и труда, и преступленіе исчезнетъ. Усвойте мѣры справедливости и правосудія, и вы безъ труда пріобрѣтете полное и глубокое довѣріе низшихъ классовъ. Настойчиво и систематически проводите принципы лучшаго благосостоянія, прибѣгайте къ

мѣрамъ возможно меньшей суровости для огражденія общественнаго порядка противъ преступленій, и мало-по-малу они исчезнутъ, такъ какъ даже наиболѣе порочныя и сформировавшіяся наклонности не смогутъ долго бороться съ настойчивою благожелательностью. Такой образъ дѣйствія вездѣ, гдѣ онъ будетъ примѣненъ, будетъ наиболѣе могущественнымъ, наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ предупредить преступленіе и исправить всѣ порочныя и скверныя наклонности.

На фабрикѣ Оуэна были произведены интересные для насъ опыты исправленія преступниковъ. Властями сюда были присланы пять человѣкъ, совершившихъ различные проступки; двое изъ нихъ почти тотчасъ бѣжали, а трое сдѣлались аккуратными, трудолюбивыми работниками.

Извѣстно, что дѣятельностью Оуэна заинтересовались его современники, и одинъ изъ его соотечественниковъ, присутствовавшій на митингахъ Оуэна, помѣщикъ Ванделеръ, рѣшилъ «попытаться пьяное и дикое населеніе Ралахайна превратить въ трезвое и честное рабочее населеніе» [1]). Его имѣніе было въ графствѣ Клэръ, гдѣ, по словамъ современныхъ источниковъ, «не существовало закона», а полиція была безсильна бороться съ убійствами, грабежами, вооруженными нападеніями и проч. Въ теченіе 1830 и 1831 гг. Ванделеръ выстроилъ зданія для аудиторіи, большой столовой, школы, лавки, домики для семейныхъ рабочихъ. Въ ноябрѣ 1831 года Ванделеръ предложилъ рабочимъ основать «Ралахайнскую земледѣльческую и промышленную кооперацію» въ цѣляхъ улучшенія экономическаго положенія членовъ, умственнаго и нравственнаго совершенствованія. Рабочіе отнынѣ работали не на помѣщика, но для общества своей маленькой коммуны. И здѣсь произошло то же, что и на фабрикахъ Оуэна: «видѣвшіе Ралахайнъ,—пишетъ г. Булгаковъ,—утверждаютъ, что въ нравахъ жителей произошло большое смягченіе подъ совокупнымъ усиліемъ трезвости, лучшихъ условій жизни, болѣе независимаго положенія женщинъ» [2]). «Ралахайнъ посѣщали въ эпоху его расцвѣта различныя лица, и всѣ

---

[1]) „Ралахайнскій экспериментъ“, статья *С. Булгакова* въ „Мірѣ Бож.“, 1900 г., № 2 стр. 218—233.

[2]) Ibid., стр. 229.

удивлялись образцовому порядку и трудолюбію жителей, достигаемому безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ»; и самъ Оуэнъ, посѣтившій Ралахайнъ, писалъ объ этомъ посѣщеніи: «народъ показался мнѣ здѣсь болѣе счастливымъ, чѣмъ кто бы ни былъ изъ этого класса въ Ирландіи, которую я посѣщалъ въ различныя времена».

Ученіе о вліяніи среды на преступность мы находимъ также у учениковъ Сенъ-Симона. Въ 1826 году послѣ смерти С.-Симона его послѣдователи приступили къ пропагандѣ его доктрины путемъ изданія газетъ («Producteur», «Glob», «Observateur») и чтенія лекцій.

Одна изъ этихъ лекцій (двѣнадцатая) была посвящена интересующему насъ вопросу. «Въ дѣйствующихъ законодательствахъ,—говорили сенъ-симонисты [1]),—нѣтъ демаркаціонной линіи между добромъ и зломъ, оно не считается съ внѣшними обстоятельствами, которыя одни могутъ опредѣлить дѣйствительную цѣнность совершонныхъ актовъ, оно далеко отъ жизни, отъ реальности; судья—это какая-то машина, статьи закона—мертвыя строки на бумагѣ. Оно думаетъ перевоспитать человѣчество каторжными работами, но пока думаютъ достичь воспитанія соціальныхъ чувствъ одной репрессіей, пока палачъ—единственный привилегированный учитель морали, до тѣхъ поръ общество будетъ страдать въ унизительнѣйшемъ рабствѣ. Забываютъ, что наказанные вышли изъ городовъ, гдѣ остались толпы такихъ же слабыхъ, какъ они, и что они тоже пойдутъ за ними гибнуть морально въ тюрьмахъ и, можетъ быть, скажутъ послѣднее прости землѣ съ эшафота» [2]). Причины преступленій и всѣхъ неурядицъ, учили сенъ-симонисты, надо искать въ эксплоатаціи человѣкомъ человѣка, въ существованіи рядомъ класса ничего не дѣлающихъ и тружениковъ, не имѣющихъ времени на развитіе своихъ интеллектуальныхъ и моральныхъ способностей. Но праздным людямъ не должно быть мѣста въ обществѣ; только съ ихъ исчезновеніемъ воскреснетъ матеріально и морально самый многочисленный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый бѣдный классъ. Эта лучшая нравственная жизнь настанетъ тогда,

---

[1]) *Sebastien Charléty:* „Histoire du saintsimonisme“ (1825—1864), 1896, стр. 69.

[2]) „Doctrine de Saint-Simon“. „Exposition“, стр. 309, 314.

когда общество преобразуется въ огромную ассоціацію рабочихъ, равныхъ между собой, гдѣ не будетъ никакихъ привилегій по рожденію, гдѣ будетъ проведенъ принципъ: каждому—по его способностямъ, каждой способности—по ея дѣламъ. Нужно правильно поставить дѣло воспитанія. Древнія націи, предназначенныя проводить жизнь въ войнѣ, имѣли прекрасно поставленное военное воспитаніе, а мы,—говорили сенъ-симонисты,—предназначенные для жизни въ мирѣ и трудѣ, не имѣемъ его: нужно изъ каждаго изъ насъ сдѣлать «человѣка» и «работника». Тогда настанетъ славный день, и люди, воспитанные въ братствѣ и гуманности, «смогутъ предъявить права на новый вѣнецъ святости», тогда порокъ будетъ наказываться уже однимъ печальнымъ видомъ причиненныхъ имъ страданій. Пока этотъ идеалъ не достигнутъ, на ряду съ уголовнымъ или «отрицательнымъ» законодательствомъ должно существовать и «положительное» или награждающее за добродѣтель. Преступленіемъ будетъ всякое дѣйствіе съ ретроградной тенденціей, т.-е. возвращеніе къ привычкамъ прошлаго съ его характернѣйшей чертой — эксплоатаціей человѣкомъ человѣка. Преступникъ для насъ, учили сенъ-симонисты,—только сынъ прошлаго, и мы должны направить всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать изъ него сына будущаго. Судьей въ этомъ новомъ строѣ будетъ лучшій человѣкъ, лучше другихъ знающій соціальный порядокъ и любящій его больше другихъ; онъ будетъ говорить: «вы хорошо, а вы дурно поступили», и этого будетъ достаточно.

Изъ этого изложенія ученія сенъ-симонистовъ мы видимъ, что они, во-первыхъ, относили преступленіе не къ злой волѣ преступника, но смотрѣли на него какъ на необходимое послѣдствіе всего политическаго и соціальнаго устройства государства; во-вторыхъ, подвергали безпощадной критикѣ дѣйствовавшія уголовныя законодательства и борьбу съ преступленіями только наказаніями; въ-третьихъ, придавали рѣшающее значеніе въ борьбѣ съ пороками и преступленіями реформамъ соціальнаго характера и особенно останавливались на значеніи мѣръ воспитательнаго характера.

Въ одно время съ трудами С.-Симона появлялись во Франціи же работы Фурье. Первая его работа—«Теорія

четырехъ движеній»—появилась въ 1808 году[1]). Первое изъ этихъ четырехъ движеній онъ называетъ общественнымъ, второе—животнымъ, третье—органическимъ и четвертое—матеріальнымъ. Общественное движеніе—объясненіе законовъ Божескаго управленія соціальными организмами, животное—объясненіе законовъ, по которымъ Богъ распредѣляетъ страсти, инстинкты всѣмъ существамъ мірозданія. Раскрытіе этихъ законовъ и ихъ изученіе привели Фурье къ его знаменитой теоріи фаланстеры или фаланги. Фалангой назывался тотъ военный строй, благодаря особенностямъ котораго Александръ Македонскій завоевалъ бо́льшую часть міра. Фурье назвалъ фалангой тотъ свой новый соціальный строй, которымъ онъ думалъ побѣдить все міровое зло, всѣ пороки, всѣ преступленія и дать страждущему человѣчеству счастье въ такъ называемыхъ фаланстерахъ, т.-е. огромныхъ зданіяхъ, предназначенныхъ для общей жизни въ нихъ 2.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Здѣсь общія столовыя, кухни, но отдѣльныя и притомъ различныя квартиры. Работники получаютъ здѣсь $^5/_{12}$ продукта труда, представители капитала—$^4/_{12}$ и представители таланта—$^3/_{12}$. «Это не коммунистическій строй,—говоритъ Консидеранъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, посвященныхъ изложенію доктрины Фурье[2]),—гдѣ однообразно звучитъ все одна и та же нота, гдѣ нѣтъ никакого мѣста индивидуальному развитію, но музыка, гдѣ множество голосовъ согласованы въ чудную гармонію». Въ своихъ лекціяхъ Консидеранъ подробно останавливался на доказательствахъ невозможности въ фаланстерѣ воровства, этого наиболѣе часто совершаемаго преступленія. Оно будетъ невозможно прежде всего потому, что никто не будетъ страдать отъ бѣдности,—мы не будемъ тамъ видѣть человѣка, этого царя мірозданія, какъ теперь, въ рубищѣ, голоднаго и больного. Но кража будетъ невозможна и потому, что не будетъ мѣста для сбыта краденаго: въ фаланстерѣ жизнь у всѣхъ на виду, и продать никому ничего нельзя, такъ какъ право продажи и покупки остается только за фалангами.

---

[1]) *Ch. Fourier:* Oeuvers complètes. 2 édit. Paris, 1841. *Pellarin:* „Fourier sa vie et sa théorie". 4 édit., 1850.

[2]) *Victor Considerant:* „Exposition abregée du système phalansterien de Fourier". 3 édit. Paris, 1845, стр. 27—28.

Фурье страстно хотѣлъ на опытѣ доказать правильность своей основной идеи, ручался за успѣхъ и, нуждаясь въ средствахъ для постройки фаланстеры, объявилъ, что лицо, желающее дать средства на опытъ, можетъ видѣть его ежедневно въ опредѣленный часъ. Десять лѣтъ, изо дня въ день, онъ ждалъ этого прихода и умеръ въ 1831 году, не дождавшись. А нѣсколько лѣтъ спустя другой энтузіастъ, Кабэ, можетъ быть отчасти изъ желанія видѣть хоть немного приближенными къ живой дѣйствительности свои утопическія мечтанія, облекъ свои общественные и политическіе взгляды въ форму романа «Путешествіе въ Икарію» (1845 г.). Основная тенденція этого романа выражена въ словахъ, напечатанныхъ на первой заглавной страницѣ: «Всѣ за каждаго, каждый за всѣхъ. Каждому по его потребностямъ, отъ каждаго по его силамъ» [1]) и проч. Авторъ рисуетъ счастливую страну Икарію, гдѣ будто уже проведены въ жизнь эти принципы. Жизнь икарійцевъ — полная противоположность нашей: «для насъ,— говоритъ авторъ въ предисловіи,—чѣмъ болѣе мы изучаемъ исторію, тѣмъ мы глубже убѣждаемся, что неравенство есть причина бѣдности и богатства, всѣхъ пороковъ, рождающихся одинъ изъ другого, жадности и честолюбія, зависти и злобы, несогласій и всякихъ войнъ,— однимъ словомъ, всѣхъ золъ, тяготѣющихъ надъ отдѣльными лицами и народами».

Въ нашу задачу не входитъ передача подробностей новаго строя Кабэ, гдѣ онъ предусматриваетъ все, начиная отъ одинаковаго у всѣхъ платья, для избѣжанія зависти и кокетства, и кончая подробностями демократическаго правленія страны. Для насъ только важно отмѣтить, что въ этомъ новомъ обществѣ должны, въ силу самаго соціальнаго строя, по убѣжденію Кабэ, исчезнуть не только преступленія, но и дѣтскія ссоры. Великими преступленіями, оставшимися въ этой странѣ, считаются нерадѣніе въ работѣ, замедленіе въ ея исполненіи и клевета. У икаріійцевъ нѣтъ надобности, говоритъ Кабэ, въ судѣ въ томъ его видѣ, какъ онъ существуетъ у насъ; у нихъ нѣтъ «этихъ

---

[1]) На этой же заглавной страницѣ мы читаемъ: „Главное право— жить; главная обязанность—трудиться. Равенство. Свобода. Избирательное начало“ и проч.

палачей-судей въ красныхъ мантіяхъ, чтобы скрыть пятна крови, которой они забрызганы». Судьями икарійцевъ является само общество. Если совершено преступленіе въ мастерской, судятъ работающіе въ ней; совершено оно въ столовой, судятъ обѣдающіе въ ней. Самое позорное преступленіе—клевета, но, благодаря воспитанію, чувству братства въ гражданахъ, она—рѣдкое явленіе въ жизни икарійцевъ, и за послѣднія 20 лѣтъ не было ея случаевъ. Наказанія въ Икаріи «ужасны»: опубликованіе отчета о разборѣ дѣла въ государственной или мѣстныхъ правительственныхъ газетахъ съ указаніемъ или безъ указанія полностью фамиліи преступника, исключеніе изъ общественныхъ мѣстъ, лишеніе нѣкоторыхъ правъ въ мастерской, но тюремъ нѣтъ [1]).

Уже эта краткая передача взглядовъ Кабэ по вопросу о происхожденіи преступленій и борьбѣ съ ними убѣждаетъ насъ, что авторъ видѣлъ корни, причины преступности въ той же самой соціальной средѣ, въ которой ихъ ищетъ соціологическая школа.

---

[1]) Кабэ приводитъ образчикъ приговора икарійскаго суда. Этотъ приговоръ выясняетъ взгляды автора на недостатки современнаго ему судопроизводства и не лишенъ интереса. Мы приводимъ его. „Докладчикъ цензурнаго комитета докладываетъ, что Т., уже разъ осужденный собраніемъ за проступокъ, въ которомъ онъ сознался и о которомъ донесъ Д., обвинилъ послѣдняго въ его отсутствіе въ томъ, что онъ донесъ на него по злости. Такое обвиненіе было бы позорно для Д., если было бы справедливо. Но собраніе можетъ припомнить поведеніе Д., никто не обвинялъ его тогда въ доносѣніи по злости, и потому обвиненіе Т. кажется ложнымъ и клеветническимъ. Докладчикъ вызываетъ затѣмъ обвинителя и свидѣтелей, и они подтверждаютъ обвиненіе. Обвиняемый признается въ клеветѣ и высказываетъ свое сожалѣніе. Многіе присутствующіе принимаютъ участіе въ защитѣ обвиняемаго, не оправдывая его однако вполнѣ. По окончаніи преній предсѣдатель ставитъ вопросъ о виновности Т. въ клеветѣ, и собраніе отвѣчаетъ единогласно „да“, но большинство голосовъ признаетъ наличность смягчающихъ вину обстоятельствъ. Докладчикъ и два члена комитета опредѣляютъ въ видѣ наказанія публикацію отчета о засѣданіи суда въ газетѣ безъ упоминаній фамилій. Это предложеніе и принято собраніемъ“ (стр. 132—133).

Кабэ удалось привести свои утопическія мечтанія въ дѣйствительность и основать колонію въ Техасѣ, а потомъ въ Иллинойсѣ, но онѣ распались еще при его жизни, и „отъ всего этого обширнаго идейнаго замысла осталось въ настоящее время не болѣе какой-нибудь дюжины домиковъ—небольшая деревенька Икарія въ штатѣ Іова“ (*Кирпичниковъ*, ук. соч., стр. 262).

Въ соціальной же средѣ видѣлъ причины преступности и Прудонъ, требовавшій ломки всего строя для водворенія въ мірѣ справедливости. Въ интересующемъ насъ отношеніи онъ не сказалъ ничего существенно новаго, а потому мы и не останавливаемся на немъ подробно [1]).

Всѣ разсмотрѣнныя выше работы были плодомъ философской мысли или даже фантазіи авторовъ, недовольныхъ строемъ политической и общественной жизни ихъ страны и противополагавшихъ этому строю свои идеалы, часто съ современною имъ жизнью ничѣмъ не связанные. Но дѣятельность Оуэна и его послѣдователя Ванделера представляла въ этомъ отношеніи нѣкоторыя особенности: свою систему Оуэнъ построилъ на основаніи произведенныхъ имъ опытовъ, особенно интересныхъ для криминалиста въ той ихъ части, которой они касаются борьбы съ преступленіемъ путемъ улучшенія условій жизни населенія. Дальнѣйшее развитіе этой идеи и научное обоснованіе ей дали представители моральной статистики.

Статистическое изученіе преступленія и научное раскрытіе зависимости между преступностью и соціальнымъ устройствомъ государствъ стало возможнымъ лишь съ самаго конца двадцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія, когда начали собирать въ извѣстной системѣ статистическія свѣдѣнія о движеніи преступности—сначала во Франціи, потомъ въ Бельгіи и въ другихъ государствахъ. И первые статистики, удѣлившіе свое вниманіе вопросамъ статистическаго изученія преступленія, принадлежали по своей національности къ этимъ двумъ государствамъ. Это были бельгійцы Дюкпетьо (Ducpetiaux) и Кетле (Quetelet) и французъ Герри (Guerry).

Имя перваго изъ нихъ далеко не пользуется тою извѣстностью, какую получили два послѣднихъ, но его работы представляютъ выдающійся интересъ для криминалиста. Онъ занималъ должность главнаго начальника бельгійскихъ тюремъ и во всѣхъ своихъ многочисленныхъ работахъ по вопросамъ уголовнаго права проявилъ себя сторонникомъ гуманныхъ мѣръ въ борьбѣ съ преступностью, убѣжденнымъ противникомъ смертной казни и проводникомъ того

---

[1]) *Proudhon*: „De la justice dans la Revolution et dans l'Eglise". О Прудонѣ см. *Чубинскій*: „Очерки угол. полит.", стр. 451—452.

направленія въ наукѣ уголовнаго права, развиться которому суждено было много позднѣе, между прочимъ въ трудахъ другого бельгійскаго начальника тюремъ, Принса, ставшаго однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей новой школы.

Первая работа Дюкпетьо появилась ранѣе работы Кетле и Герри; она выясняла вліяніе бѣдности и невѣжества на преступность и вышла въ 1827 г. Основная мысль автора о громадномъ вліяніи на преступность бѣдности и невѣжества подтверждается здѣсь цифрами; онъ отмѣчаетъ параллельный ростъ преступности и бродяжничества въ Англіи, ставитъ оба эти явленія въ связь съ экономическими условіями и приходитъ къ убѣжденію, что степень нравственности народа и его безопасности зависитъ отъ степени распространенія въ народѣ образованія. Въ другой своей работѣ авторъ совершенно послѣдовательно со своимъ ученіемъ о соціальномъ происхожденіи преступленія обращаетъ вниманіе на необходимость считаться съ обстоятельствами, дѣлающими изъ человѣка преступника: «удивительно хороши законы,—иронизируетъ онъ,—не различающіе порока отъ несчастья и безжалостно поражающіе невиннаго изъ боязни, чтобы не оставить безъ наказанія виновнаго. Противодѣйствуйте лѣности, боритесь съ обманщиками, но считайтесь съ обстоятельствами, въ которыхъ можетъ находиться честный человѣкъ, принужденный нищенствовать; хорошенько поразмыслите, прежде чѣмъ превратить несчастье въ преступленіе и къ тягостямъ судьбы прибавить еще тягости осужденія» [1]).

Въ одной изъ своихъ болѣе позднихъ работъ—«Le paupérisme dans les deux Flandres»—Дюкпетьо описываетъ нищету этихъ двухъ провинцій и связываетъ ихъ преступность съ пауперизмомъ, какъ производящей причиною. Оказывается, что въ то время какъ въ другихъ провинціяхъ приходился одинъ заключенный въ центральныхъ тюрьмахъ на 227 жителей, въ двухъ Фландріяхъ онъ приходился всего на 139 жителей. Наибольшее число осужденныхъ въ обѣихъ Фландріяхъ выпало на годы 1846—1847, когда страну постигли неурожаи. Выясненіе зависи-

---

[1]) *Ducpetiaux:* „Les moyens de soulager et de prévenir l'indigence", 1832, стр. 29—30.

мости между неурожаями страны и ея преступностью было сдѣлано Дюкпетьо подробно и обстоятельно.

Еще болѣе полное, чѣмъ у Дюкпетьо, обоснованіе ученія о соціальномъ происхожденіи преступленія мы находимъ въ многочисленныхъ трудахъ знаменитаго отца моральной статистики Кетле [1]). Изъ его работъ главный интересъ представляетъ его «Опытъ соціальной физики», гдѣ онъ обработалъ между прочимъ результаты своихъ предшествующихъ трудовъ по статистикѣ преступности. Взявъ эпиграфомъ слова Лапласа о необходимости примѣненія къ наукамъ политическимъ и нравственнымъ метода опыта и наблюденія, принесшаго столько пользы при изученіи естественныхъ наукъ, Кетле посвятилъ свое изслѣдованіе доказательству подчиненности человѣческихъ дѣйствій опредѣленнымъ законамъ.

Среди этихъ дѣйствій онъ съ первыхъ же страницъ своего труда удѣляетъ особенное вниманіе преступленіямъ. Въ нихъ онъ видитъ удивительное постоянство: не только число ихъ изъ года въ годъ одно и то же, но и орудія, которыми они совершаются, употребляются въ однѣхъ и тѣхъ же пропорціяхъ. «Общество,—говоритъ онъ,—заключаетъ въ себѣ зародыши всѣхъ имѣющихъ совершиться преступленій, потому что въ немъ заключаются условія, способствующія ихъ развитію; оно, такъ сказать, подготовляетъ преступленія, а преступникъ есть только орудіе. Всякое соціальное состояніе предполагаетъ, слѣдовательно, извѣстное число и извѣстный порядокъ проступковъ, которые являются какъ необходимое слѣдствіе его организаціи. Это наблюденіе, которое на первый взглядъ можетъ показаться безотраднымъ, напротивъ очень утѣшительно, если ближе всмотрѣться въ него. Оно указываетъ на возможность улучшенія людей посредствомъ измѣненія учрежденій, привычекъ, состоянія образованности и вообще всего, что имѣетъ вліяніе на ихъ бытъ». Борьба съ преступленіемъ посредствомъ соотвѣтствующаго измѣненія соціаль-

[1]) *Quetelet:* „Recherches statistiques sur le royaume des Pays-Bas". Bruxelles, 1829. „Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou essai de physique sociale". Brux., 1835. 1-e édition Paris chez Bachelier (1-я часть переведена на русскій языкъ: „Человѣкъ и развитіе его способностей или опытъ общественной физики". Изд. О. И. Бакста. Спб., 1865 г.).

ныхъ условій должна, согласно ученію Кетле, занять важное мѣсто. Несмотря на казни, тюрьмы и каторгу, преступленія не уменьшаются, бюджетъ эшафотовъ оплачивается съ удивительною точностью, «съ большею правильностью, чѣмъ дань природѣ или государственной казнѣ»; на уменьшеніе этого бюджета и должны быть направлены всѣ силы, а пока существуютъ однѣ и тѣ же причины, всегда нужно ждать однихъ и тѣхъ же послѣдствій [1]).

Въ III части второго тома Кетле обращается къ выясненію законовъ развитія преступности и приходитъ къ выводу, что влеченіе къ преступности находится въ зависимости отъ возраста, пола человѣка, его профессіи, степени образованія, временъ года и пр. При выясненіи степени важности каждой изъ этихъ причинъ автору пришлось, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтиться съ большими трудностями: причины, вызывающія преступленія, говоритъ онъ, такъ многочисленны и разнообразны, что становится почти невозможно опредѣлить степень важности каждой; случается, что причины, казавшіяся очень вліятельными, сглаживаются передъ другими, о которыхъ вначалѣ не думали. Среди причинъ, которымъ, по мнѣнію Кетле, приписываютъ ошибочно большое значеніе, находится между прочимъ степень образованности, или, вѣрнѣе, грамотности: умѣніе читать и писать безъ соотвѣтствующаго моральнаго развитія не только не удерживаетъ, но даже способствуетъ совершенію преступленія. Указывая въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительныя причины преступности съ замѣчательною правильностью—особенно удивительною, если принять во вниманіе, что моральная статистика дѣлала въ то время еще только свои первые шаги,—Кетле упускалъ иногда изъ вниманія другія причины этой преступности. Такъ, вѣрно оцѣнивъ значеніе мужского и женскаго пола, какъ факторовъ преступности, сумѣвъ объяснить женскую преступность большею физическою слабостью женщины, ея отрѣшенностью отъ общественной жизни и замкнутостью съ кругу семейныхъ обязанностей, Кетле совершенно упустилъ изъ вниманія значеніе соціальныхъ и экономическихъ условій при выясненіи вліянія на преступность вре-

---

[1]) *Кетле:* „Человѣкъ и развитіе его способностей". Спб., 1865 г., стр. 7—8.

менъ года: для него какъ будто совсѣмъ не возникало вопроса, почему констатируемое имъ повышеніе числа преступленій противъ собственности выпадаетъ на зимнее время,—сказывается ли здѣсь только вліяніе холода, или также и бѣдности, не могущей укрыться отъ холода?

Вопросъ о вліяніи на преступность богатства и бѣдности также привлекъ вниманіе Кетле, но недостатокъ необходимаго цифрового матеріала не позволилъ ему разрѣшить этотъ важный и интересный вопросъ съ должною полнотою. Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ, что неравенство богатствъ тамъ, гдѣ оно чувствуется сильнѣе, приводитъ къ бо́льшему числу преступленій; не бѣдность сама по себѣ, а быстрый переходъ отъ достатка къ бѣдности; къ невозможности удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей, ведетъ къ преступленію. Не вдаваясь въ подробную оцѣнку правильностей этого основного положенія Кетле, мы не можемъ не замѣтить, что его методъ доказательствъ этого положенія едва ли можетъ быть признанъ правильнымъ: сравненіе преступности богатыхъ департаментовъ Франціи съ преступностью бѣдныхъ покоится на совершенно ошибочномъ разнесеніи департаментовъ Франціи на двѣ группы богатыхъ и бѣдныхъ, независимо отъ дѣйствительнаго числа въ нихъ богатыхъ и бѣдныхъ.

Свои окончательные выводы о факторахъ развитія преступности Кетле формулировалъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Факты моральнаго характера существенно отличаются отъ физическихъ фактовъ привходящею въ нихъ особою причиною, кажущеюся при первомъ взглядѣ ускользающею отъ всякаго нашего предвидѣнія: это свободная воля человѣка. Но опытъ показываетъ намъ, что эта свободная воля оказываетъ свое вліяніе въ ограниченной области и, весьма чувствительная для индивида, она не имѣетъ опредѣляющаго вліянія на общество, гдѣ всѣ особенности нейтрализируются. Когда разсматриваются человѣческія дѣйствія, то факты моральные и физическіе должны быть подвергнуты одинаковымъ принципамъ наблюденія. И такъ какъ причины, вліяющія на нашу общественную систему, подвергаются лишь медленному измѣненію, можно сказать вѣковому, то отсюда удивительное постоянство, господствующее въ общественныхъ фактахъ, каковы: браки, преступленія, самоубійства и пр.

Въ томъ же направленіи, какъ Кетле, работалъ Герри, напечатавшій нѣсколько статистическихъ работъ. Главнѣйшіе его труды по моральной статистикѣ Франціи и Англіи вышли первый въ 1833 г. и второй въ 1864 г. Объ эти работы состоятъ главнымъ образомъ изъ прекрасно исполненныхъ картограммъ и чертежей и краткаго текста къ нимъ.

Въ основаніе вычисленій «Essai sur la statist. morale de la France» легли цифры о числѣ обвиняемыхъ во Франціи за первыя шесть лѣтъ французской уголовной статистики (за 1825—1830 гг.). Герри полагаетъ, что цифры о числѣ обвиняемыхъ представляются болѣе цѣннымъ и точнымъ матеріаломъ, нежели свѣдѣнія о количествѣ осужденныхъ, такъ какъ, по его мнѣнію, условія попасть на скамью подсудимыхъ во всей Франціи одни и тѣ же, а на осужденіе и оправданіе судомъ присяжныхъ будто бы часто вліяютъ обстоятельства, ничего общаго съ виновностью не имѣющія. Но такой взглядъ не можетъ быть признанъ правильнымъ: постоянство процента оправданій и осужденій на каждую сотню обвиняемыхъ въ судѣ присяжныхъ доказываетъ, что и въ данныхъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи о случайныхъ вліяніяхъ на рѣшенія присяжныхъ; такія вліянія, возможныя въ отдѣльныхъ случаяхъ, пропадаютъ въ общей массѣ вердиктовъ. Но, кромѣ того, несомнѣнно, что обвиняемый въ преступленіи еще не есть доказанный преступникъ: его дѣяніе, пока оно не установлено точно судомъ, не можетъ представлять рѣшающаго значенія для выясненія или характеристики преступности страны, и если за этими цифрами возможно признать какое-нибудь значеніе, то лишь вспомогательное: онѣ дополняютъ картину преступности, какую даютъ числа осужденныхъ. Оперируя съ числами обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, Герри раздѣляетъ ихъ на двѣ группы—преступленія противъ личности и противъ собственности, и выясняетъ вліяніе пола, возраста, временъ года, распредѣленіе преступленій по департаментамъ и пр. Дѣленіе преступленій на эти двѣ группы должно быть поставлено Герри въ заслугу, тѣмъ бо́льшую, что оно нерѣдко забывается и въ наши дни, несмотря на все выяснившееся различіе преступленій этихъ двухъ категорій. Но многіе и другіе изъ выводовъ этого автора стали теперь общепризнанными истинами: таково его утвержденіе

объ особенной склонности старческаго возраста къ любострастнымъ дѣйствіямъ надъ дѣтьми, о большей преступности противъ половой нравственности лѣтомъ, о значительной преступности большихъ городовъ и пр. Что касается въ частности вліянія на преступность богатства и бѣдности, то Герри, указывая на значительную преступность богатыхъ департаментовъ и, наоборотъ, небольшую бѣдныхъ, основательно отмѣтилъ невозможность сдѣлать въ данномъ случаѣ твердые выводы по недостатку необходимаго матеріала, вслѣдствіе неизвѣстности дѣйствительнаго числа богатыхъ и бѣдныхъ по департаментамъ Франціи. Съ большею рѣшительностью Герри, какъ и Кетле, отвергнулъ уменьшеніе преступности съ распространеніемъ грамотности.

Герри предполагалъ сдѣлать свою работу въ болѣе широкомъ объемѣ, чѣмъ онъ сдѣлалъ, но недостатокъ матеріала не позволилъ ему выяснить такіе важные намѣченные имъ вопросы, какъ вліяніе на преступность развитія торговли, промышленности, путей сообщенія и пр.

Вторая работа Герри—«Statist. morale de l'Angleterre comparée avec la stat. mor. de la France»—по плану своего содержанія, такъ же какъ и по своимъ выводамъ напоминаетъ первую, и потому мы не будемъ на ней останавливаться.

Начиная съ сороковыхъ годовъ вопросъ о причинахъ преступности привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе статистиковъ. Появляются на эту тему статьи и отдѣльныя изданія Ваппеуса, Валентини, Корна, Эттингена, Майера, Вагнера и др. Мы не будемъ останавливаться на этихъ авторахъ. Общая имъ всѣмъ та черта, что они пошли по пути, указанному имъ Кетле, Дюкпетьо и Герри; воспользовавшись статистическимъ методомъ изученія преступленія, они пришли, и не могли не притти, къ одному общему имъ всѣмъ выводу о причинности въ области человѣческихъ дѣйствій, а въ томъ числѣ и преступленій.

Современникъ первыхъ представителей моральной статистики знаменитый итальянскій криминалистъ Романьози (Romagnosi) въ своемъ капитальномъ трудѣ «Genesi del diritto penale» неоднократно обращается къ выясненію причинъ преступности. Мы находимъ у него, какъ было указано выше, уже и классификацію этихъ причинъ, сводящихся:

1) къ недостатку средствъ существованія, 2) къ недостаточности воспитанія, 3) къ недостаточности заботливости и 4) къ недостаткамъ юстиціи [1]). Для Романьози наказаніе—крайнее средство борьбы съ преступленіемъ; къ нему можно обращаться лишь тогда, когда исчерпаны средства предупрежденія преступленія. Говоря о вліяніи на преступность недостатка средствъ существованія, авторъ различаетъ, кромѣ прямого вліянія бѣдности, еще и непрямое и отмѣчаетъ особенное значеніе мѣръ предупрежденія для преступленій, вызываемыхъ причинами экономическаго свойства; но «заботиться о поддержаніи существованія,—говоритъ онъ,—не означаетъ только распредѣлять ежедневно гражданамъ хлѣбъ, а всячески облегчать развитіе личной дѣятельности». Романьози не упускалъ также случаевъ пользоваться опытными доказательствами и въ частности, цитируя Бентама, указывалъ, что съ отмѣною въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ привилегій, съ поднятіемъ народной морали, обезпеченіемъ бѣдняковъ и улучшеніемъ воспитанія, которое должно дѣлать людей трудолюбивыми и сердечными, преступленія уменьшились въ весьма значительной степени.

Такимъ образомъ Романьози вмѣстѣ съ Бриссо де Варвиллемъ и Дюкпетьо были первыми криминалистами, подробно остановившимися въ своихъ работахъ по уголовному праву на выясненіи роли соціальныхъ факторовъ преступности, и эта ихъ заслуга не должна быть забыта, тѣмъ болѣе, что о значеніи этихъ факторовъ криминалисты вспомнили лишь въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ. Такое отношеніе къ этому вопросу криминалистовъ тѣмъ болѣе непростительно, что начиная съ сороковыхъ годовъ статистики и экономисты доказывали несомнѣнную связь между соціальной средой и преступностью. О статистикахъ мы говорили выше, а изъ экономистовъ назовемъ Фридриха Энгельса и Маркса.

Ф. Энгельсъ въ своей работѣ «Положеніе рабочаго класса въ Англіи» (1845 г.) объясняетъ высокую преступность Ланкашира и Лондона наличностью въ этихъ городахъ особенно значительнаго количества пролетаріата. Тяжелыя

---

[1]) *Romagnosi*: „Genesi del diritto penale“. Firenze. Quinta edizione 1834, § 1021.

условія положенія рабочаго приводятъ его къ преступности съ такою же неизбѣжностью, съ какою «вода при 80° Реомюра переходитъ изъ жидкаго состоянія въ газообразное». Ростъ преступности и ростъ пролетаріата находятся, по мнѣнію Энгельса, въ прямомъ соотношеніи. Подтвержденіе своему положенію о вліяніи на преступность авторъ видитъ также и въ томъ, что среди преступниковъ оказывается значительный процентъ неумѣющихъ ни читать, ни писать и ничтожное число получившихъ высшее образованіе, доступное лишь состоятельнымъ классамъ. Противорѣчія классовыхъ интересовъ являются источникомъ преступленій: «каждый видитъ въ другомъ врага, котораго онъ долженъ удалить со своего пути, или средство, которое онъ можетъ использовать для своихъ цѣлей». И эта война, какъ показываютъ таблицы преступности, становится годъ отъ году все рѣзче, страстнѣе и непримиримѣе; враждующія стороны постепенно дѣлятся на два большихъ лагеря, ожесточенно борющихся другъ съ другомъ: одинъ лагерь образуетъ буржуазія, а другой—пролетаріатъ [1]).

Марксъ не касался непосредственно вопроса о происхожденіи преступности, но извѣстно, какое громадное значеніе онъ придавалъ экономической структурѣ общества, опредѣляющей все его устройство и разнообразнѣйшія явленія общественной жизни, а въ томъ числѣ и преступленія [2]).

Мы перейдемъ теперь къ тому золотому вѣку уголовной литературы, который начался со времени выхода въ свѣтъ труда Ломброзо «Преступный человѣкъ».

Существуетъ мнѣніе, что Ломброзо и его послѣдователи совершенно игнорируютъ общественные и всѣ другіе факторы преступности, кромѣ антропологическихъ. Этому обвиненію особенно посчастливилось: оно распространилось, укрѣпилось и въ наши дни стало почти общимъ. Самъ Ломброзо считаетъ такое обвиненіе противъ своей школы совершенно новѣрнымъ: «среди обвиненій, болѣе или менѣе ложныхъ, распространенныхъ противъ новой уголовно-

[1]) *Фр. Энгельсъ*: „Положеніе рабочаго класса въ Англіи". Перев. Котляра.

[2]) *К. Марксъ*: „Капиталъ". 3-ье изд. 1898 г.

антропологической школы,—говоритъ онъ въ своемъ предисловіи къ труду Фориазари да Верче,—одно много старѣе другихъ и до сихъ поръ все еще держится: это—обвиненіе насъ въ отрицаніи экономическихъ вліяній, вліянія среды». Ломброзо признаетъ, что его школа не занималась выясненіемъ соціальныхъ условій преступности въ той степени, въ какой занялась индивидуальными факторами, но свое оправданіе онъ видитъ въ стремленіи школы внести въ науку если не новые выводы, то по крайней мѣрѣ менѣе признанные; новая антропологическая школа не считала нужнымъ распространяться о фактахъ всѣмъ извѣстныхъ, какими были факты экономическаго вліянія [1]).

Въ этомъ же смыслѣ оправдывался Ломброзо и ранѣе, на второмъ конгрессѣ уголовной антропологіи въ Парижѣ въ 1889 году.

Дѣйствительно, упреки школѣ Ломброзо въ игнорированіи соціальныхъ факторовъ преступности не могутъ быть признаны правильными. Правда, что антропологическая школа въ громадномъ большинствѣ случаевъ не признаетъ за этими факторами рѣшающаго значенія, но съ первыхъ же шаговъ своего появленія она обратила свое вниманіе и на нихъ, а по мѣрѣ своего дальнѣйшаго развитія обнаружила несомнѣнную склонность придавать имъ все большее значеніе: такова была эволюція взглядовъ самого Ломброзо и виднѣйшихъ его послѣдователей.

Уже въ первомъ изданіи своего труда «О преступномъ человѣкѣ» Ломброзо не обошелъ молчаніемъ соціальныхъ факторовъ, а во второмъ изданіи онъ помѣстилъ спеціальную главу «Терапія преступленія», гдѣ говорилъ о различныхъ предупредительныхъ средствахъ противъ преступленій. Въ главѣ XIV этого же изданія онъ отмѣтилъ вліяніе на преступность цивилизаціи, создающей свою преступность; здѣсь же онъ пытался выяснить роль періодической прессы съ ея пространными отдѣлами скандальной хроники; онъ призналъ также, что съ уменьшеніемъ цѣнъ на съѣстные припасы уменьшается преступность противъ

[1]) *Fornasari di Verce:* „La criminalita e le vicende economiche d'Italia". Torino, 1894, стр. V.

собственности, но нашелъ, что такое уменьшеніе сопровождается увеличеніемъ преступленій противъ личности [1]).

Въ небольшой книгѣ, выпущенной черезъ годъ послѣ второго изданія «l'Uomo delinquente», т.-е. въ 1879 г., «Incremento del delitto in Italia», Ломброзо подробно разсмотрѣлъ многіе изъ соціальныхъ факторовъ преступности, въ томъ числѣ и бѣдность.

Наконецъ, въ 1897 г. Ломброзо опубликовалъ третій томъ своего пятаго изданія «О преступномъ человѣкѣ» и значительную часть этого тома посвятилъ ученію о соціальныхъ факторахъ преступности. Такъ, имъ было разсмотрѣно вліяніе на преступность цивилизаціи, неурожаевъ, цѣнъ хлѣба, образованія, воспитанія, экономическаго положенія, стачекъ рабочихъ, эмиграціи, иммиграціи и пр.

Въ главѣ XVIII этого изданія авторъ выясняетъ причины политическихъ преступленій и останавливается здѣсь на развитіи революціоннаго духа въ промышленныхъ густо населенныхъ центрахъ сравнительно съ земледѣльческими, являющимися, по его изысканіямъ, болѣе консервативными, на значеніи системы правленія, на различіи классовъ въ государствѣ, на экономическихъ причинахъ и пр. Во второй части 3-го тома Ломброзо предлагаетъ различныя средства предупредительнаго характера въ борьбѣ съ преступностью: для устраненія тягостей нужды рекомендуетъ: 1) экспропріацію большихъ помѣстій, дающихъ благосостояніе единичнымъ личностямъ на счетъ бѣдноты массы, 2) улучшеніе путей сообщенія, 3) отмѣну многихъ налоговъ и пониженіе другихъ, 4) ограниченіе рабочаго времени, запрещеніе ночной работы женщинамъ и др. мѣры [2]).

Подробнѣе, чѣмъ самъ Ломброзо, остановились на выясненіи значенія соціальныхъ факторовъ его послѣдователи. Такъ, Ферри (Ferri) уже въ 1880 г. напечаталъ свою рабо-

---

[1]) *C. Lombroso:* „l'Uomo delinquente in rapporto all' antropologia, gurisprudenza e alle discipline carcerarie". Roma, 1878, стр. 252, 257, 260.

[2]) *C. Lombroso:* „l'Uomo delinquente in rapporto all' antropologia, alla gurisprudenza ed alla psichiatria". Quinta edizione, Volume térzo, Torino, 1897. Нѣмецкое изданіе: *Hans Kurella* und *Jenitsch:* „Die Ursachen u. Bekämpfung des Verbrechens". Berl., 1902. Часть 3-го тома переведена на русскій языкъ: „Преступленіе", перев. Гордона. Спб., 1900.

ту о движеніи преступности во Франціи и установилъ зависимость между числомъ преступленій и экономическими условіями страны. Раздѣливъ причины, производящія преступность, на три группы (факторы антропологическіе, физическіе и соціальные), Ферри объяснилъ значительное увеличеніе преступности во Франціи вліяніемъ измѣнившихся соціальныхъ условій, такъ какъ за изслѣдуемый имъ короткій промежутокъ времени въ 50 лѣтъ представляется «немыслимымъ измѣненіе въ антропологическихъ и физическихъ факторахъ, т.-е. измѣненія въ природѣ и въ самомъ человѣкѣ». Объясняя ростъ преступности Франціи большимъ потребленіемъ алкоголя и другими причинами соціальнаго характера, Ферри съ полнымъ правомъ могъ указывать на эту свою работу тѣмъ противникамъ школы Ломброзо, которые обвиняли ее въ игнорированіи соціальныхъ условій.

Въ другой своей уаботѣ—«La sociologia criminale»—Ферри разработалъ теорію такъ называемыхъ уголовныхъ замѣстителей, «sustitutivi penali»[1]). Такъ назвалъ онъ мѣры соціальнаго предупрежденія преступленія, которыя, по его убѣжденію, являются болѣе дѣйствительными средствами борьбы съ преступленіемъ, чѣмъ наказанія. Законодатель, изучая происхожденіе, условія и слѣдствія индивидуальной и коллективной дѣятельности, приходитъ къ познанію психологическихъ и соціальныхъ законовъ и при ихъ помощи можетъ вліять на факторы преступности, особенно на соціальные. Въ видѣ примѣра Ферри разсматриваетъ нѣкоторые изъ этихъ замѣстителей, разбивая ихъ на семь группъ: замѣстители экономическаго свойства, политическаго, научнаго, законодательнаго и административнаго, религіознаго, воспитательнаго и замѣстители въ области семейнаго права. Къ числу экономическихъ замѣстителей авторомъ отнесены: свободный обмѣнъ (который понижаетъ цѣны съѣстныхъ припасовъ, а съ ними и преступность, особенно противъ собственности), свобода эмиграціи (освободитъ страну отъ людей неуравновѣшенныхъ, толкаемыхъ на преступленія нищетою), уменьшеніе ввозной по-

---

[1]) Объ уголовно-антропологической теоріи Ферри см. на рус. яз. *Вульфертъ*: „Антрополого-позитивная школа уголовнаго права въ Италіи“, вып. I, 1887, стр. 152—370.

шлины (приведетъ къ уменьшенію контрабанды), болѣе правильная система налоговъ (уменьшитъ число обмановъ, мятежей и пр.) и организація публичныхъ работъ въ голодныя и суровыя зимы (уменьшитъ число преступленій противъ личности, имущества и общественнаго порядка). Огромное значеніе придаетъ авторъ и мѣрамъ ограниченія производства и продажи алкоголя. Замѣна бумажныхъ денегъ металлическою монетою затруднитъ поддѣлку и сбытъ фальшивыхъ денегъ. Далѣе Ферри рекомендуетъ развитіе учрежденій народнаго кредита, увеличеніе жалованья чиновникамъ, какъ мѣру борьбы съ подкупами, уменьшеніе часовъ работы особенно для тѣхъ профессій, отъ исправнаго отправленія которыхъ зависитъ безопасность гражданъ (напримѣръ, желѣзнодорожная служба), улучшеніе путей сообщенія, освѣщеніе улицъ, наблюденіе за постройкою домовъ, дешевыя жилища для рабочихъ, развитіе обществъ самопомощи, страхованіе отъ несчастій, болѣзней, старости, развитіе блоготворительныхъ учрежденій, гражданская отвѣтственность предпринимателей и пр. Политическіе уголовные замѣстители служатъ, по ученію Ферри, лучшими средствами для борьбы съ политическими преступленіями—заговорами, возстаніями, политическими убійствами и пр. Такими замѣстителями являются свобода убѣжденій, политическія реформы, отвѣчающія народнымъ желаніямъ, и т. п. Авторъ ссылается на краснорѣчивый примѣръ Италіи: въ ней во время господства иностранцевъ ни эшафоты, ни каторжныя работы не могли остановить политическихъ посягательствъ, исчезнувшихъ съ установленіемъ національной независимости.

Научный прогрессъ, дающій новыя средства для совершенія преступленій—гипнотизмъ, электричество, динамитъ, новые яды и пр., приноситъ съ собою новыя средства борьбы съ преступностью, и притомъ болѣе дѣйствительныя, чѣмъ уголовная репрессія. Печать, фотографированіе и антропометрическое измѣреніе преступниковъ, телеграфъ, микроскопическія изслѣдованія—могучіе союзники въ борьбѣ противъ преступниковъ. Такъ, пиратство, не побѣжденное жестокими наказаніями, исчезло съ примѣненіемъ къ движенію по морямъ пара. Именные чеки, устранившіе необходимость частыхъ пересылокъ денегъ, помѣшали грабежамъ болѣе, чѣмъ какое-либо наказаніе. Говоря о за-

мѣстителяхъ законодательныхъ и административныхъ, Ферри отмѣчаетъ благопріятное вліяніе на движеніе преступности различныхъ законовъ: такъ, доступность гражданскихъ судовъ предупреждаетъ преступленія противъ общественнаго порядка, личности и собственности; законъ, дозволяющій отысканіе съ родителей средствъ на содержанія внѣбрачныхъ дѣтей, предупреждаетъ дѣтоубійства, совершаемыя покинутыми матерями-дѣвушками; упрощеніе законодательства ведетъ къ уменьшенію обмановъ, «такъ какъ, вопреки метафизической и иронической презумпціи, что незнаніе закона никого не извиняетъ, въ дѣйствительности лѣсъ кодексовъ, законовъ, декретовъ, регламентовъ приводитъ къ безчисленнымъ ошибкамъ, правонарушеніямъ и проступкамъ». Далѣе, суды чести, признанные законами, могутъ помѣшать дуэлямъ. Обвинительная и устная форма процесса предотвращаетъ ложные доносы и показанія. Общества помощи освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія также полезны, но менѣе, чѣмъ принято думать: предпочтительнѣе помогать рабочимъ, остающимся честными, несмотря на ихъ бѣдность. Учрежденія помощи матерямъ-дѣвушкамъ, убѣжища для покинутыхъ дѣтей—могущественныя средства борьбы съ преступностью. Въ области религіи должны быть также приняты нѣкоторыя реформы, которыя приведутъ къ уменьшенію преступности: запрещеніе публичныхъ процессій будетъ имѣть слѣдствіемъ уменьшеніе уличныхъ безпорядковъ и стычекъ; уменьшеніе роскоши церковнаго убранства повліяетъ на уменьшеніе церковныхъ кражъ; запрещеніе нѣкоторыхъ религіозныхъ пилигримствъ уменьшитъ число преступленій противъ нравственности и сократитъ число оргій, происходящихъ во время этихъ пилигримствъ. Измѣненія въ области семейнаго порядка и прежде всего облегченіе разводовъ уменьшатъ преступленія въ семьѣ, уменьшатъ супружескія измѣны и убійства; затрудненіе условій брака для нѣкоторыхъ лицъ остановитъ наслѣдственную передачу преступныхъ наклонностей. Регламентація проституціи имѣетъ, по мнѣнію Ферри, также благопріятное вліяніе на преступность.

Въ отношеніи воспитанія народныхъ массъ авторъ проектируетъ отмѣну нѣкоторыхъ народныхъ праздниковъ, устройство здоровыхъ развлеченій, закрытіе игорныхъ до-

мовъ, ограниченіе доступа на засѣданія суда, обращеніе большаго вниманія на физическое воспитаніе дѣтей и пр.

Аналогичныя мысли развивалъ Ферри и на уголовно-антропологическихъ конгрессахъ. Такъ, на второмъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1889 г. онъ дѣлалъ докладъ объ относительномъ значеніи индивидуальныхъ, физическихъ и соціальныхъ условій, опредѣляющихъ преступленіе [1]). Каждое преступленіе является для докладчика результатомъ взаимодѣйствія трехъ условій, и невозможно дать общій отвѣтъ на вопросъ объ относительной силѣ дѣйствія каждаго изъ трехъ факторовъ. Соціальныя и особенно экономическія причины оказываютъ свое вліяніе преимущественно на воровство и менѣе на убійства и насилованія, но несомнѣнно, что нѣкоторая часть убійствъ вызывается соціальными причинами (игра, алкоголизмъ, общественное мнѣніе и пр.); причинами этого же порядка часто объясняются насилованія (особенно вліяніемъ дурныхъ жилищъ). Но, съ другой стороны, не всякое воровство вызывается соціальными причинами; въ то время какъ случайное простое воровство вызывается скорѣе всего соціальными причинами, воровство съ насиліемъ, съ убійствами является скорѣе всего продуктомъ личныхъ особенностей преступника. Въ отличіе отъ господствующаго мнѣнія соціологической школы криминалистъ-антропологъ Ферри не допускаетъ возможности совершенія преступленія въ силу однихъ соціальныхъ условій, безъ вліянія антропологическихъ факторовъ. Возражая Лакассаню, сравнивавшему преступника съ микробомъ, развивающимся лишь въ подходящей средѣ-обществѣ, Ферри говоритъ, что среда не въ силахъ породить преступленіе, если нѣтъ микроба. Этимъ микробомъ Ферри, въ согласіи съ Ломброзо, считаетъ ненормальности въ физической и психической организаціи преступника; безъ такой ненормальности для него немыслимъ не только прирожденный и привычный, но даже и случайный преступникъ, а такъ какъ ненормальности являются результатомъ не только соціальныхъ условій, но и наслѣдственности, то даже полное преобразованіе совре-

[1]) *Ferri:* „Sur la valeur relative des conditions individuelles, physiques et sociales qui déterminent le crime". „Actes du 2 congrès internat. d'anthrop. crimin.", стр. 42—48.

менныхъ государствъ въ соціалистическія общества приведетъ не къ совершенному исчезновенію преступности, а лишь къ значительнѣйшему ея уменьшенію. Впрочемъ, въ болѣе поздней своей работѣ Ферри высказался нѣсколько иначе и полагалъ, что въ соціалистическомъ строѣ случайные и привычные преступники, являющіеся продуктомъ соціальной среды, должны необходимо исчезнуть. Какъ Ломброзо удѣляетъ въ настоящее время общественной средѣ вниманія болѣе, чѣмъ ранѣе, такъ и Ферри склоненъ придавать ей болѣе значенія, чѣмъ онъ признавалъ его въ началѣ своей научной и политической дѣятельности, когда еще не принадлежалъ къ соціалистической партіи, виднымъ представителемъ которой онъ является теперь.

Третій виднѣйшій сторонникъ уголовно-антропологической школы, баронъ Гарофало (Garofalo), посвятилъ себя юридической сторонѣ изученія новой школы, но и онъ не пренебрегъ изученіемъ соціальныхъ факторовъ преступности, хотя пришелъ въ данномъ случаѣ къ рѣшеніямъ, почти всегда прямо противоположнымъ результатамъ изысканій криминалистовъ соціологической школы.

Свой трудъ Гарофало назвалъ криминологіей («La Criminologie») [1]. Это—учебникъ уголовнаго права, гдѣ, наряду съ юридическимъ изученіемъ преступленія и наказанія въ свѣтѣ новой школы, вошли также вопросы объ особенностяхъ преступника и о вліяніи на преступность бѣдности, цивилизаціи, воспитанія и пр.

Гарофало начинаетъ изложеніе своей теоріи съ выраженія увѣренности въ преувеличенности мнѣнія о тяжестяхъ бѣдноты и особенно ея голодной нужды. Онъ не отрицаетъ, что пролетарій болѣе чѣмъ кто-либо другой подвергается опасности голода вслѣдствіе того, что все его существованіе зависитъ отъ поденнаго заработка, но полагаетъ, что при современномъ состояніи нашей цивилизаціи почти всѣ желающіе находятъ работу, кромѣ случаевъ кризисовъ, и если, по несчастью, они не находятъ ея, къ нимъ всегда протягивается чья-нибудь благотвори-

[1] *Garofalo, baron:* „La Criminologie". Paris, 1895. Первое итальянское изданіе 1885 года: „La Criminologia". О Гарофало см. *Вульфертъ:* „Антрополого-позитивная школа угол. права въ Италіи", вып. I, 1887, стр. 371—500.

тельная рука. Несомнѣнно, существуетъ бѣдность, но такъ какъ ея причина, по мнѣнію Гарофало, почти всегда—недостатокъ энергіи, то она сопровождается апатіей и довольствуется тѣмъ, что влачитъ чисто животное существованіе. Огромная часть рабочаго класса, говоритъ этотъ криминалистъ, страдаетъ не отъ голода, но скорѣе отъ невозможности доставить себѣ столько удовольствій, сколькими пользуются на его глазахъ болѣе состоятельные классы. Жажда удовольствій—это своего рода танталовская жажда, но испытываетъ ее не только пролетаріатъ, а всѣ: работающій за поденную плату считаетъ себя бѣднякомъ передъ хозяиномъ, мелкій собственникъ—передъ большимъ, служащій—передъ начальникомъ и т. д. Не особое экономическое положеніе приводитъ къ преступленію, а совершенно особое психическое состояніе, характеризующееся полнымъ отсутствіемъ или уменьшеніемъ чувства честности. Гарофало увѣренъ, что преступленія не могли бы исчезнуть даже въ томъ строѣ, гдѣ совершенно не было бы бѣдныхъ, «такъ какъ безчестные люди не могутъ исчезнуть и раса лѣнтяевъ и праздношатающихся не умретъ никогда даже въ чудесномъ строѣ, проектированномъ Фурье».

Но главныя возраженія Гарофало противъ значенія бѣдности, какъ фактора преступности, состоятъ въ слѣдующемъ. Пролетаріатъ характеризуется полнымъ отсутствіемъ капитала, но такое экономическое состояніе, если не считать случаевъ исключительной нужды въ необходимомъ, т.-е. жилищѣ, пищѣ и отопленіи, не представляетъ ничего ненормальнаго для тѣхъ, кто привыкъ къ нему. Оно составляетъ затрудненіе только для тѣхъ, кто имѣетъ желанія и потребности, но не можетъ удовлетворить ихъ при помощи своего заработка. Но подобное экономическое затрудненіе можетъ испытывать по аналогичнымъ основаніямъ и классъ капиталистовъ, если слово заработокъ мы замѣнимъ словомъ доходъ. Ничто не говоритъ намъ, что это соотношеніе между желаніями и возможностью ихъ удовлетворенія болѣе велико въ низшихъ классахъ. Наоборотъ, у богатаго класса, знающаго комфортъ и роскошь, потребностей больше и онѣ разнообразнѣе, а потому здѣсь, по мнѣнію Гарофало, чаще должны быть случаи страданія, испытываемаго отъ неудовлетворенныхъ желаній. От

сюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что бѣдность не должна приводить къ преступленію скорѣе богатства. Переходя отъ этихъ соображеній къ доказательствамъ, онъ признается, что у него нѣтъ прямыхъ статистическихъ данныхъ, которыя могли бы подтвердить правильность его выводовъ, и потому обращается къ сложнымъ выкладкамъ и на основаніи ихъ пытается показать, что классъ богатыхъ даетъ столько же преступниковъ, сколько и бѣдный.

Онъ беретъ отчетъ по уголовной статистикѣ Италіи за 1889 годъ и предполагаетъ, что 72 вооруженныхъ кражи или сопровождавшихся убійствомъ, 485 кражъ съ насиліемъ и покушеній на нихъ и, наконецъ, 8.444 квалифицированныхъ воровства (считая въ этомъ же числѣ покушенія на квалифицированныя кражи и укрывательство похищенныхъ вещей), а всего 9.001 преступленіе совершены пролетаріями. Этому числу онъ противопоставляетъ: 370 похищеній, подкуповъ и взяточничествъ чиновниковъ, 1.148 поддѣлокъ монеты, бумагъ, государственныхъ облигацій, печатей и марокъ, подлоговъ въ публичныхъ актахъ и пр., 433 банкротства и торговыхъ обмана, а всего 1.951 преступленіе; это послѣднее число авторъ относитъ къ преступности состоятельныхъ классовъ, имѣющихъ ту или другую собственность. Отношеніе этихъ двухъ цифръ (9001 : 1951 = 100 : 83) показываетъ отношеніе преступности пролетаріата и класса собственниковъ. Но таково же, по мнѣнію Гарофало, отношеніе числа пролетаріевъ въ Италіи къ числу собственниковъ (86 бѣдныхъ на сто жителей). Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что пролетаріатъ не даетъ большей преступности въ сравненіи съ другими классами и что, слѣдовательно, нищета не является факторомъ преступности. Но, отрицая за бѣдностью значеніе фактора преступности, Гарофало призналъ, что рѣзкія общественныя измѣненія, производимыя, напримѣръ, голодомъ, революціей, коммерческими кризисами и войною, могутъ привести къ увеличенію тяжкой преступности. Впрочемъ, и въ данномъ случаѣ Гарофало остается вѣрнымъ своей основной точкѣ зрѣнія, что только безчестный становится преступникомъ, и полагаетъ, что эти кризисы и перевороты лишь превращаютъ одинъ видъ преступности въ другой, дѣлая изъ вора разбойника, изъ менѣе опаснаго преступника—болѣе опаснаго.

Не останавливаясь въ настоящее время на критикѣ теоріи Гарофало, мы лишь отмѣчаемъ тотъ фактъ, что и этотъ сторонникъ уголовно-антропологической школы не прошелъ молчаніемъ вопроса о вліяніи общественной среды какъ фактора преступности и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже призналъ за нею второстепенное значеніе.

Въ томъ же 1885 году, когда вышло первое изданіе «Criminologie» Гарофало, состоялся первый международный конгрессъ по уголовной антропологіи, въ программу котораго былъ включенъ между прочимъ вопросъ о вліяніи на преступность Италіи экономическихъ условій. Докладчикъ по этому вопросу, сторонникъ уголовно-антропологической школы, Росси (Rossi), призналъ вліяніе экономическихъ и термометрическихъ условій. Взявъ для изслѣдованія періодъ съ 1875 г. по 1883 г., онъ нашелъ, что:

1. Число преступленій и проступковъ противъ собственности (отсюда были выдѣлены квалифицированныя кражи и вооруженныя нападенія) находится въ зависимости отъ метеорологическихъ измѣненій и колебаній цѣнъ на съѣстные припасы. Максимумъ этихъ преступленій выпалъ на 1880 годъ, когда цѣна хлѣба была очень высокая, а зима стояла холодная. Въ 1877 году, несмотря на повышеніе цѣнъ хлѣба, преступленія противъ собственности увеличились не особенно сильно, благодаря мягкой зимѣ; съ 1880 г. по 1883 г. цѣна зерна падала, зимняя температура оставалась довольно высокая, и потому преступность непрерывно и значительно понижалась.

2. Такая же зависимость, но съ еще большею правильностью, устанавливается и между числомъ квалифицированныхъ кражъ, съ одной стороны, и цѣною хлѣба и температурою—съ другой: въ періодъ съ 1875 г. по 1883 г., за исключеніемъ лишь двухъ лѣтъ (1877 и 1879 гг.), каждое пониженіе зимней температуры вызывало увеличеніе числа квалифицированныхъ кражъ и, наоборотъ, повышеніе температуры приводило къ уменьшенію этихъ преступленій. То же самое было констатировано докладчикомъ и относительно хлѣбныхъ цѣнъ: высокія цѣны въ 1880 г. при низкой температурѣ дали максимумъ преступленій разсматриваемой категоріи.

3. Преступленія противъ личности находятся въ обратномъ отношеніи съ цѣнами на хлѣбъ [1]).

4. Преступленія противъ нравственности Росси ставитъ въ связь съ измѣненіями температуры.

5. Цѣна на вина находится въ обратномъ отношеніи съ числомъ безпорядковъ, насилій и оскорбленій, нанесенныхъ полицейскимъ агентамъ [2]).

Такимъ образомъ разсмотрѣніе трудовъ Ломброзо, Ферри, Гарофало и Росси приводитъ насъ къ необходимости признать неправильными упреки, дѣлаемые сторонникамъ уголовно-антропологической школы въ игнорированіи ею изученія соціальныхъ факторовъ преступности [3]). Съ первыхъ же дней своего появленія она удѣляла имъ свое вниманіе, но такъ какъ она удѣляла его несравненно больше антропологическому изученію преступника и при этомъ признала, что рѣшающее значеніе въ развитіи преступности имѣютъ антропологическія особенности, то отсюда, вѣроятно, и получило свое распространеніе указанное выше ошибочное мнѣніе. Разногласія, возникшія между криминалистами по вопросу о значеніи различныхъ факторовъ, съ одной стороны, а съ другой—пренебрежительное отношеніе антропологовъ къ юридическому изученію преступнаго дѣянія привели къ страстной борьбѣ въ области науки уголовнаго права и къ образованію той новой *соціологической* школы уголовнаго права, которая поставила своею главною задачею изслѣдованіе соціальныхъ причинъ преступности.

---

[1]) Росси затрудняется объяснить причину этого обратнаго вліянія и высказываетъ два предположенія: „можетъ быть, колебанія цѣнъ хлѣба связаны съ колебаніями на вино, но, можетъ быть, лучшее питаніе даетъ силы къ личнымъ столкновеніямъ“.

[2]) Этотъ послѣдній выводъ Росси относится лишь къ Риму.

[3]) См. защиту этого же положенія у *Д. А. Дриля:* „Actes du III Congr. inter. d'anthr. crim.“, 1893, стр. 37—40, 344.

ГЛАВА IV.

Соціологическая школа науки уголовнаго права и ученіе ея сторонниковъ о соціальныхъ факторахъ преступности.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія труда Ломброзо о преступномъ человѣкѣ, т.-е. какъ разъ въ то время, когда слава этого туринскаго профессора достигла своего апогея и его имя стало извѣстно всему ученому міру, миланскій адвокатъ и депутатъ соціалистъ Турати (Turati) выступилъ противъ него со своею небольшою книжкою застрѣльщикомъ новаго *соціологическаго* направленія [1]). Какъ и подобаетъ застрѣльщику, Турати вышелъ на борьбу не съ тяжеловѣснымъ, кропотливымъ трудомъ, но съ небольшою брошюрой, написанной тѣмъ сжатымъ и сильнымъ языкомъ, которымъ этотъ соціалистъ прославился, какъ лучшій ораторъ итальянскаго парламента. Напрасно мы стали бы искать у автора въ этой его работѣ, получившей въ Италіи огромное распространеніе, вѣскихъ доказательствъ и всесторонняго освѣщенія трактуемыхъ въ ней вопросовъ; это скорѣе символъ новаго ученія, развить которое и обосновать предстояло впослѣдствіи другимъ въ формѣ болѣе научной и спокойной. Несмотря на указанные недостатки, работа Турати имѣетъ въ исторіи развитія соціологической школы большое значеніе: она ясно поставила вопросъ о соціальномъ происхожденіи преступности и, выяснивъ отрицательное отношеніе автора къ классическому и антропологическому направленію въ наукѣ уголовнаго права, указала на необходимость изученія преступности, какъ продукта современнаго политическаго и общественнаго устройствъ въ государствахъ.

Свою работу Турати начинаетъ краткими указаніями на повсемѣстный ростъ преступности. Къ этому прискорбному явленію наука, правительства и общественное мнѣніе отнеслись различно.

Можно различить въ данномъ случаѣ три ясно опредѣлившіяся теченія. Первое направленіе имѣетъ своимъ источникомъ Беккарія: оно всегда боролось за мягкость мѣръ,

---

[1]) *Turati*: „Il delitto e questione sociale". Milano, 1883.

примѣняемыхъ къ преступникамъ, и ему мы обязаны отмѣной смертной казни, пытокъ, введеніемъ гласности суда, обращеніемъ къ воспитанію преступника. Но, несмотря на это торжество направленія гуманистовъ пенитенціарной школы, желательные результаты не были достигнуты, и дома воспитанія стали домами порока и клубами разврата. Другое теченіе—прямо обратнаго характера. Видя ростъ рецидива, оно обратилось къ старой жестокости. Криминалисты и магистраты-террористы, въ согласіи съ наиболѣе эгоистическою и трусливою частью общества, взывали къ остановкѣ либеральной пенитенціарной реформы; желѣзной рукой они аплодировали смертной казни, требовали поменьше школы, побольше розги, взывали къ пожизненному заключенію рецидивистовъ, возставали противъ права помилованія, противъ института присяжныхъ. Передъ печальнымъ и нелѣпымъ явленіемъ, что тюрьма слишкомъ часто предпочитается мышиной норѣ рабочаго, они не видѣли другого средства, какъ ухудшенія первой. Оба эти теченія, несмотря на ихъ противоположность,—юридическія, оба борются съ преступленіемъ однимъ средствомъ—наказаніемъ. Войну этимъ направленіямъ объявило третье, принадлежащее менѣе къ области права и болѣе къ области соціологіи, разсматривающее преступника во всемъ его дѣйствительномъ разнообразіи, отрицающее свободу воли, видящее въ человѣческихъ дѣйствіяхъ необходимый итогъ не только умственныхъ вычисленій, но также продуктъ органическихъ и космическихъ силъ. Это направленіе полагаетъ, что если преступникъ вынуждается совершать преступленіе, то и общество не менѣе вынуждено наказывать для своей собственной защиты [1]). Эта школа требуетъ «физіологическаго» кодекса, различающаго одного преступника отъ другого. Различные теоретики школы сходятся между собою не всегда; такъ, Ломброзо и Гарофало стоятъ болѣе за суровость наказаній, а Ферри—за предупрежденіе преступленія соціальными реформами. Признавая заслуженность уголовно-антропологическою школою тріумфа въ критикѣ прежнихъ теорій, Турати сомнѣвается въ ея вновь созидающей силѣ: ошибка Ломброзо въ распознаніи причинъ преступности и въ соотношеніи фак-

[1]) *Turati*: указ. соч., стр. 12.

товъ замедляетъ научный прогрессъ и топитъ политически необходимыя мѣры въ мертвой водѣ.

Приступая затѣмъ къ развитію своего основного положенія, Турати сознается, что его утвержденіе о связи преступности съ экономическими условіями и о томъ, что причина преступленія лежитъ въ безпорядкахъ соціальнаго устройства, въ неравномъ распредѣленіи собственности, въ антагонизмѣ классовъ, невѣжествѣ и истощенности нижнихъ слоевъ общества, не является его новымъ словомъ, а лишь повтореніемъ идеи, высказанной ранѣе его преимущественно соціалистами, но также сторонниками и другихъ умѣренныхъ направленій. Многочисленныя выдержки изъ Романьози, слѣдующія затѣмъ, такъ же какъ и ссылка на дѣятельность Оуэна, подтверждаютъ эту мысль Турати.

«Не въ индивидѣ надо искать причину преступности,— говоритъ Турати,—но въ обществѣ органически и необходимо порочномъ, гдѣ эксплоатація человѣка—краеугольный камень общественнаго сожительства, гдѣ немногіе избранные живутъ на счетъ бѣдности и униженности большинства, гдѣ безстыднѣйшая противоположность между богатою праздностью и бѣднымъ трудомъ является постояннымъ и фатальнымъ побужденіемъ къ преступности». Теперь въ низшихъ слояхъ никто не обезопасенъ отъ призрака преступленія. Никто не можетъ дышать съ увѣренностью, что не будутъ осуждены къ каторжнымъ работамъ его близкіе, собственныя дѣти, даже онъ самъ. Преступленіе—печальная привилегія лишь этого бѣднаго класса [1]). Но съ измѣненіемъ соціальнаго строя, съ водвореніемъ идеаловъ политической доктрины Турати, когда у каждаго будетъ порція пищи для души и тѣла, преступленіе исчезнетъ, и опасность имѣть сына преступника не будетъ болѣе возможности имѣть сына съ двумя головами или одной рукой. Такимъ образомъ вопросъ о преступности является для автора прежде всего несомнѣннымъ вопросомъ общественной трансформаціи.

Космическіе факторы имѣютъ для Турати лишь вспомогательное, второстепенное значеніе и скорѣе даютъ лишь

---

[1]) „Il tributo criminoso è il privilegio quasi esclusivo d'una classe sociale", стр. 42.

ту или другую форму проявленія преступности, разлитой въ соціальныхъ жилахъ общественнаго организма.

Свои окончательные выводы авторъ резюмируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Нѣтъ нравственнаго вмѣненія. Непреодолимыя силы руководятъ человѣческими дѣйствіями. Единственное позитивное основаніе наказанія—общественная польза, разсматриваемая въ ея наиболѣе широкомъ и гуманномъ смыслѣ въ свѣтѣ теоріи эволюціи, въ комбинированныхъ интересахъ индивида и вида, общества и самого преступника.

2) Классовыя неравенства въ обществѣ служатъ источникомъ преступленій.

3) Наказаніе является лишь крайнимъ средствомъ, къ которому слѣдуетъ обращаться съ величайшею осторожностью въ случаяхъ, гдѣ никакое другое средство не можетъ помочь. Оно беззаконно и вредно, когда примѣняется ранѣе, чѣмъ не были испытаны всѣ предупредительныя мѣры въ этихъ случаяхъ общество со своими неравенствами само является соучастникомъ преступленій. Наказаніе въ общемъ неправственно и въ дѣйствительности непропорціонально виновности, не обладаетъ ни признакомъ возстановимости, ни примѣрности, оно нелично и пр.

4) Вопросъ о борьбѣ съ преступностью можетъ быть рѣшенъ лишь радикальнымъ обновленіемъ соціальныхъ институтовъ; тогда преступность уменьшится сразу трети на двѣ и останутся лишь преступленія, проистекающія изъ развращенности и по внезапному порыву страсти.

5) Прирожденные преступники слишкомъ ничтожны въ числѣ и притомъ являются въ большей или меньшей степени продуктомъ бѣдности и неравенства.

6) Не улучшенію благосостоянія, но его недостаточности и измѣнчивости должно быть приписано увеличеніе нѣкоторыхъ преступленій противъ личности и нравственности; ихъ причина скорѣе въ злоупотребленіи алкоголемъ и въ отсутствіи любви къ ближнему при господствующемъ нынѣ капиталистическомъ строѣ.

Таковы основныя положенія, къ которымъ пришелъ Турати въ своей работѣ. Они могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одни изъ нихъ тѣсно связаны съ доктриною соціализма, сторонникомъ котораго авторъ является, а дру-

гія съ нею непосредственно не связаны. Первыя положенія автора были поддержаны и развиты его политическими единомышленниками, а вторыя встрѣтили сочувственное отношеніе со стороны многихъ криминалистовъ либеральнаго направленія. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ своихъ ученій криминалисты—соціалисты и либералы—сошлись между собою, но во многихъ случаяхъ разошлись настолько сильно, что является надобность въ точномъ ихъ разграниченіи.

Общее между обоими этими ученіями то, что какъ криминалисты-соціалисты, такъ и другіе сторонники направленія, получившаго названіе соціологическаго, одинаково борются съ антропологическою и классическою школами. Всѣ они находятъ, что классическая школа съ характернымъ для нея игнорированіемъ ученія о факторахъ преступности и о самомъ преступникѣ, замкнувшаяся въ узкій кругъ юридической дисциплины, должна уступить свое мѣсто новымъ направленіямъ и измѣнить свое содержаніе согласно требованій новаторовъ: заняться изслѣдованіемъ самого преступника и той среды, въ которой онъ живетъ. Они также сходятся между собою и въ томъ, что не соглашаются съ антропологическою школой, которая, по ихъ мнѣнію, преувеличиваетъ значеніе индивидуальныхъ факторовъ. Они, наконецъ, признаютъ, что среди причинъ преступности наибольшее значеніе принадлежитъ факторамъ соціальнаго порядка, что въ борьбѣ съ преступностью наказаніе является крайнимъ, послѣднимъ средствомъ и что благопріятныхъ результатовъ этой борьбы можно достичь лишь путемъ соціальныхъ реформъ.

Этими одинаковыми, общими принципами ограничивается сходство разсматриваемыхъ нами направленій.

Что касается различія между ними, то, по мнѣнію криминалистовъ-соціалистовъ, оно весьма существенно. Соціологическая школа въ лицѣ большинства ея сторонниковъ представляется соціалистамъ буржуазною защитницею интересовъ господствующаго класса и непослѣдовательною въ своихъ выводахъ; при изученіи преступленія и наказанія она совершенно игнорируетъ громадное значеніе классовой борьбы и, не рѣшаясь признать вмѣстѣ съ ними, соціалистами, что только радикальное обновленіе государственнаго строя можетъ привести къ дѣйствительной побѣдѣ надъ преступностью, предлагаетъ такія соціальныя

реформы, которыя являются въ этой борьбѣ простыми палліативами [1]).

Соціологическая школа, а также и классическая, учатъ, что наказаніе ограждаетъ интересы всего общества. Криминалисты-соціалисты доказываютъ, что право всегда заботится о преимущественной охранѣ интересовъ правящихъ классовъ. Объ общемъ благѣ, пишетъ Ваккаро, авторъ труда «Genesi e funzione delle leggi penali», можно говорить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда группа проста и однородна. Но тамъ, гдѣ въ группѣ есть господствующіе и подчиненные классы, говорить объ общемъ благѣ не приходится: «человѣческое общество,—говоритъ этотъ авторъ,—можно сравнить съ громадною пирамидаю. Въ своемъ основаніи она имѣетъ огромную массу созданій, поддерживающихъ общественное зданіе и страдающихъ подъ его тяжестью и гнетомъ. Средніе общественные слои, сообразно высотѣ, занимаемой ими, страдаютъ отъ выше лежащихъ, но въ свою очередь жестоко попираютъ ногами находящихся ниже. Тѣ, кто сидятъ наверху, давятъ всѣхъ безъ разбора». [2]).

Такъ, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существовало рабство, убійство раба не считалось преступленіемъ. Въ Спартѣ на рабовъ устраивались охоты. Въ Римѣ, въ случаѣ убійства господина, всѣ его рабы, жившіе съ нимъ, подлежали смертной казни [3]). По кодексу Ману браминъ, вышедшій, по преданію, изъ головы верховнаго существа, получилъ право повелѣвать всѣми другими кастами. Какъ рука исполняетъ волю человѣка, такъ каста воиновъ создана для повиновенія и службы браминамъ. Каста тор-

---

[1]) „Die Kriminal-Soziologische Schule als Kämpferin für die Interessen der herrschenden Klassen". Von *M. Sursky*. „Die Neue Zeit", № 47 и 48, 1903—04.

[2]) *Vaccaro M. Angelo:* „Genesi e funzione delle leggi penali". Roma, 1889, стр. 77. О Ваккаро см. *Макс. Ковалевскаго:* „Современные соціологи", 1905 г., VIII глава, и Colajanni: „La Sociologia Criminale", т. I. 1889, § 61.

[3]) Въ правленіе Нерона нѣкто Педаній былъ убитъ своимъ рабомъ за постыдное покушеніе на его честь. Четыреста рабовъ Педонія, жившіе при немъ, подлежали смертной казни. Мысль, что столько невинныхъ должны погибнуть, волновала плебсъ, и даже въ сенатѣ было нѣкоторое теченіе противъ такой жестокости. Но Кай Кассій, указывая на законъ и обычай и на publica utilitas—общее благо, требовалъ казни, и 400 рабовъ были казнены. *Vaccaro*, ук. соч., VI гар.

говцевъ должна поддерживать своею промышленною дѣятельностью два высшихъ класса. Наконецъ, судра, на долю котораго выпало низкое происхожденіе изъ ступни Брамы, долженъ служить всѣмъ, не думая о наградѣ. Все, что находится въ мірѣ, — собственность брамина; онъ — господинъ другихъ классовъ; изъ его устъ люди должны получать предписанія ихъ поведенія; только ему дозволено изучать книгу законовъ. Кража у брамина влечетъ суровыя наказанія, а браминъ можетъ брать имущество судры, такъ какъ судра не имѣетъ собственности. За оскорбленіе брамина дѣйствіемъ виновнаго постигаетъ немедленная казнь—отрубаніе руки. За адультеръ кого-либо изъ класса воиновъ или купцовъ съ женою брамина, имъ не покинутою, назначается сожженіе заживо; наоборотъ, брамину за это же преступленіе не подлежитъ никакому наказанію, кромѣ безчестія. Судрѣ запрещено даже и въ состояніи крайней необходимости брать что-либо изъ принадлежащаго высшимъ классамъ и промышлять ихъ занятіями; за нарушеніе этого закона ему грозитъ конфискація имущества и изгнаніе. Жизнь воина оцѣнивается въ четыре раза дешевле жизни брамина, жизнь купца—въ четыре раза менѣе жизни воина, жизнь судры—въ 12 разъ дешевле купеческой, и притомъ его убійство не влечетъ никакого наказанія, если совершено въ исполненіе долга. Судра занимаетъ въ животной іерархіи мѣсто вслѣдъ за слономъ и лошадью. Таково же было положеніе рабовъ въ еврейскомъ, германскомъ, русскомъ и другихъ древнихъ правахъ. Такое же приниженное, беззащитное положеніе было крѣпостныхъ. Наоборотъ, средневѣковые рыцари могли безнаказанно совершать грабежи и убійства. Но и современные кодексы носятъ на себѣ очевидные слѣды классовой розни и заботятся объ охранѣ состоятельныхъ слоевъ болѣе, чѣмъ объ интересахъ, жизни, здоровьѣ, чести рабочихъ классовъ. Авторъ уже цитированной нами статьи изъ «Die Neue Zeit» обвиняетъ криминалистовъ соціологической школы въ томъ, что они, охотно изслѣдуя преступленія истребленія плода и дѣтоубійства, съ довольствомъ отмѣчаютъ, что «человѣческая жизнь охраняется уже въ утробѣ матери», но не задумываются надъ охраной здоровья фабричной работницы, принужденной исполнять тяжелыя и вред-

ныя для здоровья работы въ періодъ беременности, отнимать отъ своей материнской груди ребенка раньше времени, давать ему свое молоко, отравленное занятіями въ нѣкоторыхъ промыслахъ, и продаваться въ кормилицы. Криминалистъ говоритъ о наказуемости торговли «живымъ товаромъ», но не считаетъ преступниками тѣхъ, кто покупаетъ этотъ товаръ и кто вступаетъ въ торговую сдѣлку съ женщиною, выгнанною на улицу нищетой. Криминалистъ говоритъ объ охранѣ здоровья и жизни человѣка и не обращаетъ должнаго вниманія на то печальное явленіе, что на фабрикахъ и заводахъ ежегодно совершается несчастныхъ случаевъ со смертельнымъ исходомъ въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ убійствъ во всей странѣ [1]).

[1]) Сурскій приводитъ интересную таблицу съ числами ежегодныхъ убійствъ и съ числомъ несчастныхъ смертныхъ случаевъ въ Германіи застрахованныхъ рабочихъ.

Годы.	На все населеніе имперіи.		Въ предпріятіяхъ съ введ. страхованіемъ.	
	Число убитыхъ.	На 10 тыс. населенія.	Число убитыхъ.	На 10 тыс. застрахован.
1886	1171	0,2	2716	7,0
1887	1207	0,2	3270	7,7
1888	1148	0,2	3645	6,8
1889	1184	0,2	5185	7,1
1890	1304	0,2	5958	7,3
1891	1293	0,2	6346	7,1
1892	1321	0,2	5811	6,5
1893	1243	0,2	6245	6,9
1894	1307	0,2	6250	6,5
1895	1435	0,2	6335	6,7
1896	1384	0,2	6989	7,1
1897	1339	0,2	7287	7,0
1898	1447	0,2	7848	7,3
1899	1433	0,2	7999	7,2
1900	1472	0,2	8949	7,4
1886—1900	19688	0,2	90833	7,0

«Понять исторію уголовнаго права можно, лишь ставъ на точку зрѣнія классовой борьбы», говоритъ цитируемый нами авторъ, а либеральнымъ криминалистамъ соціологической школы эта точка зрѣнія незнакома; они, какъ и классики, «разсказываютъ старыя сказки» о защитѣ уголовнымъ правомъ *общечеловѣческихъ* интересовъ, интересовъ *всего общества*, въ то время какъ оно защищаетъ лишь благо *господствующихъ классовъ*. «Уголовно-соціологическая школа, какъ и антропологическая, вращается, по мнѣнію Сурскій въ томъ же самомъ кругу понятій, въ которомъ находится презираемая ими классическая школа. При помощи «позитивнаго», «дѣйствительно научнаго метода» они изучаютъ «живого преступника», «т.-е. нарушителя интересовъ, охраняемыхъ тѣмъ или другимъ параграфомъ уголовнаго кодекса. А эти параграфы охраняютъ интересы не всѣхъ гражданъ, какъ, напримѣръ, жизнь и здоровье каждаго, но интересы господствующихъ классовъ, и такимъ образомъ современные криминалисты, піонеры-антропологи и соціологи—не что иное, какъ идеологи капиталистическаго общества».

Эти упреки криминалистовъ соціалистическаго направленія остальнымъ сторонникамъ соціологической школы въ значительной степени справедливы. Вѣрно ихъ указаніе, что интересы различныхъ классовъ не находятъ въ правѣ одинаковой охраны, но преувеличеніемъ является утвержденіе, что дѣйствующіе законы защищаютъ интересы *только* господствующихъ классовъ. Правда, что убійство раба разсматривалось какъ нанесеніе вреда хозяину. Но въ настоящее время рабочіе классы являются такою силою, съ которою приходится считаться и господствующимъ классамъ. Въ странахъ съ представительнымъ образомъ правленія эти рабочіе слои населенія имѣютъ въ парламентахъ своихъ представителей и постепенно добиваются улучшенія своего положенія. Но такъ какъ въ наши дни эти представители обыкновенно составляютъ во всѣхъ парламентахъ меньшинство, то они и не могутъ добиться полнаго уравненія своихъ правъ съ правами другихъ гражданъ, даже въ такихъ важныхъ случаяхъ, какъ охрана жизни и здоровья. Въ видѣ особенно яркаго примѣра можно указать на охрану германскимъ уголовнымъ уложеніемъ жизни и здоровья рабочихъ во время ихъ работы: за нару-

шеніе фабрикантомъ и работодателемъ распоряженій и предписаній правительства, изданныхъ для защиты рабочихъ, приказчиковъ и торговыхъ учениковъ противъ опасности жизни и здоровью, законъ назначаетъ лишь денежный штрафъ до 300 марокъ, но рабочій, ученикъ и вообще служащій въ предпріятіи за сообщеніе другому лицу дѣловыхъ тайнъ и секретовъ предпріятія подлежитъ денежному штрафу до 3.000 марокъ или тюремному заключенію до 1 года. Кромѣ того, въ пользу потерпѣвшаго фабриканта можетъ быть присужденъ денежный штрафъ до 10.000 марокъ. Менгеръ указываетъ, что могущество владѣющихъ классовъ въ нашемъ обществѣ проявляется особенно ярко, когда сравниваютъ наказанія за тяжкія преступленія противъ личности и противъ собственности. Такъ, по германскому уложенію, за легкія раны и удары преслѣдованіе начинается лишь по частной жалобѣ и максимальное наказаніе—3 года тюрьмы или штрафъ до 1.000 марокъ (§ 223 и 233 St. G. B.), а простое воровство, наоборотъ, всегда преслѣдуется ex officio, и наказаніе можетъ достичь 5-лѣтняго тюремнаго заключенія (§ 242 St. G. B.); тяжелыя раны влекутъ наказаніе до 5 лѣтъ каторжной тюрьмы и не ниже 1 года обыкновеннаго тюремнаго заключенія (§ 224 St. G. B.), а квалифицированное воровство—до 10 лѣтъ каторжной тюрьмы и не ниже 3 лѣтъ тюремнаго заключенія [1]).

Менѣе справедливъ другой упрекъ соціалистовъ остальнымъ сторонникамъ соціологической школы въ томъ, что они считаютъ преступленіями лишь тѣ дѣянія, которыя являются преступными по дѣйствующимъ кодексамъ. Въ данномъ случаѣ эти сторонники соціологической школы лишь правильно придерживаются уже давно установившихся опредѣленій въ юриспруденціи. Но это далеко не значитъ, что эти же криминалисты вполнѣ соглашаются съ квалификаціей современными уложеніями тѣхъ или другихъ дѣяній преступными или непреступными. Имъ принадлежитъ заслуга расширенія области науки уголовнаго права прибавленіемъ къ ней новаго отдѣла, «уголовной политики», ставящей своею задачею между прочимъ рѣшеніе вопроса: какія дѣянія должны подлежать уголовной

[1]) *Менгеръ:* „Новое ученіе о государствѣ“.

карѣ и какія не должны. Наконецъ, нѣкоторые криминалисты соціологической школы, не довольствуясь чисто формальнымъ опредѣленіемъ преступленія, пытались дать матеріальное опредѣленіе и выяснить такіе признаки, которые давали бы возможность легко отличать дѣйствительно преступныя дѣянія отъ непреступныхъ [1]). Но, къ сожалѣнію, криминалистическая литература очень мало занимается этимъ вопросомъ, и тотъ отдѣлъ уголовной политики, который Варга называетъ искусствомъ построенія уголовныхъ законовъ и который долженъ бы слѣдить за правильностью квалификаціи дѣяній преступными, представляется совершенно неразработаннымъ. Къ сожалѣнію, мало сдѣлали въ данномъ случаѣ и криминалисты-соціалисты.

Кромѣ указанныхъ выше различій между криминалистами-соціалистами и другими послѣдователями соціологическаго направленія, есть еще одно. Оно относится къ ученію о причинахъ преступности и о средствахъ борьбы съ нею.

Всѣ сторонники соціологической школы считаютъ главными факторами преступности политическое, экономическое и соціальное неустройство государствъ. Соціалисты же, кромѣ того, связываютъ всѣ эти причины преступности съ капиталистическимъ режимомъ современныхъ государствъ, которому они противополагаютъ новый строй, основанный на коллективистическихъ началахъ. Несомнѣнно, что это различіе весьма глубокое, и не выдѣлить криминалистовъ-соціалистовъ изъ общей группы послѣдователей соціологическаго направленія было бы такъ же не вѣрно, какъ было бы ошибочно смѣшивать этихъ представителей крайнихъ «лѣвыхъ» политическихъ партій въ парламентахъ съ консерваторами или либералами. Но такое различіе въ основныхъ принципахъ соціалистическаго «лѣваго» крыла соціологической школы и либеральнаго не исключаетъ возможности ихъ сходства въ рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ при опредѣленіи ближайшихъ причинъ преступности. Такъ, напримѣръ, Листъ описываетъ въ яркихъ краскахъ экономическое, политическое и нравственное

[1]) Такія попытки сдѣлали между прочимъ послѣдователи соціологической школы; см. рус. пер. „Детерминизмъ и вмѣняемость“ *А. Амона*, под. ред. проф. Жижиленко. Спб., 1905 г.

положеніе трудящихся классовъ, ничѣмъ не обезпеченныхъ на старость, на случай болѣзни и увѣчья, страдающихъ отъ безработицы, истрачивающихъ ранѣе времени свои силы, живущихъ въ сквернѣйшихъ жилищахъ, и признаетъ, что такое положеніе рабочихъ есть могучій факторъ преступности. «Экономическое положеніе, благопріятный или неблагопріятный видъ котораго прежде всего теперь принимается въ соображеніе въ вопросѣ о развитіи преступности, *есть общее состояніе рабочихъ классовъ*, ихъ положеніе не только въ финансовомъ, но и въ физическомъ, духовномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Неспособность къ работѣ вслѣдствіе возраста, болѣзни, инвалидности; безработица по своей винѣ или безъ вины; заработная плата и рабочее время, не обезпечивающія ни сохраненія силы, ни дальнѣйшаго развитія индивидуума; устройство помѣщеній, которое губитъ не только здоровье членовъ семьи, но и нравственность ихъ, какъ вслѣдствіе безчинства молодыхъ рабочихъ и работницъ, приходящихъ на ночлегъ, такъ и вслѣдствіе тѣснаго сожитія взрослыхъ дѣтей между собою и съ родителями; условія работы, которыя вмѣстѣ съ семейной жизнью уничтожаютъ важнѣйшее основаніе всего нашего современнаго общественнаго строя,—эти и подобныя имъ другія обстоятельства составляютъ, по моему убѣжденію, важнѣйшую группу неблагопріятно вліяющихъ на преступность факторовъ. Отсюда видно, что спокойная и твердо преслѣдующая свою цѣль поднятія положенія рабочаго класса соціальная политика является въ то же время наилучшей и наиболѣе дѣйствительной уголовной политикой». Съ этими словами Листа, сказанными имъ въ его лекціи «Преступленіе, какъ соціально-патологическое явленіе» (перев. 1904 г., стр. 13), соглашаются и криминалисты-соціалисты. Положеніе рабочаго класса и связь его съ преступностью не разъ привлекали къ себѣ вниманіе Листа, хотя подробно онъ не останавливался на этомъ вопросѣ. Такъ, въ указанной лекціи онъ высказалъ мысль о причинной зависимости между возрастаніемъ числа малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и ростомъ числа юныхъ преступниковъ (стр. 12). Въ этомъ же смыслѣ высказался онъ въ своей лекціи въ Будапештѣ «Strafrecht der Zukunft» (Budapest, 1892, стр. 34) и въ статьѣ «Die Aufga-

ben und Methode der Strafrechtswissenschaft», гдѣ онъ указывалъ на значеніе для преступности жилищнаго вопроса («Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtswis.» B. XX, стр. 171).

Точно такъ же и Принсъ главной причиной преступности считаетъ современную систему распредѣленія богатства съ ея контрастомъ между крайнею нищетою и огромными богатствами, съ концентраціей собственности и капитала въ однѣхъ рукахъ, съ недостатками промышленной организаціи, предоставляющей пролетаріатъ игрѣ одного случая, съ дѣтьми бѣдноты, вырастающими на улицахъ и на «днѣ», куда никогда не проникаетъ лучъ благосостоянія физическаго или моральнаго, съ бюджетомъ рабочаго, равнымъ бюджету арестанта, съ пролетаріатомъ въ первой боевой линіи, гибнущимъ ранѣе другихъ въ борьбѣ съ преступленіемъ и болѣзнями. Послѣдствіями контраста между богатствомъ и пауперизмомъ онъ, въ своей работѣ «Преступность и общество», считаетъ развитіе въ низшихъ слояхъ общества алчности, ненависти и зависти, а въ высшихъ—эгоизма, равнодушія и безнравственности. «Въ низшихъ слояхъ,—говоритъ авторъ,—гдѣ кишатъ несчастные, нарождаются голодные преступники, снѣдаемые отчаяніемъ и ненавистью, создаются алкоголики, всякіе нарушители порядка, бродяги, ненавистники работы и мономаны, дѣйствующіе по указаніямъ своего развинченнаго организма. Здѣсь можно встрѣтить всѣхъ тѣхъ, кто не щадитъ ни чужой собственности, ни жизни, ни чести, ни нравственности, такъ какъ все это блага, не имѣющія для нихъ никакой цѣны, никакого смысла. Наоборотъ, въ высшихъ слояхъ общества можно встрѣтить людей, изнемогающихъ подъ тяжестью своего богатства и могущества, субъектовъ съ разстроенными нервами, вивёровъ и кутилъ, влачащихъ свое безполезное существованіе, съ характеромъ паразитизма,—все типы, подобно неврастеникамъ низшихъ классовъ, несомнѣнно, приближающіеся къ вырождающимся, нравственно помѣшаннымъ и преступникамъ» (ук. соч., стр. 22). Особенное значеніе придаетъ Принсъ труду и, сочувственно цитируя Руссо, Мирабо, Луи Блана и нѣкоторыхъ другихъ, считавшихъ праздность преступленіемъ, полагаетъ, что бездѣльничаніе дѣлаетъ человѣка эгоистичнымъ, подлымъ, жестокимъ и неспособнымъ отличать добро отъ зла (тамъ же, стр. 22).

Къ этимъ взглядамъ Листа и Принса на причины преступности примыкаетъ значительное большинство криминалистовъ соціологической школы, объединившихся въ международный союзъ криминалистовъ, основанный въ 1889 году по иниціативѣ Листа (тогда профессора въ Марбургѣ), Принса и амстердамскаго профессора Ванъ Гамеля. Хотя при своемъ образованіи союзъ и не ставилъ себѣ задачи быть проводникомъ какого-нибудь одного изъ существовавшихъ направленій въ уголовномъ правѣ, однако было признано полезнымъ выработать въ цѣляхъ большей успѣшности научной дѣятельности объединившихъ программу для общей работы членовъ союза. Второй пунктъ составленной программы содержалъ тезисъ, что преступленіе есть продуктъ внутреннихъ причинъ (антропологическихъ) и соціальныхъ. Логическимъ послѣдствіемъ такого признанія было принятіе союзомъ другого тезиса о необходимости бороться съ преступленіемъ мѣрами предупредительнаго характера, путемъ воздѣйствія на причины, вызывающія преступность, т.-е. главнымъ образомъ соціальными реформами. Эти два тезиса, несмотря на первоначальное желаніе основателей союза не замыкаться въ предѣлы какой-нибудь одной доктрины, довольно опредѣленно выяснили отношеніе новаго общества къ юридическому, классическому направленію, на что и было обращено вниманіе нѣкоторыми криминалистами, отказавшимися вступить въ число членовъ союза. Одни изъ нихъ упрекали союзъ въ игнорированіи принциповъ юридической школы, другіе нашли, что положенія международнаго союза криминалистовъ ведутъ къ соціалистическому строю и обременяютъ государство невозможными задачами. Недовольство программою замѣчалось и въ средѣ самихъ членовъ союза, и уже на восьмой годъ своего существованія союзъ сдѣлалъ въ своемъ статутѣ, по предложенію Листа, нѣкоторыя измѣненія. Эти измѣненія состояли въ сокращеніи программы: было исключено изъ нея нѣсколько тезисовъ, относившихся къ вопросамъ наказанія и классификаціи преступниковъ, и добавлено, что преступность и средства борьбы съ нею должны быть разсматриваемы столько же съ антропологической и соціологической стороны, сколько съ юридической. Такимъ образомъ, въ программѣ какъ будто была сдѣлана нѣкоторая уступка юри-

дическо-классической школѣ. Справедливость требуетъ признать, что союзъ не исполнилъ своей программы, такъ какъ юридическому изученію преступленія онъ удѣлилъ значительно болѣе вниманія, чѣмъ соціологическому [1]). Особенно мало вниманія было удѣлено вопросу о соціальныхъ причинахъ преступности. Это послѣднее обстоятельство было признано и самимъ проф. Листомъ на с.-петербургскомъ конгрессѣ союза. Впрочемъ, указанія на это были сдѣланы еще и ранѣе: на лиссабонскій съѣздъ былъ представленъ Вейнрихомъ проектъ раздѣленія союза на три секціи, съ тѣмъ, чтобы вторая изъ этихъ секцій—«соціальная и политическая» или «секція соціальныхъ реформъ»—взяла на себя спеціальную задачу соціологическаго изученія преступности и средствъ борьбы съ нею. Но это дѣленіе не было принято.

Если вопросъ о причинахъ преступности не встрѣтилъ себѣ должнаго вниманія въ трудахъ союза, то не болѣе посчастливилось и другому вопросу о тѣхъ общественныхъ реформахъ, которыя, по собственному признанію отдѣльныхъ членовъ союза и согласно его программы, являются могущественными средствами въ борьбѣ съ преступностью. Эти вопросы о реформахъ затрогиваются лишь въ работахъ нѣкоторыхъ членовъ союза и притомъ только попутно. И хотя за эти короткія, мимоходомъ брошенныя замѣчанія главнымъ образомъ Листа и Принса и было возведено на союзъ обвиненіе въ стремленіи къ соціалистическому строю, но тѣмъ не менѣе и въ данномъ случаѣ въ вопросѣ о реформахъ различіе между соціалистиче-

---

[1]) Въ программу международныхъ съѣздовъ союза почти не было включаемо вопросовъ, относящихся къ ученію о факторахъ преступности. Лишь на лиссабонскомъ конгрессѣ въ 1897 г. былъ непосредственно затронутъ вопросъ о факторахъ преступности рѣчью *Рене Вормса:* „L'école et le crime", и въ 1902 году на с.-петербургскомъ конгрессѣ была произнесена рѣчь *Листомъ*: „Les facteurs sociaux de la criminalité". Программные же вопросы въ большинствѣ случаевъ стояли, по выраженію самого Листа, на нейтральной почвѣ; таковы были вопросы: „о краткосрочномъ заключеніи", „о денежныхъ штрафахъ", „о вознагражденіи потерпѣвшимъ отъ преступленія", „объ организаціи статистики рецидива", „какимъ образомъ возможно достичь при лишеніи свободы, особенно краткосрочномъ, наибольшихъ результатовъ", „о нарушеніяхъ, ихъ опредѣленіи и репрессіи", „о ссылкѣ", „о вліяніи старческаго возраста на уголовную отвѣтственность" и др.

скимъ направленіемъ въ уголовномъ правѣ и тѣмъ, котораго придерживается союзъ, а въ частности Принсъ и Листъ, очень существенно: первые говорятъ о радикальной ломкѣ всего существующаго капиталистическаго строя и о замѣнѣ его новымъ, въ которомъ не должно быть «ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни работодателей, ни голодныхъ», а вторые ограничиваютъ свои предложенія болѣе или менѣе скромными реформами, безъ мысли о ломкѣ существующаго строя, но съ желаніемъ облегченія его тягостей для тѣхъ слоевъ населенія, которые отъ этихъ тягостей особенно сильно страдаютъ. Криминалисты-соціалисты утверждаютъ, что установленіе экономическаго равенства, соціализація средствъ производства приведутъ почти къ полному уничтоженію преступности. Такъ, Феличе («Principii di sociologia criminale». Milano, 1902, въ главѣ Il socialismo e la delinquenza) набрасываетъ картину современнаго строя и противополагаетъ ему соціализацію производства, которая приведетъ къ побѣдѣ надъ преступностью: съ уничтоженіемъ рабства, говоритъ авторъ, исчезли преступленія, бывшія общераспространенными: поврежденіе чужой собственности изъ одной страсти къ разрушенію, сцены кровавой жестокости, безпрестанныя возстанія—всѣ тѣ послѣдствія низкаго моральнаго уровня, который позволялъ господину бить и убивать рабовъ; французская революція, провозгласивъ равенство всѣхъ передъ закономъ, нанесла ударъ старому феодальному рабству, и вмѣстѣ съ нимъ исчезли преступленія этого соціальнаго строя, построеннаго болѣе на мечѣ сильнаго, чѣмъ на правѣ человѣческаго рода; современный соціализмъ ведетъ войну съ наиболѣе сильными причинами преступности. Точно такъ же и Ферри полагаетъ, что съ установленіемъ коллективистическаго строя исчезнутъ преступленія, которыя вызываются теперь вырожденіемъ на почвѣ бѣдности и лихорадочной борьбой за богатство, но останутся острыя формы преступности, связанныя съ личнымъ патологическимъ состояніемъ.

Но нѣкоторые противники указаннаго направленія не только не соглашаются съ этимъ положеніемъ Турати и его политическихъ и научныхъ единомышленниковъ, но утверждаютъ, что соціализмъ самъ является могущественнымъ факторомъ преступности. Такъ, Евгеній Ростанъ въ

своей брошюрѣ «Преступность и соціализмъ» говоритъ объ отрицательномъ значеніи соціализма, какъ средства борьбы съ преступленіями, и находитъ, что оспариваемая имъ доктрина приводитъ къ увеличенію преступности, такъ какъ въ школѣ, при воспитаніи дѣтей, она отказывается отъ принциповъ религіозной морали; въ прессѣ распространяетъ противообщественные софизмы противъ частной свободы и собственности и противъ другихъ истинъ, являющихся цементомъ цивилизованныхъ обществъ; въ области репрессіи отвергаетъ личную отвѣтственность; она колеблетъ весь общественный порядокъ, возбуждая антагонизмъ классовъ и отвергая всякіе авторитеты; отрицаніемъ загробной жизни она отнимаетъ у бѣдныхъ людей надежду на будущее блаженство и толкаетъ ихъ къ преступленію» [1]).

На эти обвиненія криминалисты соціалистическаго крыла соціологической школы отвѣчаютъ цифрами. Для выясненія вопроса о соотношеніи роста соціализма и преступности Колаяни (Calajanni) обратился къ статистикѣ Италіи и Германіи и сравнилъ число преступленій по различнымъ избирательнымъ округамъ съ числомъ поданныхъ голосовъ за депутатовъ-соціалистовъ и консерваторовъ. Колаяни признаетъ, что его методъ имѣетъ нѣкоторые недостатки, а именно: 1) соціалистическая пропаганда распространяется между мужчинами и женщинами и несовершеннолѣтними, но женщины и несовершеннолѣтніе не имѣютъ избирательнаго голоса; 2) не всѣ совершеннолѣтніе мужчины имѣютъ избирательное право; 3) не всѣ записанные избиратели пользуются своимъ правомъ (на выборахъ 1900 года въ Италіи голосовало 58,3%, а въ Германіи—68,1% въ 1898 году); 4) наоборотъ, вся масса населенія—мужчины, женщины, дѣти, грамотные, неграмотные, богатые, бѣдные—участвуетъ въ совершеніи преступленій; 5) въ Италіи существуетъ союзъ народныхъ партій (unione dei partiti popolari), и случается, что республиканцы и демократы даютъ свои голоса соціалистамъ, а эти—республиканцамъ и демократамъ. Несмотря на эти недостатки избраннаго ме-

[1]) *Eugène Rostand.* Paris. „Publications du Comité de défense et de progrès social", № 13, стр. 15—16. Также *Prinzing*: „Der Einfluss der Ehe auf die Kriminalität des Mannes". „Zeitschr. f. Sozialwissenschaft", 1899, стр. 121.

тода, число голосовъ, поданныхъ за соціалистическихъ депутатовъ, все же служитъ показателемъ степени распространенности соціалистической доктрины въ томъ или другомъ избирательномъ округѣ. За основаніе своей работы Колаянни беретъ цифры преступности въ Италіи за 1896—1898 гг. и число голосовъ, поданныхъ за соціалистическихъ депутатовъ при общихъ выборахъ въ 1900 году [1]). Слѣдующая таблица показываетъ число принимавшихъ участіе въ выборахъ и число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ.

Таблица I.

Общіе выборы 1900 г.			
Округа.	Голосовало всего.	Число голосовъ за соціалистовъ.	% отнош. голосовъ за соціал.
Пьемонтъ	202381	43811	21,64
Лигурія	52152	10619	20,54
Ломбардія	192036	34954	18,20
Венеція	111743	12079	10,80
Эмилія и Романья . . .	99264	26306	26,60
Маркъ	39413	2609	6,59
Умбрія	26016	1885	7,24
Тоскана	115485	18654	16,15
Лаціумъ	37973	1937	5,10
Абруцци и Молизе . . .	50479	1019	2,01
Компанья	107934	6375	5,90
Пулія	71295	2034	2,84
Базиликата	14308	72	0,00
Калабрія	42284	200	0,40
Сицилія	86510	2209	2,66
Сардинія	19788	183	0,90
Вся Италія	1269061	164946	8,26

[1]) *Colajanni*: „Socialismo e Criminalità“. „Rivisto Populare di politica, letterè e scienze sociali“. Napoli № 1, 2, 4, 8. См. также „Sociol. crim.“ т. II „fattori sociali“ и докладъ его амстердамскому конгрессу уголовной антропологіи о соотношеніи преступности и соціализма.

Слѣдующая таблица показываетъ среднее ежегодное число различныхъ преступленій, приходившихся въ періодъ 1896—1898 гг. на каждую сотню тысячъ жителей въ Италіи. Колаянни приводитъ здѣсь цифры насилій и сопротивленій властямъ, убійствъ, поврежденія здоровья, грабежа, кражъ, мошенничествъ и преступленій противъ нравственности [1]).

Таблица II.

Среднее ежегодное число преступленій въ Италіи въ періодъ 1896—1898 на 100.000 жителей.

Округа.	Насилія сопротивленія властямъ.	Противъ нравственности.	Убійство.	Поврежденіе здоровья.	Грабежъ и др.	Кражи.	Обманъ и мошенничество.
Пьемонтъ	24,81	9,70	5,35	126,67	6,99	253,65	44,97
Лигурія	50,22	16,56	7,64	193,29	7,64	397,21	87,80
Ломбардія	27,41	11,35	2,93	135,37	5,19	307,89	69,33
Венеція	30,07	9,36	2,74	115,35	3,29	273,59	43,37
Тоскана	43,37	11,90	5,71	162,32	9,69	306,89	56,15
Эмилія	34,92	9,48	4,96	115,74	7,79	342,48	48,24
Маркъ и Умбрія .	45,34	11,56	8,52	252,96	5,31	357,11	47,42
Лаціумъ	122,05	25,89	13,92	457,05	16,16	776,87	172,46
Компанья и Молизе	77,24	36,17	24,23	497,41	15,87	447,97	98,52
Базиликата . . .	39,22	29,37	16,78	401,50	6,93	538,13	49,62
Абруцци	68,31	33,90	17,40	515,62	5,17	662,97	54,39
Пулія	66,18	43,67	15,43	448,60	6,78	522,54	79,77
Калабрія	66,07	43,89	19,87	598,80	9,30	563,02	73,81
Сицилія	58,37	45,83	28,38	366,42	29,77	495,05	96,37
Сардинія	81,99	22,88	27,31	275,98	25,92	1067,84	188,05
Вся Италія . . .	50,19	22,87	12,38	277,20	10,91	416,23	73,58

[1]) Итальянская уголовная статистика сообщаетъ числа поступившихъ донесеній о преступленіяхъ (reati denunciati).

На основаніи этихъ двухъ таблицъ Колаянни составляетъ третью сводную, выясняющую степень преступности въ различныхъ округахъ и развитіе въ нихъ соціализма.

Таблица III.

Мѣсто, занимаемое округами Италіи по степени распространенія соціализма и преступности.

Округа.	Соціализмъ.	Насилія сопротивленія власти.	Противъ нравствен.	Убійства.	Поврежденіе здоровья.	Грабежъ.	Кражи.	Обманъ и мошенничество.
Эмилія и Романья . . .	I	IV	II	III	II	IX	V	IV
Пьемонтъ	II	I	III	IV	III	VII	I	II
Лигурія	III	VIII	VII	VI	VI	VIII	VII	XI
Ломбардія	IV	II	IV	II	IV	II	IV	VIII
Тоскана	V	VII	VI	V	V	XI	III	VII
Венеція	VI	III	I	I	I	I	II	I
Умбрія и Маркъ . . .	VII	VI	V	VII	VII	III	VI	III
Компанья	VIII	XIII	XII	XIII	XIII	XII	VIII	XIII
Лаціумъ	IX	XV	IX	VIII	XII	XIII	XIV	XIV
Пулія	X	XI	XIII	XI	XI	V	X	XX
Сицилія	XI	IX	XV	XV	IX	XV	IX	XII
Абруцци и Молизе . .	XII	XII	XI	XI	XIV	IV	XIII	VI
Сардинія	XIII	XIV	VIII	XIV	XIII	XIV	XV	XV
Калабрія	XIV	X	XIV	XII	XV	X	XII	IX
Базиликата	XV	V	X	X	X	VI	XI	V

Въ этой таблицѣ округа расположены въ порядкѣ постепенности по числу голосовъ, поданныхъ за соціалистическихъ депутатовъ, при чемъ въ первой графѣ цифрой I обозначенъ округъ Эмилія и Романья съ наибольшимъ числомъ соціалистическихъ голосовъ, а цифрой XV—округъ Базиликата съ наименьшимъ числомъ. Въ слѣдующихъ графахъ наибольшая преступность обозначена цифрой XV, а наименьшая—I. Разсматривая строки этой таблицы въ горизонтальномъ направленіи, Колаянни находитъ, что о вліяніи соціализма на увеличеніе преступности не можетъ быть рѣчи, что его таблицы скорѣе доказываютъ обратное соотношеніе между соціалистической пропагандой и преступностью. Такъ, округъ Венеція, занимающій шестое мѣсто по числу голосовъ, поданныхъ за соціалистическаго депутата, занимаетъ послѣднее мѣсто по числу убійствъ, поврежденій здоровья, грабежей, обмановъ, мошенничествъ и преступленій противъ нравственности, предпослѣднее мѣсто по числу кражъ и третье отъ конца по числу насилій и сопротивленій властямъ; округъ Базиликата, занимающій послѣднее мѣсто по степени развитія въ немъ соціализма, отличается высокою преступностью (V мѣсто въ двухъ случаяхъ, X—въ трехъ, XI и VI). Соціалистическіе округа Эмилія и Романья, Пьемонтъ и Ломбардія отличаются слабою преступностью. Такъ, Эмилія и Романья — первый округъ по числу соціалистическихъ голосовъ — въ двухъ случаяхъ занимаетъ по числу преступленій предпослѣднее мѣсто, въ двухъ—четвертое, въ одномъ—третье, пятое и девятое отъ конца. Но соціалистическій округъ Лигурія (III мѣсто) занимаетъ по преступности среднее мѣсто.

Авторъ разсматриваетъ затѣмъ преступность Италіи по провинціямъ. Онъ раздѣляетъ ихъ на двѣ группы: въ первую входятъ тѣ, гдѣ за соціалистовъ было подано значительное число голосовъ, а во вторую—такія, гдѣ число соціалистическихъ голосовъ было ничтожно. Опредѣливъ среднее число убійствъ (12,38 на 100.000 жителей), преступленій противъ нравственности (22,87), кражъ, грабежей и другихъ преступленій противъ собственности (500), Колаянни устанавливаетъ, что изъ 23 соціалистическихъ провинцій преступность противъ нравственности выше средней лишь въ одной, противъ собственности—лишь въ трехъ и ни въ одной изъ нихъ число убійствъ не превышаетъ средняго размѣра.

Наоборотъ, изъ двадцати трехъ провинцій съ наименьшимъ числомъ соціалистическихъ голосовъ преступность противъ нравственности выше средней въ пятнадцати, противъ собственности — также въ пятнадцати и по числу убійствъ—тоже въ пятнадцати провинціяхъ.

Такіе результаты изслѣдованія соотношенія соціализма и преступности очевидно опровергаютъ теорію Ростана о вліяніи соціализма на ростъ преступности [1]). Мы остановились на противоположныхъ взглядахъ Ростана и Колаянни, чтобы ярче подчеркнуть отличительныя черты ученія лѣваго соціалистическаго крыла соціологической школы о факторахъ преступности. Но мы также указали выше, что это глубокое различіе во взглядахъ криминалистовъ-соціалистовъ и другихъ сторонниковъ соціологическаго направленія на основную причину преступности и средство поборотъ ее не исключаетъ возможности въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинаковаго разрѣшенія тѣми и другими вопросовъ о ближайшихъ факторахъ преступныхъ дѣяній. Къ опредѣленію этихъ причинъ преступности мы и должны перейти теперь.

ГЛАВА V.

Факторы преступности.

Однимъ изъ наиболѣе обстоятельныхъ трудовъ, посвященныхъ выясненію значенія соціальныхъ факторовъ преступности, является двухтомная работа уже цитированнаго нами ранѣе профессора неаполитанскаго университета и депутата итальянскаго парламента Колаянни: «Уголовная соціологія» (Colajanni, «Sociologia Criminale»), вышед-

[1]) Вопросъ о значеніи соціализма и клерикализма былъ также затронутъ въ бельгійской палатѣ депутатовъ вождями соціалистической и клерикальной партіи—Вандервельдомъ и Вустомъ. Вустъ указывалъ на недостаточность религіознаго воспитанія, какъ на главную причину преступности. Вандервельдъ находилъ, что число преступленій и проступковъ достигаетъ максимума въ католической Фландріи и минимума въ провинціяхъ, гдѣ преобладаютъ свободомыслящіе и соціалисты: „это зависитъ,—говорилъ Вандервельдъ,—отъ того, что въ провинціяхъ Генау, Намюрѣ и Льежѣ матеріальное положеніе жителей лучше, а экономическія условія благопріятнѣе и заработная плата выше". „Annales parlementaires. Chamb. des représentants", стр. 2263, засѣданіе 24 іюля 1895 г.

шая въ свѣтъ черезъ пять лѣтъ послѣ работы Турати и не безъ основанія привлекшая къ себѣ вниманіе криминалистовъ.

По своему научному и политическому направленію Колаянни близко примыкаетъ къ направленію Турати, и его работа является попыткой доказать преобладающее, если не исключительное, значеніе современнаго капиталистическаго строя, какъ фактора преступности.

Изъ двухъ томовъ «Уголовной соціологіи» наибольшее значеніе представляетъ второй томъ, гдѣ авторъ разсматриваетъ вліяніе различныхъ факторовъ на преступность. Первый томъ, посвященный критикѣ уголовно-антропологической школы, имѣетъ для насъ второстепенное значеніе, но мы должны будемъ остановиться на тѣхъ его главахъ, гдѣ авторъ, при критикѣ ученія Ломброзо, высказываетъ свои основные взгляды на преступленіе и на его причины.

Криминалистъ-соціологъ признаетъ, какъ и уголовно-антропологическая школа, совершенно необходимымъ изслѣдованіе вопросовъ, относящихся къ самому преступнику: существуютъ ли какія-нибудь индивидуальныя особенности, предрасполагающія къ преступленію, правда ли, что существуетъ типъ преступника, какъ разновидности человѣческаго рода,—вотъ вопросы, которые, на ряду съ подобными же другими, даютъ содержаніе наукѣ уголовной антропологіи.

Колаянни разсматриваетъ соотношеніе между: 1) физической стороной и нравственной, 2) органами и ихъ функціонированіемъ и 3) особенно между строеніемъ черепа, умственнымъ развитіемъ и моралью.

Подробное антропологo-критическое изслѣдованіе этихъ вопросовъ, стоящее за предѣлами задачъ нашей работы, приводитъ автора къ выводу, что основныя положенія уголовно-антропологической школы еще далеко не установлены и не доказаны, что Ломброзо слишкомъ поторопился сдѣлать окончательныя заключенія тамъ, гдѣ мы могли лишь сказать—не знаемъ. «Настоящій и здоровый позитивизмъ,—говоритъ Колаянни, заканчивая критику этихъ положеній Ломброзо,—долженъ итти осторожно и особенно не гнаться за выводами и не спѣшить давать во что бы то ни стало гипотезы».

Разсмотрѣніе характерныхъ, по ученію уголовно-антро-

пологической школы, особенностей преступника и противорѣчія, къ которымъ пришли въ этихъ вопросахъ послѣдователи Ломброзо и которые уже не разъ были отмѣчены многими его критиками, даютъ Колаянни право сказать, что характеръ преступника имѣетъ довольно относительное, почти ничтожное значеніе, если не пытаются опредѣлить и объяснить предрасположеніе къ преступности соціальными факторами, къ которымъ почти всѣ сторонники антропологической школы «и особенно Гарофало питаютъ такое большое презрѣніе».

При изслѣдованіи этихъ особенностей Колаянни указываетъ на ошибочность методовъ уголовно-позитивной школы, не изучившей нормальнаго честнаго человѣка и упустившей изъ вниманія соціальную среду. Самъ Колаянни постоянно пользуется каждымъ случаемъ, чтобы оттѣнить значеніе соціальныхъ условій въ образованіи особенностей преступника. Не останавливаясь на подробностяхъ антропологической критики Колаянни, мы отмѣтимъ лишь основную черту его доктрины—выясненіе громаднаго значенія общественной среды. Когда уголовно-антропологи указываютъ на блѣдный цвѣтъ лица, какъ на особенность преступника, онъ напоминаетъ о дурномъ питаніи низшихъ слоевъ населенія, откуда выходятъ преступники, о жилищахъ, лишенныхъ солнечнаго свѣта, гдѣ ютится бѣдность, о тюрьмѣ, гдѣ ему самому пришлось послѣ девятимѣсячнаго заключенія (по политическому процессу) испытать превращеніе цвѣтущаго вида своего лица въ землисто-желтый. Когда Ломброзо и др. указываютъ на особенности роста и вѣса преступниковъ, Колаянни выдвигаетъ вліяніе и здѣсь тяжелыхъ соціальныхъ условій. Когда Ломброзо видитъ въ особомъ языкѣ преступниковъ проявленіе атавизма, Колаянни объясняетъ это принадлежностью преступниковъ къ одной профессіи—преступной—и необходимостью обезопасить себя отъ преслѣдованій судебной власти.

На утвержденіе уголовно-позитивной школы, что преступники отличаются нечувствительностью къ боли, Колаянни отвѣчаетъ указаніемъ на такую же терпѣливость къ боли всѣхъ классовъ, живущихъ ручнымъ трудомъ. Кто не знаетъ, спрашиваетъ авторъ, громадной разницы въ перенесеніи родовыхъ мукъ женщиною изъ простонаро-

дія и изъ высшихъ классовъ общества. Нечувствительность къ физической боли часто находится въ прямомъ соотношеніи съ родомъ жизни человѣка: женщина изъ простонародія приступаетъ къ домашнимъ работамъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ родовъ, а женщины изъ состоятельныхъ классовъ остаются по 8 дней въ постели и поправляются медленно; точно такъ же доктора, производящіе операціи, знаютъ, съ какою терпѣливостью переноситъ страданія рабочій и съ какою болѣзненностью—люди другихъ классовъ.

Условіями жизни объясняетъ Колаяни нечувствительность преступниковъ къ страданію другихъ: «она развивается у врачей, у служителей больницъ и анатомическихъ театровъ, у мясниковъ; сначала имъ приходится бороться съ чувствомъ, возбужденнымъ въ нихъ зрѣлищемъ, но оно постепенно, по мѣрѣ занятій той же профессіей, пропадаетъ; преступникъ, вредящій своему ближнему, также привыкаетъ къ виду страданія. Кромѣ того, чувство сострадапія находится въ связи со степенью умственнаго развитія индивида.

Чувство мстительности—также не исключительно принадлежащее преступнику качество: оно, такъ же какъ и чувство сострадапія, находится въ связи съ общимъ состояніемъ культуры народа; вотъ почему мы находимъ наибольшее развитіе мести у жителей Корсики, Сардиніи, Калабріи, Албаніи и пр.

Что касается страсти къ спиртнымъ напиткамъ, къ разврату, игрѣ, то сами уголовно-антропологи признали наибольшее развитіе этихъ пороковъ среди городскихъ преступниковъ, т.-е. тѣмъ самымъ признали не врожденность этихъ пороковъ, но пріобрѣтеніе ихъ въ силу соціальныхъ условій городской жизни.

Ломброзо приписываетъ преступнику особую страсть къ животнымъ. Но онъ забываетъ, что такую же любовь обнаруживаютъ къ птицамъ, обезьянамъ, собакамъ и кошкамъ монахи и итальянскіе солдаты; «причина этой привязанности къ животнымъ—одна и общая какъ у честныхъ людей, такъ и у преступниковъ: одиночество, недостатокъ семьи и общественныхъ отношеній» [1]).

[1]) Объясненіе любви преступниковъ къ животнымъ исключительно условіями тюремной жизни см. у *Н. Соколовскаго* въ его очеркахъ

Преступныя сообщества, «каморра» и «маффія», объясняемыя Ломброзо какъ результатъ врожденнаго преступникамъ стремленія къ преступному единенію, находятъ у Колаянни объясненіе условіями соціальной среды: тождественностью интересовъ, хотя бы и преступныхъ, и необходимостью болѣе успѣшной борьбы съ полицейскою и судебною властями.

Palimsesti—знаменитыя надписи на тюремныхъ стѣнахъ—также не составляютъ, по словамъ Колаянни, исключительной особенности преступниковъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно посмотрѣть на школьныя скамьи, университетскія парты и на стѣны памятниковъ: тамъ найдется такое множество надписей и притомъ столь странныхъ, что на основаніи ихъ пришлось бы весь міръ засадить въ домъ сумасшедшихъ: онѣ—продуктъ или бездѣйствія, или одиночества, и представляютъ лишь капризныя развлеченія ума въ различные моменты жизни [1]).

Бо́льшая склонность къ самоубійству у преступниковъ проистекаетъ не изъ какихъ-либо ихъ особенностей, только имъ присущихъ, но по той же причинѣ, по какой самоубійство распространено въ войскахъ,—вслѣдствіе недовольства образомъ жизни.

Какъ извѣстно, Ломброзо и его послѣдователи придаютъ громадное значеніе существованію у преступника особой физіономіи; Колаянни же объясняетъ эту особенность преступника образомъ его жизни.

Вообще ученіе о внѣшнихъ особенностяхъ преступника представляется Колаянни полнымъ противорѣчій какъ съ количественной стороны, такъ и съ качественной. Подъ противорѣчіями количественными авторъ подразумѣваетъ ту различную степень распространенности преступныхъ признаковъ, которую нашли антропологи, а подъ качественными противорѣчіями—разногласія этихъ ученыхъ въ во-

---

одиночнаго заключенія: „Изъ старыхъ воспоминаній и наблюденій“, стр. 210, „На славномъ посту“.

[1]) *Colajanni:* ibid., стр. 231—232. Можно видѣть подтвержденіе этому объясненію Колаянни въ самомъ характерѣ многихъ изъ надписей. Такъ, на стѣнахъ одной одиночной тюрьмы читаемъ: „21.000 разъ я обходилъ свою камеру въ теченіе недѣли“; „въ этой комнатѣ 3.330 камней“, или „въ этой комнатѣ 131 черныхъ и 150 красныхъ кирпичей“ и т. п. См. также *Гавеллокъ Эллисъ:* „Преступникъ“. Перев., 133 стр., также *Lombroso:* „Les palimpsestes des prisons“. Lyon, 1894.

просѣ о томъ, какіе признаки отличаютъ преступнаго человѣка отъ непреступнаго [1]).

Не придя къ рѣшенію вопроса, каковы характерныя черты, отличающія преступнаго человѣка отъ честнаго, уголовно-антропологическая школа поспѣшила опредѣлить различные типы преступниковъ, соотвѣтствующіе различнымъ формамъ преступности. Но типъ—явленіе устойчивое. Между тѣмъ значительная часть преступниковъ начинаетъ съ воровства, а кончаетъ убійствомъ [2]).

Если существуетъ типъ преступника, то объясненіе этому надо искать не въ атавизмѣ, *но во вліяніи соціальной среды*, въ воздѣйствіи на человѣка цѣлаго ряда условій, окружающихъ его со дня рожденія и во время его дѣтства, юношества и послѣ. Среда создаетъ типы моряка, крестьянина, горца и др., и профессія вырабатываетъ характерныя черты въ людяхъ, дающія намъ возможность распознать артиста, ученаго, священника и преступника. Типъ профессіональный—по удачному выраженію Тарда—интернаціональный типъ. Таковъ типъ преступника. Такъ

---

[1]) Что касается количественныхъ противорѣчій, то, напримѣръ, надбровныя дуги и лобныя пазухи выдаются у преступниковъ, по Ломброзо, въ 66,9 случаяхъ на 100, по Бардье—въ 60, по Егеру и Дальеманю—въ 13, а по Бенедикту, Тенкату, Павловскому, Флешу—0. Аномаліи въ развитіи зуба мудрости: Ломброзо—57%, Ленносекъ—8% и всѣ остальные—0. Частичное или полное сращеніе швовъ: по Ломброзо—37%, Бенедикту—53,8%, Тенкату и Павловскому—3,7%, Корре—22,2.

То же самое противорѣчіе видитъ авторъ и въ качественномъ отношеніи. Такъ, Ломброзо считаетъ распространенною особенностью преступниковъ ассиметрію черепа, но Топинаръ считаетъ ее нормальнымъ для человѣка явленіемъ; Марро считаетъ болѣе сильною рукою у преступниковъ правую, а Уарнотъ—лѣвую; Томсонъ и Вергилій опредѣляютъ вѣсъ преступника ниже средняго, а Ломброзо и Марро—выше и пр. (*Colajanni*: назв. соч., стр. 250—255).

[2]) По ученію Гарофало, понятіе естественнаго преступленія характеризуется отсутствіемъ чувства сострадавія (преступленія противъ личности) или справедливости (преступленія противъ собственности). Казалось бы, говоритъ Колаянни, что и типовъ преступниковъ должно быть два. Но Марро насчитываетъ ихъ одиннадцать и выдѣляетъ три группы характеровъ: 1) атавистическій характеръ (убійцы, насильники, разбойники и воры, прибѣгающіе къ взлому); 2) характеры атипическіе (atipici) поджигателей, и 3) характеры патологическіе (у преступниковъ, обвиняемыхъ въ нанесеніи ранъ, мошенниковъ, биржевыхъ игроковъ, домашнихъ воровъ и праздношатающихся). (*Colajanni*, назв. соч., стр. 260).

какъ преступники живутъ всѣ подъ вліяніемъ одного и того же режима, принужденные притворяться, лгать, переходить отъ насилія къ униженію, жить въ бѣдности, развратѣ и лукавствѣ, то ихъ физіономіи, привычки и нравственный характеръ становятся одинаковыми. Соціальнымъ факторамъ въ самомъ широкомъ и точномъ смыслѣ слова обязанъ своимъ происхожденіемъ этотъ профессіональный типъ преступника.

Авторъ останавливается на интересномъ сопоставленіи итальянскихъ провинцій по распространенію въ нихъ преступности и вырожденія. Онъ беретъ цифры убійствъ, преступленій противъ нравственности, семейнаго порядка и противъ собственности на 100.000 жителей въ каждой провинціи. Эти цифры онъ сопоставляетъ съ цифрами непринятыхъ на военную службу по тѣмъ же провинціямъ вслѣдствіе болѣзненности и различныхъ недостатковъ [1]).

[1]) Наибольшее число непринятыхъ на службу было въ Brescia—27%, Sondrio—26,95, Firenze—22,31, Bergamo — 22,14, Livorno—20,47, Ferrara — 20,48, Como — 19,61, Montova — 18,70, Padova—18,50, Pavia—18,17. Наименьшее число непринятыхъ въ Treviso 8,98%, Avellino—9,32, Trapani—9,90, Ravenna—9,92, Girgenti—10,08, Rovigo—10,38, Caltanissetta—10,52, Lucca—10,80, Cosenza—10,85. Среди первыхъ десяти провинцій наибольшее число всѣхъ преступленій въ Livorno (1906 на 100.000), тамъ же наибольшее число преступленій противъ нравственности и противъ собственности (712). Въ Ferrara и Montova—maximum преступленій противъ собственности (679 и 542). Но только въ этихъ 3 провинціяхъ изъ первыхъ десяти наблюдается такое прямое соотношеніе между преступностью и числомъ непринятыхъ на службу. Наоборотъ, въ остальныхъ семи преступность развита наименѣе: такъ, въ Bergamo (603), Sondrio (565), Como (549), Pavia (532)—наименьшее число преступленій. Въ слѣдующихъ провинціяхъ было наименьшее число непринятыхъ на военную службу, но высокая преступность: въ Avellino—maximum всѣхъ преступленій (1519), въ Caltanisetta—maximum преступленій противъ добрыхъ нравовъ (31,53), противъ жизни (46,02), противъ собственности (525); въ Girgenti—наибольшое число убійствъ (70,79), въ Cosenza и Treponi—maximum убійствъ (38,12 и 40,21), въ Treviso—maximum преступленій противъ собственности (1035).

Въ итогѣ Колаянни находитъ параллельныя теченія преступности и вырожденія въ 4 провинціяхъ (Livorno, Ferrara и Montova—высшее число непринятыхъ на службу и преступности, а въ Lucca—minimum того и другого); въ десяти провинціяхъ соотношеніе между преступностью и вырожденіемъ обратное; maximum непринятыхъ на военную службу и minimum преступности въ Bergamo, Sondrio, Como, Pavio; наименьшее число забракованныхъ и наивысшее преступности въ Avellino, Coltanissetta, Girgenti, Traponi, Cosenza и Treviso.

Сопоставленіе указанныхъ цифръ приводитъ автора къ выводу, что преступность и вырожденіе находятся въ Италіи въ обратномъ соотношеніи; утверждать, что преступность—явленіе вырожденія, такъ же невѣрно, какъ было бы странно заявлять, что въ Италіи «въ настоящій моментъ физическое здоровье и лучшее органическое строеніе—самыя дѣйствительныя причины преступности и, наоборотъ, вырожденіе составляетъ лучшее условіе нравственнаго совершенствованія».

Разсмотрѣвъ ученіе Ломброзо объ особенностяхъ преступника и частью отвергнувъ наличность этихъ особенностей, а частью объяснивъ ихъ вліяніемъ соціальной среды, Колаянни посвящаетъ второй томъ своей «Sociologia criminale» разсмотрѣнію вліянія на преступность антропологическихъ, физическихъ и соціальныхъ факторовъ. Вѣрный своей точкѣ зрѣнія, выясненной нами выше, Колаянни послѣдовательно проводитъ ее и въ этой части своего труда и, отвергая рѣшающее значеніе антропологическихъ и физическихъ причинъ преступности, настаиваетъ на почти исключительномъ вліяніи факторовъ соціальнаго порядка.

Изъ факторовъ антропологическихъ авторъ останавливается на значеніи возраста, пола, гражданскаго состоянія, наслѣдственности и расы; изъ физическихъ причинъ онъ изучаетъ вліяніе климата и колебаній температуры и затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію соціальныхъ факторовъ. Выдѣляя изъ группы соціальныхъ факторовъ причины экономическія, Колаянни изучаетъ вліяніе послѣднихъ на различныя преступленія.

Къ разсмотрѣнію антропологическихъ и физическихъ факторовъ Колаянни обращается лишь для того, чтобы показать, насколько ошибочно преувеличено изслѣдователями значеніе этихъ факторовъ въ ущербъ дѣйствительному вліянію факторовъ соціальнаго порядка. Прежде чѣмъ перейти къ той части работы Колаянни, гдѣ онъ говоритъ о значеніи соціальныхъ и среди нихъ особенно экономическихъ причинъ, мы остановимся на критикѣ ученій о вліяніи другихъ факторовъ.

Вліяніе на преступность возраста.

По мнѣнію Колаянни, если и можно признавать за возрастомъ какое-нибудь вліяніе на преступность, то лишь

второстепенное. Нельзя, конечно, отрицать, что въ развитіи человѣческаго организма бываютъ такіе моменты, когда происходятъ довольно рѣзкія физическія и психическія измѣненія; таково, напримѣръ, наступленіе эпохи зрѣлости у мужчины и особенно у женщины. Но утвержденіе, что возрастъ на всемъ пути своего развитія побуждаетъ человѣка совершать различныя преступленія, соотвѣтствующія той или другой возрастной эпохѣ, представляется разсматриваемому нами автору неправильнымъ. Неправильность такого утвержденія доказывается нѣсколькими соображеніями. Во-первыхъ, *склонность къ преступности различныхъ возрастныхъ группъ далеко не одинакова въ различныхъ государствахъ*. Такъ, максимумъ преступности въ Пруссіи приходится на возрастъ между 26 и 40 годами, а во Франціи—на возрастъ до 24 лѣтъ. Авторъ приводитъ взятую имъ у Ферри (Nuovi Orizzonti) таблицу о числѣ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ возрастѣ до 20 лѣтъ.

Таблица IV.

Число несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
Италія (1871—76)	8,8%	6,8%
Франція (1872—75)	10,0	7,6
Пруссія (1871—72)	2,8	2,6
Австрія (1872—75)	9,6	10,6
Венгрія (1874—76)	4,2	9,0
Англія (1872—77)	27,4	14,5
Шотландія (1872—77)	20,0	7,0
Ирландія (1872—77)	9,0	3,2
Бельгія (1874—75)	20,8	—
Голландія (1872—77)	22,88	3,7
Швеція (1873—77)	19,77	17,0
Швейцарія (1874)	6,7	7,0
Данія (1874—75)	9,9	9,6

Колаяни указываетъ, во-вторыхъ, на тотъ фактъ, что *склонность къ преступленію различныхъ возрастныхъ группъ населенія не одинакова въ различные годы*. Если бы возвастъ человѣка былъ причиной преступности, то слѣдовало бы ожидать *постоянства* процента преступниковъ того или другого возрастнаго періода, но этого нѣтъ въ дѣйствительности.

Если мы обратимся къ французской статистикѣ за послѣднія двадцать лѣтъ, то найдемъ слѣдующія свѣдѣнія о возрастѣ обвиняемыхъ въ судѣ присяжныхъ [1]).

Таблица V.

Возрастъ обвиняемыхъ во Франціи.	1881—85	1886—90	1891—95	1896—900
Моложе 21 года . . .	180	160	170	180
Отъ 21 до 40	560	580	560	570
Отъ 40 до 60	220	220	230	210
Старше 60 лѣтъ . . .	40	40	40	40
	1000	1000	1000	1000

Приведенныя въ V таблицѣ цифры не поставлены въ соотношеніе съ числомъ населенія соотвѣтствующаго возраста, и потому мы не можемъ говорить о колебаніяхъ преступности во Франціи, но несомнѣнныя измѣненія процента преступности мы находимъ въ другихъ государствахъ. Такъ, въ Германіи, начиная съ 1882 года, наблюдается быстрое возрастаніе числа юныхъ преступниковъ въ возрастѣ до 18 лѣтъ.

---

[1]) „Compte général de l'administration de la justice criminelle de 1881 à 1900“, Paris, 1902, стр. XI.

Таблица VI.

Германія.

Число юныхъ преступниковъ въ возрастѣ до 18 лѣтъ.					
Годы.	Число юныхъ преступниковъ.	Или на 100.000 юнаго населенія.	Годы.	Число юныхъ преступниковъ.	Или на 100.000 юнаго населенія.
1882 . . .	30719	568			
1883 . . .	29965	549	1892 . . .	46496	729
1884 . . .	31342	578	1893 . . .	43776	686
1885 . . .	30704	560	1894 . . .	45552	716
1886 . . .	31513	565	1895 . . .	44384	702
1887 . . .	33113	576	1896 . . .	44275	702
1888 . . .	33067	563	1897 . . .	45328	—
1889 . . .	36790	614	1898 . . .	47986	—
1890 . . .	41002	663	1899 . . .	47512	—
1891 . . .	42312	672	1900 . . .	48657	—

Основное положеніе Колаяни, что возрастъ не является причиной преступности, не раздѣляется многими и въ томъ числѣ Кетле, Герри и Неклюдовымъ, авторомъ извѣстнаго труда «Статистическій опытъ изслѣдованія физіологическаго значенія различныхъ возрастовъ человѣческаго организма по отношенію къ преступленію». Неклюдовъ находитъ, что возрастъ есть *общая «космополитическая» причина* преступности, что «вліяніе возрастовъ на количество преступниковъ одинаково для всѣхъ государствъ» [1]). Но съ такимъ утвержденіемъ нельзя вполнѣ

[1]) *Н. Неклюдовъ*: „Уголовно-статистическіе этюды“. Спб., 1865, стр. 50 и 52.

согласиться. Несомнѣнно, что нѣкоторыя преступленія преимущественно свойственны тому или другому возрасту, но это еще не значитъ, что возрастъ является въ этихъ случаяхъ причиною преступленій. Если женщина въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ особенно склонна къ совершенію преступленій дѣтоубійства, то причину этому надо искать не въ физіологическомъ вліяніи возраста, но въ соціальной средѣ, въ такъ называемомъ общественномъ мнѣніи, которое клеймитъ позоромъ внѣбрачныя рожденія. Если бы причиной дѣтоубійства былъ возрастъ женщины отъ 20 до 40 лѣтъ, то женщины, состоящія въ бракѣ, должны были бы давать такой же процентъ дѣтоубійцъ, какъ и матери внѣбрачныхъ дѣтей, между тѣмъ онѣ почти совсѣмъ не совершаютъ этихъ преступленій. Точно такъ же, по изысканіямъ Неклюдова, возрастъ отъ 25 до 30 лѣтъ отличается особою наклонностью къ политическимъ преступленіямъ, но опроверженіемъ значенія возраста, какъ физіологической причины политическихъ преступленій, является то обстоятельство, что наибольшее число политическихъ преступленій совершается въ различныхъ странахъ въ различные возрастные періоды: такъ, во Франціи наибольшее число политическихъ преступниковъ имѣютъ (вычисленія Неклюдова) отъ 25 до 30 лѣтъ, а въ Россіи—отъ 21 до 25 лѣтъ [1]).

Таблица VII.

Россія.

Возрастъ обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ.								
10—16	17—20	21—25	25—30	30—40	40—50	50—60	Старше 60.	Всего.
0,8	18,8	35,4	22,4	14,1	5,3	2,1	1,1	100

[1]) „Quelques renseignements statistiques sur les accusés de crimes contre l'état en Russie" („Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie" etc. 18 v. 1903, стр. 65—81). Приведенныя статистическія

Еще моложе возрастъ женщинъ, обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ: изъ 686 обвиняемыхъ громадное большинство было моложе 30 лѣтъ (561, или 82% на 100). Второстепенное значеніе возраста видно также изъ того факта, что различные общественные классы даютъ неодинаковый процентъ преступниковъ того или другого возраста. Точно такъ же въ то время, какъ дѣти, рожденныя внѣ брака, составляютъ во Франціи 7,5% на 100 дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ, среди юныхъ преступниковъ насчитывается 14% мальчиковъ и 19% дѣвочекъ, рожденныхъ внѣ брака [1]).

Точно такъ же возрастъ не можетъ быть признанъ причиной преступленій противъ собственности, такъ какъ всѣ возрастные періоды даютъ преступниковъ этой категоріи. Очевидно, какъ призналъ это и Неклюдовъ, рѣшающее значеніе здѣсь принадлежитъ неравномѣрности распредѣленія богатства въ современныхъ государствахъ.

Такимъ образомъ, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ физіологическое вліяніе возраста уступаетъ свое мѣсто другимъ болѣе сильнымъ вліяніямъ соціальнаго порядка. Къ такому выводу Колаяни пришелъ и Тардъ, полагающій, что «экономическія соображенія, нравы, понятія, искусственно развитыя потребности берутъ верхъ надъ естественными импульсами» не только въ отношеніи преступности, но и брака: «максимальный возрастъ для бракосочетанія и дѣторожденія опредѣляется соціальными причинами», «отъ нихъ же зависитъ и возрастъ максимума различныхъ преступленій». Въ Китаѣ неженатый молодой человѣкъ 20 лѣтъ вызываетъ удивленіе, а во Франціи считается неприличнымъ жениться ранѣе 30 лѣтъ. Въ Ирландіи открытіе картофеля вызвало быстрый ростъ населенія и т. д. Впрочемъ, и у Неклюдова, несмотря на его категорическое утвержденіе, что возрастъ является общей и космополитической причиной всей преступности и отдѣльныхъ преступленій, мы находимъ развитіе и другого положенія, не находящагося въ противорѣчіи съ теоріей Колаяни о

свѣдѣнія относятся къ періоду 1883—1890 гг. Русскіе официальные отчеты не публикуютъ этихъ свѣдѣній. Большинство обвиненій было разсмотрѣно въ административномъ порядкѣ.

[1]) *Joly Henri*: „La France criminelle“, 2-me éd., стр. 191.

значеніи соціальной среды: такъ, подлоги всего чаще совершаются въ возрастѣ отъ 30 до 35 лѣтъ, но главная ихъ масса, по словамъ Неклюдова, выпадаетъ на долю женатыхъ и вдовыхъ, а между ними преимущественно на долю лицъ, имѣющихъ дѣтей. Политическія преступленія свойственны возрасту отъ 30 до 35 лѣтъ, но исключительно мужскому полу, такъ какъ они «обусловливаются главнымъ образомъ общественнымъ положеніемъ лица», и т. д.

Однако отрицать всякое значеніе возраста для преступности было бы совершенно неправильно. Среди малолѣтнихъ преступниковъ, напримѣръ, громадное большинство осуждено за тайныя похищенія и ничтожное количество за грабежи и подлоги; объясненія этому явленію надо искать въ свойствахъ дѣтскаго возраста, не обладающаго ни достаточною физическою силою для открытаго нападенія на чужую собственность, ни такимъ умственнымъ развитіемъ, какое необходимо для совершенія подлоговъ. Точно такъ же мы не встрѣчаемъ стариковъ среди политическихъ преступниковъ; очевидно, старческій возрастъ даетъ въ данномъ случаѣ такіе сильные, задерживающіе стимулы, какими не обладаютъ зрѣлый возрастъ и молодость.

За указанными ограниченіями, оттѣненіе Коллаяни значенія соціальныхъ факторовъ сравнительно съ физіологическимъ вліяніемъ на преступность возрастныхъ періодовъ является правильнымъ, и уголовный политикъ долженъ признать, что возрастъ является не общей, не космополитической и не непоборимой причиной преступности, но такимъ факторомъ, который не можетъ устоять передъ силою соотвѣтствующихъ реформъ соціальной среды преступника.

Вліяніе на преступность пола.

Женщина совершаетъ преступленій менѣе мужчины. Такъ, во Франціи въ періодъ съ 1881 по 1900 г. изъ ста обвиняемыхъ въ судѣ присяжныхъ было 85 мужчинъ и только 15 женщинъ, а на каждыя сто тысячъ населенія приходилось въ 1900 году 1.611 мужчинъ и всего 179 женщинъ, обвиняемыхъ въ исправительныхъ судахъ. Бельгійскими судами въ 1900 году было осуждено на каждыя сто тысячъ населенія 1.220 муж. и только 360 женщ. Въ двадцати пяти кантонахъ Швейцаріи въ періодъ 1892

1896 гг. было осуждаемо среднимъ числомъ въ годъ 23 муж. на 10.000 муж. и лишь 4 женщины на 10.000 жен. Въ Германіи, несмотря на то, что женское населеніе превышаетъ мужское (въ 1895 г. насчитывалось 26.618.651 женщ. и 25.661.250 муж.), женщины совершаютъ преступленій въ четыре или пять разъ менѣе мужчинъ. Въ Англіи по переписи 1901 года женское населеніе также превышаетъ мужское (на 1,5%), но женская преступность въ нѣсколько разъ ниже мужской. Такъ, за время съ 1893 по 1900 г. процентъ осужденныхъ женщинъ никогда не превышалъ по болѣе серьезнымъ преступленіямъ 13,26%, а по дѣламъ упрощеннаго производства—24,67%.

Различается преступность женщины по различнымъ преступленіямъ. Въ совершеніи однихъ изъ нихъ она участвуетъ въ самой незначительной степени, но есть и такія преступныя дѣянія, которыя составляютъ печальный удѣлъ только женщины. (См. табл. VIII.)

Итакъ, вездѣ женщина участвуетъ въ совершеніи преступленій менѣе мужчины. Объясненія этому факту были даны различныя. Уголовно-антропологическая школа нашла, что женщина по своему анатомическому строенію стоитъ ниже мужчины. Такъ, по изысканіямъ Ломброзо, оказалось, что мозгъ женщины вѣситъ меньше, что сѣраго вещества въ немъ меньше, что въ крови меньше красныхъ шариковъ, что черепъ ея походитъ на черепъ ребенка, лобъ имѣетъ перпендикулярное направленіе, характерное для ребенка, лицо сравнительно съ черепомъ мало. Она несравненно чаще мужчины владѣетъ одинаково хорошо обѣими руками или бываетъ лѣвшой; осязаніе ея хуже (тонкое у женщины 16%, у мужчины въ 31,5%, притупленное у женщины въ 25%, а у мужчины въ 6%), вкусъ у ней болѣе грубый и слухъ развитъ менѣе, чѣмъ у мужчины.

Отсюда антропологи сдѣлали выводъ, что женщина должна быть преступнѣе мужчины. Но такъ какъ цифры уголовной статистики противорѣчили этому утвержденію, то Ломброзо и его послѣдователи обратились къ изученію проститутки и нашли, что проституція является тѣмъ же, чѣмъ и преступность, что проститутка обладаетъ тѣмъ же преступнымъ типомъ, какимъ надѣлена преступница.

Согласно другому мнѣнію, объясненія меньшей преступ-

Таблица VIII.

Германія 1900 г.

На 100 осужденныхъ мужчинъ за преступленія и проступки осуждено женщинъ.

Насилія и угрозы чиновникамъ и пр.	6,1
Нарушеніе неприкосновен. жилищъ	11,4
Освобожденіе арестованныхъ вещей	36,1
Ложная присяга	42,4
Плотскія преступленія, насилованіе и пр.	0,7
Оскорбленія	35,2
Убійство предумышленное	27,1
Убійство	20,0
Тяжкое поврежденіе здоровья	7,9
Легкое поврежденіе здоровья	11,4
Угрозы и насилія	5,7
Кражи простыя	35,6
Кражи со взломомъ и др.	11,0
Присвоеніе	21,0
Грабежъ	2,5
Вымогательство съ угрозами	15,1
Пристанодержательство	49,7
Обманъ	20,6
Поддѣлка правит. и др. актовъ	20,2
Поврежденіе имущества	5,9
Поджогъ	21,6
Преступленія и проступки по должности	6,4
По всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ	18,3

ности женщины надо искать въ ея болѣе высокой нравственности [1]).

Третьи не примкнули ни къ одному изъ этихъ двухъ мнѣній и объяснили интересующее насъ явленіе исключительно причинами соціальнаго характера. Если бы женщина находилась, говорятъ они, въ одинаковыхъ съ мужчиною экономическихъ условіяхъ, она дала бы одинаковый съ нимъ процентъ преступности. Но исторія женщины существенно разнится отъ исторіи мужчины. Красною нитью черезъ всю жизнь женщины проходятъ ея приниженность и замкнутость въ кругъ домашнихъ обязанностей. Она сдѣлалась рабой ранѣе, чѣмъ появилось рабство; ея положеніе было особенно тяжко; самимъ рабочимъ она была третируема, говоритъ Бебель, какъ существо низшее [2]). «Эгоизмъ мужчины и его грубая сила заковали женщину въ желѣзныя цѣпи и не давали проявиться ея вліянію на общественную жизнь» [3]). Мы наблюдаемъ это явленіе и у дикарей и въ современныхъ обществахъ. На островахъ Таити женщина не должна прикасаться къ оружію и рыболовнымъ снарядамъ мужчины, не имѣетъ права появляться въ мѣстахъ общественныхъ сборищъ, не смѣетъ ѣсть пищу вмѣстѣ съ мужчинами. У бирманцевъ она не имѣетъ права входить въ храмъ. У кафровъ женщинамъ запрещенъ входъ въ мѣста, гдѣ собираются мужчины. У евреевъ въ десятой заповѣди женщина была поставлена наравнѣ со скотомъ и рабомъ. Съ распространеніемъ христіанства общественное положеніе женщины мало измѣняется: съ одной стороны, повиновеніе жены мужу дѣлается священнымъ догматомъ, а съ другой—развивается эскетизмъ, смотрящій на женщину съ глубокимъ презрѣніемъ. Въ средніе вѣка, когда семья продолжала собственными силами производить всѣ предметы потребленія, женщина не имѣла ни возможности, ни времени отлучаться отъ семейнаго очага и интересовать-

---

1) См. *Зеландъ:* „Женская преступность“. Спб., 1899 г. *Рейнгардтъ:* „Женщина передъ судомъ уголовнымъ и судомъ исторіи“. 2-ое изд. Каз., 1900 г.

2) *Бебель:* „Женщина и соціализмъ“.

3) *Клара Цеткина:* „Женщина и ея экономическое положеніе“. Пер. съ нѣм. 1905, стр. 3. См. также *В. М. Хвостовъ:* „Женщина наканунѣ новой эпохи“, 1905. *Н. В. Давыдовъ:* Женщина передъ уголовнымъ судомъ. М., 1906 г.

ся общественными дѣлами, и потому кругъ ея интересовъ замыкался семьей и домашнимъ хозяйствомъ. Но въ тѣ же средніе вѣка народное невѣжество приписало ей широкое участіе въ области колдовства, и сотни тысячъ невинныхъ жертвъ погибли на кострахъ. Приниженное положеніе женщины и отрицаніе за нею права участія въ общественной жизни родной страны перешли въ новое время. Великая французская революція не занялась женскимъ вопросомъ. Когда, въ 1793 году, были провозглашены права человѣка и гражданина, парижанки потребовали провозглашенія правъ женщины и указывали, что если она всходитъ на эшафотъ, то она должна имѣть право всходить и на трибуну. Эти требованія остались неисполненными. Когда немного спустя конвентъ объявилъ отечество въ опасности, парижскія энтузіастки предложили сформировать свой женскій отрядъ, но предложеніе было отклонено съ указаніемъ женщинѣ, что ея мѣсто у дѣтей, а не на площади [1]). Переворотъ, наступившій въ промышленности съ введеніемъ новой силы—пара, былъ началомъ переворота и въ положеніи женщины: развитіе крупнаго производства и распаденіе домашняго освободили женщину отъ прикованности къ семейному очагу и дали ей новое поле дѣятельности на фабрикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ женщина постепенно начала завоевывать себѣ и другія сферы труда. Однако и теперь ея правовое и политическое положеніе продолжаетъ носить на себѣ характерныя черты прежняго времени, и, чтобы достичь полнаго равенства съ мужчиною, ей придется вести еще долгую борьбу.

Въ этой исторіи женщины и ея современномъ положеніи надо искать объясненіе ея меньшей преступности. Совершенно правильно Колаяни указываетъ, что преступность женщины различается по отдѣльнымъ государствамъ и по различнымъ годамъ, приближаясь къ преступности мужчины или отдаляясь отъ нея по мѣрѣ того, какъ соціальныя условія, въ которыхъ живетъ она, приближаются къ положенію мужчины или отличаются отъ него. Чѣмъ разнообразнѣе и кипучѣе жизнь человѣка, чѣмъ чаще ему приходится вступать въ сношенія съ другими людьми, тѣмъ болѣе у него шансовъ выйти изъ устанавливаемыхъ за-

[1]) *Бебель*: ук. соч.

комъ рамокъ и совершить преступленіе. Женщина, остающаяся замкнутой въ семейномъ кругу, не имѣющая доступа къ общественнымъ и правительственнымъ должностямъ, лишенная политическихъ правъ, фактически не можетъ совершать преступленій по должности, нарушать законы, регулирующіе осуществленіе избирательнаго права, и т. п. Такъ, въ Германіи на сто осужденныхъ за преступленія по должности приходилось въ 1900 году всего 6,4 женщины; въ Бельгіи наименьшее количество осужденныхъ женщинъ на каждую сотню осужденныхъ мужчинъ приходится за преступленія и проступки противъ государственной безопасности и противъ правъ, огражденныхъ конституціей (5,5 на 100), и наивысшее—за преступленія противъ семейственнаго порядка (47,1 женщинъ противъ 52,9 муж.); во Франціи въ 1900 году было 15 мужчинъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ противъ политическихъ правъ, и ни одной женщины. Общая цифра женской преступности въ странѣ тѣмъ ниже, чѣмъ болѣе замкнута жизнь женщины. Колаянни ссылается на ничтожную преступность женщины въ Алжирѣ сравнительно съ француженкой (4 женщины въ Алжирѣ и 14 во Франціи на 100 мужчинъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ), на болѣе высокую преступность англичанки, на низкую преступность испанки, далматки. Въ добавленіе къ этимъ цифрамъ можно указать на статистическія данныя о преступности женщины въ Россіи. Положеніе женщины въ Россіи далеко не одинаково въ различныхъ мѣстностяхъ, и потому не одинаковъ и процентъ преступности въ различныхъ губерніяхъ: особенно незначительно число обвиненныхъ женщинъ въ губерніяхъ Таврической, Казанской, Уфимской, Оренбургской, т.-е. тамъ, гдѣ значительный процентъ населенія мусульманскаго исповѣданія и гдѣ женщина ведетъ совсѣмъ замкнутый образъ жизни. Наоборотъ, наибольшій процентъ преступности выпадаетъ на западъ Россіи—уѣзды Варшавскій, Петроковскій, Калишскій, Радомскій, Кѣлецкій [1]). Наименьшій процентъ преступности дала магометанка въ періодъ съ 1837 по 1846 гг. (по изысканіямъ Анучина): на 100 ссыльныхъ мужчинъ протестантскаго вѣроисповѣданія приходилось 28,64 женщины про-

[1]) *Тарновскій*: „Итоги русской уголов. статистики“. Приложеніе къ „Журн. Мин. Юст.“ за 1899 г., стр. 139—141.

тестантки, на 100 православныхъ мужчинъ—22,01 женщины, на 100 раскольниковъ—14,91 раскольницъ и на 100 магометанъ —всего 1,33 магометантки. Анучинъ далъ вѣрное объясненіе наименьшей преступности женщины, совпадающее съ объясненіемъ Калаянни. Соціальными причинами онъ объяснилъ также незначительную преступность магометантки: «основатель магометанства вложилъ въ Коранъ все, чтобы совершенно удалить женщину отъ общественной жизни и сдѣлать изъ нея простую вещь, приковавъ эту вещь къ господину—мужу. Укутанная въ чадру, замкнутая въ гаремѣ, пропитанная съ дѣтства самою рабскою покорностью къ мужчинѣ, привыкнувъ считать себя за вещь, которую можно покупать и продавать, магометанка лишена всякой возможности проявить свою дѣятельность въ какомъ бы то ни было отношеніи, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ».

Разсмотрѣніе тѣхъ преступленій, которыя всего чаще и всего рѣже совершаетъ женщина, убѣждаетъ насъ въ правильности объясненій Колаянни. Всего чаще она совершаетъ дѣтоубійство; въ Россіи на 70 осужденныхъ мужчинъ пришлось въ 1889—1893 гг. 3.940 женщинъ, во Франціи—90 женщ. на 10 мужч. (1900 г.). Какъ было бы ошибочно объяснять незначительное участіе мужчины въ совершеніи этого преступленія его особою жалостью къ новорожденнымъ, такъ было бы невѣрно предполагать, что причиной дѣтоубійства является жестокость женщины. Наблюденія показываютъ, что дѣтоубійцами являются дѣвушки-матери, а это обстоятельство даетъ всѣ основанія утверждать, что дѣтоубійство имѣетъ своею главною причиною извѣстные взгляды современнаго общества на внѣбрачныя рожденія.

Значительно участіе женщины въ совершеніи домашнихъ кражъ (по вычисленію Колаянни 60%). Этотъ фактъ вполнѣ объясняется указаннымъ выше семейнымъ положеніемъ женщины [1]).

Женщинѣ приходится, конечно, быть съ дѣтьми чаще, чѣмъ мужчинѣ, а потому особенно велико число ея преступленій противъ дѣтей [2]).

---

[1]) Во Франціи за 1900 г. женщина совершила 8,9% всѣхъ vols-crimes (кражъ-преступленій) и 22,3% домашнихъ кражъ.

[2]) Во Франціи на 100 муж.—119 женщинъ.

Изъ занятій женщины внѣ домашняго хозяйства одно изъ самыхъ распространенныхъ—торговля, и уголовная статистика отмѣчаетъ значительное число торговыхъ обмановъ, совершаемыхъ женщинами (46,3 на 100 во Франціи въ 1900 году).

Вмѣстѣ со многими криминалистами мы полагаемъ также, что при объясненіи меньшей преступности женщины не слѣдуетъ упускать изъ вниманія ея участія въ проституціи, вызываемой тѣми же соціальными причинами, какія порождаютъ преступность. Передъ голодною женщиной, не находящей возможности жить трудомъ своихъ рукъ, остается, кромѣ смерти, двѣ дороги, одинаково позорныя, но не одинаково опасныя: одинъ запрещенный закономъ путь преступности и другой легальный, санкціонированный властью, путь къ проституціи. Несомнѣнно, что часть женщинъ, принужденныхъ выбирать изъ двухъ золъ одно, выбираютъ послѣднее.

Если мы обратимся къ профессіи женщинъ-преступницъ, то увидимъ, что женщины, занятыя работами на фабрикахъ и въ мастерскихъ, совершаютъ преступленій даже больше мужчинъ фабричныхъ рабочихъ.

Такъ, во Франціи на 100 обвиняемыхъ мужчинъ было фабричныхъ рабочихъ и занятыхъ въ мастерскихъ:

1895—9,39	1899—9,41
1896—9,47	1900—8,95

А женщины, занятыя въ этихъ профессіяхъ, дали сравнительно большій процентъ преступленій:

1895—15,34	1899—13,62
1896—13,60	1900—14,61

Къ сожалѣнію, эти цифры не поставлены въ соотношеніе съ числомъ мужчинъ и женщинъ, занятыхъ въ разсматриваемыхъ нами профессіяхъ. Но несомнѣнно, что число женщинъ, занимающихся этимъ видомъ труда, менѣе числа мужчинъ, и, несмотря на это, процентъ ихъ преступности стоитъ выше, чѣмъ у мужчинъ. Объясненіе этому надо искать въ особо тяжеломъ положеніи женщины-работницы. Условія современнаго фабричнаго труда часто ведутъ и къ проституціи. Этотъ фактъ отмѣчаетъ Бебель и другіе защитники интересовъ рабочаго класса, и онъ вполнѣ по-

нятенъ. Если жизнь въ грязныхъ углахъ развращаетъ мужчину, дѣлая изъ него скорѣе преступника и пьяницу (объ этомъ см. у насъ ниже), то тѣмъ скорѣе она развращаетъ дѣвушку, женщину, заработокъ которыхъ всегда ниже мужчинъ; къ тому же еще на долю женщинъ выпадаютъ и другіе соблазны. Одинъ изъ знатоковъ положенія женщинъ-работницъ имѣетъ всѣ основанія утверждать, что нельзя судить о приниженномъ положеніи работницъ по числу дѣлъ, доходящихъ до суда. Оно ничтожно въ сравненіи съ дѣйствительнымъ. Гиршъ, авторъ спеціальной работы о преступности и проституціи, говоритъ, что работница несетъ въ жертву капитализму свои силы, свое здоровье, молодость, свою честь [1]). Есть профессіи, въ которыхъ женщины получаютъ или очень мало, или совсѣмъ ничего, какъ, напримѣръ, кельнерши въ нѣмецкихъ пивныхъ, и онѣ должны слишкомъ далеко простирать свою любезность, чтобы быть сытыми и одѣтыми.

Условія жизни въ городѣ съ его роскошью и страшною нищетою особенно тяжело отражаются на женщинѣ. Борьба за существованіе здѣсь особенно обострена, и бѣднѣйшимъ классамъ населенія приходится тѣмъ сильнѣе страдать отъ бѣдности, что нищета постоянно видитъ подлѣ себя недосягаемыя для нея богатство, довольство и сытость. Женщина-пролетарка, поденщица и работница, живущая въ городѣ, даетъ большій процентъ преступности, чѣмъ городской пролетарій-мужчина. На 100 осужденныхъ обоего пола въ Россіи приходилось въ 1879—1885 г. 23,1 городскихъ жителей, мужчинъ—22,7, а на 100 осужденныхъ

---

1) Нерѣдко судъ, въ своемъ служеніи капитализму, слишкомъ пренебрежительно относится къ защитѣ женской чести работницъ. Такъ, недавно газеты сообщали изъ Елисаветграда о приговорѣ земскаго начальника 3 участка г-на Саргани по 19 дѣламъ. Въ экономіи г. Соколова-Бородкина 19 дѣвушекъ, измученныя грубыми приставаніями къ нимъ, оставили службу до срока. Полиція привлекла всѣхъ 19 дѣвушекъ къ отвѣтственности по 2 ч., 51 ст. уст. о нак. Земскій начальникъ нашелъ: обвиняемыя оставили службу до срока и не хотѣли продолжать ее вслѣдствіе того, что служащіе въ экономіи парни не давали дѣвушкамъ по ночамъ покоя; экономія нанимателя не отвѣтственна за проступки однихъ служащихъ по отношенію къ другимъ, и при такихъ условіяхъ необходимо признать нарушеніе договора вполнѣ установленнымъ. Въ виду этого соображенія земскій начальникъ постановилъ подвергнуть всѣхъ дѣвушекъ аресту на 1 мѣсяцъ каждую.

женщинъ—29,6, живущихъ въ городѣ. Относительно же преступленій, подсудныхъ мировымъ учрежденіямъ, эта разница еще сильнѣе: 26,5 мужчинъ и 47,8 женщинъ [1]). Мы знаемъ также, что проституція сильнѣе развита въ городахъ и особенно въ крупныхъ изъ нихъ.

Таково соціологическое объясненіе преступности женщины. И здѣсь рѣшающее значеніе принадлежитъ соціальнымъ причинамъ, а именно той обстановкѣ, въ которой живутъ мужчина и женщина и которая одинаково можетъ сдѣлать изъ нихъ преступниковъ или дать имъ возможность жить, не вступая на путь преступленія. Постепенное завоеваніе женщиною правъ и расширеніе области примѣненія ея труда приводятъ къ увеличенію ея преступности. Но было бы совершенно неправильно выдвигать это возрастаніе преступности, какъ доводъ противъ равноправности женщины и мужчины, потому что этотъ аргументъ съ такимъ же основаніемъ можно привести и противъ расширенія дѣятельности мужчины. Если на смѣну половины всего числа мужчинъ-чиновниковъ явились бы женщины, то общество нисколько не проиграло бы, имѣя вмѣсто прежнихъ 100 мужчинъ-преступниковъ по должности 50 преступниковъ и 50 преступницъ. Правильная политика заключается въ томъ, чтобы создать такія условія, при которыхъ сократится до наименьшихъ размѣровъ всякая преступность, безразлично—мужская она или женская. Однимъ изъ такихъ условій является уничтоженіе той розни, какую мы видимъ теперь въ борьбѣ за существованіе, когда идутъ классъ на классъ, полъ на полъ, возрастъ на возрастъ [2]).

Вліяніе на преступность внѣбрачнаго происхожденія и брака.

а) Вліяніе внѣбрачнаго происхожденія.

Совершеніе преступленій дѣтьми и несовершеннолѣтними не могло не привлечь къ себѣ вниманія законодательства уже въ тотъ періодъ, когда оно стало различать внутрен-

---

[1]) *И. Озеровъ*: „Сравнительная преступность половъ въ зависимости отъ нѣкоторыхъ факторовъ“ („Журналъ Юридич. Общ. при Спб. Унив.“, 1898, кн. IV).

[2]) *Бебель*: ук. соч.

ною сторону преступнаго дѣянія. Слишкомъ страннымъ казалось, что авторами даже такихъ преступленій, какъ убійство, поджогъ, могутъ являться нѣжныя своимъ возрастомъ дѣти. Съ другой стороны, особенности дѣтей-преступниковъ ярко бросались въ глаза судей и всего общества. Среди этихъ особенностей чаще другихъ встрѣчались безпризорность дѣтей, ихъ полнѣйшая заброшенность, всякое пренебреженіе ихъ воспитаніемъ. Невольно являлась мысль, что отсутствіе воспитанія и преступность находятся въ причинной связи между собою, что съ преступностью дѣтей надо бороться ихъ перевоспитаніемъ. Первыя попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, сопровождались успѣхомъ и повели за собою рядъ такихъ же другихъ. Но что было особенно важно, это научное изученіе дѣтской преступности, то-есть систематическія наблюденія за ея ростомъ и особенностями. Старая, классическая школа въ наукѣ уголовнаго права отрѣшилась въ этомъ случаѣ отъ своего основного положенія изучать лишь преступленіе и наказаніе и дала много цѣнныхъ изслѣдованій причинъ дѣтской преступности.

При этихъ изслѣдованіяхъ между прочимъ выяснилось, что процентъ незаконнорожденныхъ среди преступниковъ всегда выше, чѣмъ процентъ незаконнорожденныхъ среди всего населенія отдѣльныхъ государствъ. Такъ, во Франціи среди юныхъ заключенныхъ насчитывалось въ 1894 и 1898 гг. свыше 11% рожденныхъ внѣ брака, а среди всего населенія этой страны незаконнорожденные составляли только 8,94% (въ 1894 г.). Въ Швейцаріи при 4,7% незаконнорожденныхъ среди всего населенія процентъ таковыхъ среди преступниковъ достигъ 9,3 (въ 1892—1896 гг.). Въ Пруссіи (1891—1900 гг.) процентъ незаконнорожденныхъ среди заключенныхъ мужчинъ былъ 8,3 и 11,6, среди женщинъ—12,5 и 15,1, а среди всего населенія—7,81 (1887—1891 гг.). Въ Норвегіи, при 7,17% (1894 г.) незаконнорожденныхъ среди населенія страны, ихъ насчитывалось (въ 1899—1900 г.) среди заключенныхъ 12%.

Чѣмъ объяснить такой высокій процентъ незаконнорожденныхъ среди преступниковъ? Соціологическая и антропологическая школы сходятся въ данномъ случаѣ въ объясненіи этого явленія соціальными условіями, трудностью борьбы за существованіе рожденныхъ внѣ брака и отсут-

ствіемъ надзора за ними въ дѣтствѣ. Нѣкоторое значеніе здѣсь можетъ также имѣть и дурная наслѣдственность, но вліяніе послѣдней не слѣдуетъ преувеличивать.

Пагубное вліяніе дурной наслѣдственности обыкновенно доказываютъ изслѣдованіемъ происхожденія несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, относительно которыхъ уголовная статистика уже давно собираетъ довольно обширныя и разносторонніе свѣдѣнія. Однако собранныя до сихъ поръ цифровыя данныя не даютъ возможности придавать большого значенія утвержденію уголовно-антропологической школы о прямой передачѣ родителями своимъ дѣтямъ преступныхъ наклонностей. Такъ, по изысканіямъ Марро, изъ 507 преступниковъ только 13% имѣли преступныхъ родителей, а у остальныхъ 87% дурная наслѣдственность выражалась принадлежностью ихъ родителей къ числу алкоголиковъ, эпилептиковъ, душевнобольныхъ и т. п. Во Франціи, по изысканіямъ Гросмолара, среди юныхъ заключенныхъ имѣли родителей преступниковъ:

въ 1878 г.	1072,	или	14,1%
„ 1884 „	860	„	15,2%
„ 1894 „	852	„	16,4%
„ 1898 „	734	„	16,4%

Этотъ же авторъ придаетъ наслѣдственной передачѣ преступности лишь второстепенное значеніе и считаетъ главнѣйшимъ факторомъ соціальную среду и бѣдность: «ребенокъ не родится преступникомъ,—говоритъ онъ,—но становится имъ». Одинъ нью-іоркскій журналъ произвелъ анкету о степени вліянія среды и наслѣдственности и получилъ отвѣты, отдающіе преимущественное значеніе соціальной средѣ: директоръ массачузетской школы находилъ, что слова «каковъ отецъ, таковъ сынъ», надо замѣнить другими: «какова среда, таковъ сынъ»; директоръ одного убѣжища приводилъ примѣры полнаго измѣненія характера дѣтей подъ вліяніемъ соціальной среды, несмотря на сквернѣйшую наслѣдственность. Также и Жоли въ своемъ послѣднемъ трудѣ о преступной молодежи видитъ «всюду вліяніе среды, воспитанія, привычекъ» и очень мало вліяніе наслѣдственности. Таково же мнѣніе Листа, Тарда и др.

Процентъ алкоголиковъ среди родителей преступниковъ значителенъ; велико также число семей, въ которыхъ

дѣти-преступники не могли получить хорошаго воспитанія. По даннымъ годовыхъ отчетовъ Эльмирской реформаторіи, болѣе чѣмъ у трети осужденныхъ родители были несомнѣнные пьяницы и въ 50 случаяхъ изъ ста семейная обстановка оказывалась дурная и хорошая совсѣмъ рѣдко (отъ 7,6 до 11,7%).

Таблица IX.

На 100 заключенныхъ.									
Годы.	Родители пьяницы.		Семейная обстановка.			Покинули родит. домъ.			
	Несомнѣнно.	Вѣроятно.	Дурная.	Посредственная.	Хорошая.	Ранѣе 10-л. возраста.	Между 10 и 14 годами.	Вскорѣ послѣ достиженія 14 лѣтъ.	
1881	33,8	18,6	47,7	44,0	8,3	5,4	7,6	22,5	
1882	35,1	16,0	48,1	41,1	10,8	5,0	7,3	22,7	
1883	35,6	14,1	49,3	39,1	11,6	5,2	7,0	23,6	
1884	35,9	13,3	50,0	39,2	10,8	4,4	6,8	25,0	
1885	36,4	12,8	50,6	38,9	10,5	4,9	6,8	25,5	
1886	37,5	12,0	52,4	37,4	10,2	4,6	6,4	25,5	
1888	38,4	10,9	52,1	38,9	9,0	5,2	6,3	29,5	
1889	38,7	11,1	51,8	39,9	8,3	5,2	6,2	30,8	
1890	38,4	11,4	52,0	40,4	7,6	4,7	5,8	29,5	
1891	38,4	13,0	52,6	39,8	7,6	4,5	5,9	30,7	
1892	38,3	13,1	54,1	38,3	7,6	4,1	5,8	32,0	
1893	37,8	12,7	50,3	40,0	9,7	3,8	6,1	32,6	
1894	37,5	12,1	49,0	40,6	10,4	3,8	6,1	31,8	
1896	37,5	11,3	47,0	41,3	11,7	3,6	6,7	33,0	

Изъ этой таблицы видно, что значительный процентъ осужденныхъ принуждены были покинуть родительскій домъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Раннее оставленіе ребенкомъ родительскаго крова вызывается или отдачей его въ ученіе и на заработки, или его осиротѣніемъ.

При современныхъ условіяхъ семья играетъ громадную роль: въ ней ребенокъ получаетъ свое первое, а часто и единственное воспитаніе; она накладываетъ на него свой отпечатокъ, который трудно сглаживается всей послѣдующей жизнью. Поэтому особенно тяжело положеніе того несчастнаго ребенка, у котораго совсѣмъ нѣтъ семьи, а слѣдовательно нѣтъ и заботливаго, проникнутаго любовью къ нему отношенія. Онъ всѣмъ чуждъ; до него никому нѣтъ дѣла; онъ долженъ самъ себя поить, кормить и одѣвать, пока не возьметъ на себя эту обязанность въ тюрьмѣ или въ исправительной колоніи само государство или общество. Но чтобы получить право сдѣлаться такимъ государственнымъ пансіонеромъ, сиротѣ и заброшенному ребенку приходится пройти школу разнузданнаго разврата и уроки разнообразныхъ видовъ преступности. Отчеты исправительныхъ заведеній не столько говорятъ о дурной наслѣдственности своихъ питомцевъ, сколько объ ихъ голодной нуждѣ, дурныхъ примѣрахъ и отсутствіи надзора за ними даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ семья была порядочная, но, принадлежа къ числу рабочихъ слоевъ населенія, не имѣла *никакой возможности* заняться воспитаніемъ ребенка.

б) Вліяніе на преступность брака.

При разрѣшеніи вопроса о томъ вліяніи, которое оказываетъ брачное состояніе на преступность, нѣкоторые изъ криминалистовъ были склонны приписать ему большое морализующее значеніе. Другіе, какъ, напримѣръ, Колаянни, полагаютъ, что лица, состоящія въ бракѣ (и особенно женщины), предохранены отъ преступленій болѣе, чѣмъ холостыя; они болѣе ограждены отъ преступленій, направленныхъ на чужую собственность, чѣмъ отъ преступныхъ дѣяній противъ личности. Однако было бы ошибочно придавать браку слишкомъ морализующее значеніе: меньшая преступность лицъ, состоящихъ въ бракѣ, объ-

ясняется, по мнѣнію этихъ криминалистовъ, въ значительной мѣрѣ особенностями положенія брачущихся еще *до ихъ вступленія въ бракъ*: для вступленія въ бракъ обыкновенно требуется нѣкоторая состоятельность. Экономическія затрудненія, а также физическіе и духовные недостатки осуждаютъ человѣка на безбрачіе. Утверждая, что замужняя женщина менѣе преступна, чѣмъ незамужняя, Колаянни объясняетъ это соображеніями экономическаго характера: замужняя женщина обыкновенно менѣе участвуетъ въ борьбѣ за существованіе и потому менѣе подвергается опасности совершать преступленія. Меньшее участіе лицъ, состоящихъ въ бракѣ, въ совершеніи преступленій противъ собственности объясняется, по мнѣнію Колаянни, вліяніемъ приданаго, поиски котораго не останавливаютъ въ нашъ вѣкъ самыхъ юныхъ мужчинъ отъ противоестественныхъ браковъ со старухами [1]).

Нѣкоторые изъ выводовъ Колаянни находятся въ противорѣчіи съ выводами Принцинга, автора спеціальныхъ работъ о вліяніи брака на преступность. Работамъ Принцинга должно быть отдано несомнѣнное преимущество уже потому, что онъ выясняетъ процентное отношеніе преступниковъ, состоящихъ въ бракѣ, холостыхъ и вдовыхъ (отдѣльно для каждаго пола) на сто тысячъ соотвѣтствующей части населенія и, кромѣ того, разбиваетъ каждую изъ изслѣдуемыхъ имъ группъ еще на нѣсколько группъ по возрасту [2]).

---

[1]) Колаянни приводитъ таблицу съ указаніемъ числа браковъ молодыхъ людей со старухами старше 50 лѣтъ, приходящихся на милліонъ браковъ во Франціи: изъ 769 брачныхъ паръ, въ которыхъ невѣста была старше 50 лѣтъ, женихи имѣли:

отъ	18	до	20	лѣтъ	въ	64	бракахъ
„	20	„	25	„	„	109	„
„	25	„	30	„	„	151	„
„	30	„	35	„	„	188	„
„	35	„	40	„	„	257	„
				Всего	. . .	769	браковъ.

[2]) *Friedrich Prinzing*, dr.: „Der Einfluss der Ehe auf die Kriminalität des Mannes“. „Zeitschrift für Socialwissenschaft“, 1899, B. 2, стр. 37—44, 108—126. *Prinzing*: „Die Erhöhung der Kriminalität des Weibes durch die Ehe“ (ibid., стр. 433—450).

Результаты, къ которымъ пришелъ Принцингъ, представляютъ большой интересъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются совершенно неожиданными. Такъ, вопреки утвержденію Колаяни, оказывается, что женщины, состоящія въ бракѣ, совершаютъ преступленій болѣе незамужнихъ.

Таблица X.

Германія 1882—1893 гг.

На 100.000 населенія каждой категоріи приходилось осужденныхъ.			
Возрастъ.	Незамужнія.	Замужнія.	Вдовы и разведенныя.
12—15	149,5	—	—
15—18	320,5	—	—
18—21	415,2	602,5	—
21—25	417,2	469,9	1399,3
25—30	440,7	454,5	1149,2
30—40	446,2	500,0	1029,9
40—50	334,7	468,2	709,9
50—60	221,5	299,5	364,2
Старше 60	102,2	133,4	111,2

Чтобы выяснить причины этого явленія, Принцингъ совершенно правильно приступаетъ къ разсмотрѣнію участія женщины въ совершеніи *различныхъ* преступленій. Въ преступленіяхъ противъ собственности замужнія участвуютъ менѣе незамужнихъ.

Таблица XI.

Германія 1882—1893 гг.

На 100.000 населенія каждой категоріи приходилось осужденныхъ а преступленія противъ собственности.

Возрастъ.	Незамужнія.	Замужнія.	Вдовы и разведенныя.
12—15	142,1	—	—
15—18	284,4	—	—
18—21	337,6	381,6	—
21—25	310,8	268,3	826,8
25—30	304,9	240,1	703,2
30—40	290,4	247,5	610,1
40—50	209,2	215,6	404,6
50—60	134,8	131,6	198,1
Старше 60	61,0	59,4	54,7

Изъ этой таблицы видно, что вдовы и разведенныя жены совершаютъ особенно много преступленій противъ собственности; объясненіе этому можно искать въ экономическихъ условіяхъ положенія вдовъ, теряющихъ вмѣстѣ съ мужемъ очень часто источникъ своего существованія. Что касается замужнихъ женщинъ, то ихъ преступность во всѣхъ возрастахъ, за исключеніемъ ранняго, отъ 18 до 21 года, менѣе преступности незамужнихъ. Объясненіе этому слѣдуетъ искать, какъ это и сдѣлалъ Колаянни, въ томъ, что въ бракъ вступаютъ легче женщины, имѣющія хотя бы нѣкоторый имущественный достатокъ. Но чѣмъ же объяснить въ такомъ случаѣ большую преступность молодыхъ женъ отъ 18 до 21 года? Этотъ фактъ не былъ извѣстенъ Колаянни. Криминалистъ-соціалистъ Бонжеръ, правильно раздѣляющій, по нашему мнѣнію, приведенное выше объясненіе Колаянни о меньшей преступности женъ, полагаетъ, что причины большей преступно-

сти молодыхъ женъ надо искать также въ экономическихъ условіяхъ ихъ жизни. Въ такомъ раннемъ возрастѣ, какъ 18—21 г., въ бракъ вступаютъ, говоритъ Бонжеръ, большею частью лишь пролетаріи: обремененныя семьей, подвергающіяся всѣмъ тяжестямъ борьбы за существованіе, онѣ должны скорѣе, чѣмъ другія, совершать преступленія [1]). Подтвержденіе этому объясненію мы видимъ въ томъ фактѣ, что и мужчины, состоящіе въ бракѣ, совершаютъ тѣмъ болѣе всѣхъ преступленій вообще и преступленій воровства въ частности, чѣмъ они моложе, при чемъ мужья въ возрастѣ отъ 18 до 21 года совершаютъ кражъ *почти въ три раза болѣе*, чѣмъ холостые этого же возраста. Точно такъ же и въ возрастѣ отъ 21 до 30 лѣтъ мужья совершаютъ преступленій болѣе холостыхъ.

Таблица XII.

Германія 1882—1893 гг.

На сто тысячъ мужчинъ каждой категоріи населенія приходилось осужденныхъ за простое воровство.

Возрастъ.	Холостые.	Женатые.	Вдовцы и разведенные.
18—21	551,7	1418,3	—
21—25	427,7	685,9	627,2
25—30	382,6	412,6	572,1
30—40	411,9	296,9	550,0
40—50	365,0	216,2	420,0
50—60	233,1	151,6	231,1
Старше 60	109,2	84,0	67,2

Весьма значительно участіе замужнихъ женщинъ въ совершеніи обидъ и тѣлесныхъ поврежденій.

---

[1]) *Бонжеръ:* „Criminalité et conditions économiques“. Amsterd., 1905, стр. 517.

Таблица XIII.

Германія 1882—1893 гг.

На сто тысячъ населенія каждой категоріи приходилось осужденныхъ женщинъ за оскорбленіе.

Возрастъ.	Незамужнія.	Замужнія.	Вдовы и разведенныя.
18—21	24,3	88,5	—
21—25	34,9	85,7	157,1
25—30	44,2	94,8	137,1
30—40	57,3	116,7	138,4
40—50	58,4	121,4	121,7
50—60	43,5	84,8	77,1
Старше 60	22,4	38,3	26,7

Таблица XIV.

Германія 1882—1893 гг. [1]).

На сто тысячъ населенія каждой категоріи приходилось женщинъ, осужденныхъ за причиненіе тѣлесныхъ поврежденій.

Возрастъ.	Незамужнія.	Замужнія.	Вдовы и разведенныя.
18—21	20,4	67,5	—
21—25	24,9	61,1	96,4
25—30	29,8	58,7	88,9
30—40	29,9	61,0	70,2
40—50	21,3	55,3	46,8
50—60	13,9	33,9	25,7
Старше 60	7,0	14,2	8,6

[1]) *Принципъ:* ibid., стр. 442.

Принцингъ полагаетъ, что ближайшими причинами этихъ двухъ преступленій замужней женщины являются жизнь бѣдныхъ семей въ общихъ квартирахъ и установившійся во многихъ мѣстахъ Германіи обычай, чтобы жена сопровождала въ праздничные дни мужа въ трактиръ. О вліяніи состоянія квартиръ на преступность намъ придется впослѣдствіи говорить подробнѣе; что же касается второй предполагаемой Принцингомъ причины, то мы не имѣемъ статистическаго матеріала, который выяснялъ бы, насколько часто посѣщаютъ жены трудящагося люда трактиры и насколько пагубно отражается на нихъ такое посѣщеніе. Дѣйствительно, наибольшее число тѣлесныхъ поврежденій падаетъ на праздничные дни и должно быть связано съ посѣщеніемъ кабаковъ, пивныхъ и вообще съ потребленіемъ опьяняющихъ напитковъ [1]), но повинна ли въ этомъ вмѣстѣ съ самимъ рабочимъ и его жена, этого мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ знаменательно, что и среди мужчинъ женатые всѣхъ возрастовъ совершаютъ оскорбленій и тѣлесныхъ поврежденій значительно болѣе холостыхъ. Такъ какъ нельзя предполагать, чтобы женатые посѣщали кабаки чаще холостыхъ, то скорѣе можно предполагать здѣсь вліяніе общихъ квартиръ.

Какъ и слѣдовало ожидать, замужнія женщины совершаютъ дѣтоубійствъ и истребленій плода значительно менѣе незамужнихъ и вдовыхъ. Причину этихъ преступленій надо искать, очевидно, во взглядахъ современнаго общества на внѣбрачныя рожденія, но на этомъ вопросѣ мы уже останавливались выше, когда говорили о причинахъ женской преступности.

Бракъ мало предохраняетъ отъ преступленій противъ нравственности. Вдовцы и вдовы, женатые и замужнія совершаютъ преступленіе сводничества чаще холостыхъ и незамужнихъ (это преступленіе обыкновенно совершается

---

[1]) *Коблинскій* (докладъ 5-му междунар. конгрессу борьбы съ алкоголизмомъ) нашелъ, что изъ 205 нанесеній ранъ и ударовъ 121 (т.-е. 59%) приходятся на воскресенье, 32 и 35—на понедѣльникъ и субботу и 27—на остальные четыре дня вмѣстѣ. Врачъ *Фертигъ* въ Вормсѣ нашелъ, что изъ 366 ранъ и ударовъ (96—98 гг.) 142 приходятся на воскресенье, 57—на понедѣльникъ, 34—на вторникъ и среду, 35 на четвергъ, 27 на пятницу и 37 на субботу („Alkoholgenuss und Verbrechen“, *Ашаффенбургъ* („Zeitschr. f. die ges. Str.“, B. XX, стр. 86—88).

предоставленіемъ своего помѣщенія для проституткъ). Въ кровосмѣшеніи вдовцы оказываются виновными чаще женатыхъ, а женатые—чаще холостыхъ. Такое же отношеніе сохраняется и при другомъ преступленіи—злоупотребленіи властью для склоненія женщины къ незаконной связи [1]).

Убійство совершается чаще всего вдовцами и вдовами, затѣмъ холостыми и дѣвицами и рѣже всего женатыми и замужними [2]).

Наибольшій процентъ осужденныхъ мужчинъ за сопротивленіе властямъ приходится на холостыхъ и наименьшій на женатыхъ, а среди женщинъ наибольшій на вдовъ и наименьшій на замужнихъ. Молодые супруги, мужья и жены, въ возрастѣ отъ 18 до 21 года, оказываютъ сопротивленіе власти чаще, чѣмъ лица двухъ остальныхъ категорій этого же возраста. Мы полагаемъ, что объясненіе этому факту надо искать въ особенностяхъ соціальнаго положенія молодыхъ супруговъ 18—21 года, принадлежащихъ чаще всего къ пролетаріату.

Вдовцы и вдовы и разведенные супруги даютъ почти во всѣхъ преступленіяхъ наибольшій процентъ осужденныхъ. Принцингъ полагаетъ, что возрастаніе числа преступленій, совершаемыхъ вдовцами, объясняется утерей ими со смертью жены нравственной поддержки. Ашафенбургъ признается, что причина разсматриваемаго явленія для него совершенно неясна; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказывается принять догадку Принцинга, какъ ничѣмъ неподтвержденную, и высказываетъ предположеніе о другой причинѣ: не слѣдуетъ ли искать объясненіе разсматриваемой преступности разведенныхъ и вдовыхъ въ особенно высокой преступности разведенныхъ, бракъ которыхъ нерѣдко расторгается вслѣдствіе совершеннаго однимъ изъ супруговъ преступленія. Хотя и это объясненіе Ашафенбурга построено на предположеніяхъ, но оно представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ догадки Принцинга.

Заканчивая разсмотрѣніе вліянія на преступность брака, мы должны признать, что это вліяніе не изъ особенно благопріятныхъ. Бракъ оказывается не только безсильнымъ удержать отъ совершенія плотскихъ преступленій, но въ

---

[1]) Ibid., стр. 111, 113.
[2]) Ibid., стр. 441.

нѣкоторыхъ случаяхъ какъ будто толкаетъ на совершеніе этихъ преступленій (кровосмѣшеніе, склоненіе женщины къ непотребству путемъ злоупотребленія властью надъ нею). Бракъ отягчаетъ положеніе бѣднѣйшихъ слоевъ населенія и приводитъ молодыхъ супруговъ къ высокой преступности противъ собственности. Оскорбленіе, нанесеніе ранъ и ударовъ становятся печальнымъ удѣломъ лицъ, состоящихъ въ бракѣ. Прекращеніе брака вслѣдствіе смерти одного изъ супруговъ или развода создаетъ такія условія, при которыхъ вдовцы и разведенные совершаютъ преступленій болѣе, чѣмъ холостой и незамужняя.

Вліяніе на преступность расы.

Уголовно-антропологическая школа признаетъ за расой большое вліяніе на преступность. Но несомнѣнно, что доказать такое вліяніе представляется весьма трудною, почти неисполнимою задачею. Главное изъ затрудненій лежитъ въ разнообразіи экономическихъ, политическихъ и другихъ условій тѣхъ народностей, преступность которыхъ пытаются объяснить вліяніемъ расовыхъ особенностей [1]). Наибольшая обстоятельная критика ученія о вліяніи расы принадлежитъ Колаянни. Не останавливаясь на всѣхъ подробностяхъ антропологической критики Колаянни ученія Ломброзо о расѣ, какъ факторѣ преступности, мы отмѣтимъ лишь тотъ заключительный выводъ разсматриваемаго нами автора, въ которомъ онъ оттѣняетъ преобладающее вліяніе соціальной среды: «знакомство съ причиннымъ соотношеніемъ историческихъ явленій,—говоритъ онъ,—даетъ право утверждать, что моральныя и интеллектуальныя из-

---

[1]) См. также статью проф. *Чижа*: „Вліяніе національности на преступность“ („Вѣстникъ Права“, № 9, 1901 г.). Авторъ сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія о совершенно различной преступности латышей и эстонцевъ, при одинаковыхъ, по его мнѣнію, соціальныхъ условіяхъ. Но самъ авторъ отмѣчаетъ, что неизвѣстна профессія этихъ двухъ народностей (46 стр.). Кромѣ возможнаго различнаго вліянія профессій, мы можемъ предполагать и различное экономическое положеніе латышей и эстонцевъ, какъ слѣдствіе ихъ занятія тѣми или другими профессіями.

Трудность сравненія преступности различныхъ народностей увеличивается въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ имѣютъ различныя матеріальныя и процессуальныя законоположенія.

мѣненія зависятъ отъ соціальныхъ факторовъ» [1]). Болѣе подробно Колаянни обосновалъ это свое положеніе въ другой своей работѣ—«L'Homicide en Italie», напечатанной въ «La Revue Socialiste» [2]). Въ этой статьѣ Колаянни доказываетъ, что убійство совершается въ Италіи чаще, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ, и вызывается не расовыми особенностями населенія, но соціальными факторами и особенно невѣжествомъ. При разсмотрѣніи степени распространенности убійства по различнымъ провинціямъ Италіи оказывается, что однѣ изъ нихъ отличаются высокимъ развитіемъ этой преступности, другія, наоборотъ, почти совсѣмъ не знаютъ ея. Такъ, при 12,58 обвиняемыхъ въ убійствахъ на каждую сотню тысячъ жителей Италіи (въ 1895—1897 гг.) приходилось въ провинціяхъ: Girgenti — 52,65, Sassari — 36,33, Trapani—33,25, Naples—31,76, а въ Mantua—1,87, Bergamo—2,12, Padua—2,15, Sondrio—2,47. Провинціи, дающія наименьшій процентъ убійствъ, населены соціалистами, республиканцами и радикалами; наоборотъ, въ Сардиніи и Сициліи, гдѣ наиболѣе развита разсматриваемая нами преступность, почти не существуетъ указанныхъ выше партій. Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что «демократическая пропаганда оказываетъ воспитательное и умиряющее дѣйствіе на преступность». Но несомнѣнно, что эта пропаганда находитъ большій успѣхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе болѣе грамотно и развито. Разсмотрѣніе соотношенія грамотности и числа убійствъ въ Италіи приводитъ автора къ убѣжденію, что грамотность оказываетъ сдерживающее вліяніе на кровавыя преступленія. Такъ, въ наиболѣе преступныхъ провинціяхъ—Сардиніи и Сициліи—грамотность развита менѣе всего. То же самое соотношеніе наблюдается между числомъ убійствъ и числомъ неграмотныхъ въ Ломбардіи,

---

[1]) Другіе выводы Колаянни по вопросу о вліяніи расы на преступность: представители одной и той же расы одновременно могутъ имѣть различные психическіе и моральные характеры; одна и та же раса можетъ сильно мѣняться въ различные моменты; всѣ расы имѣли и имѣютъ одинаковыя формы преступности; нельзя утверждать, что нѣкоторыя расы предназначены навсегда остаться варварскими; различія между расами уменьшаются по мѣрѣ развитія цивилизаціи и пр. (стр. 305—307).

[2]) *Колаянни:* „L'Homicide en Italie". „La Revue Socialiste", 1901, № 199, Tome 34, 17 année, Paris, Stock.

Пьемонтѣ и другихъ мѣстахъ. Точно такъ же и Боско въ своемъ трудѣ объ убійствѣ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки отмѣчаетъ смягчающую роль образованія; среди тюремнаго населенія Америки треть совершенно неграмотна, между тѣмъ число неумѣющихъ ни читать, ни писать во всемъ населеніи страны едва достигаетъ 10%. Въ этой же странѣ среди населенія, прибывшаго сюда изъ европейскихъ государствъ, убійства совершаются тѣмъ чаще, чѣмъ менѣе культурна страна, изъ которой эмигранты прибыли: первое мѣсто по числу убійствъ занимаютъ итальянцы, а послѣднее — швейцарцы, датчане, норвежцы, нѣмцы, англичане. Въ швейцарскомъ кантонѣ Тессинѣ, который по населенію, расѣ, языку и географическимъ условіямъ — та же Италія, съ уменьшеніемъ безграмотности уменьшились и убійства. Но нельзя признать правильнымъ мнѣніе Колаяни, что подтвержденіемъ вліянія образованія на число убійствъ служитъ также статистика убійствъ по профессіи обвиняемыхъ. То обстоятельство, что бродячія профессіи даютъ огромный процентъ убійцъ, доходящій до 57,38 на сто тысячъ лицъ этой профессіи, а лица либеральныхъ занятій, коммерсанты и рантье почти совсѣмъ не совершаютъ этого преступленія, должно находить себѣ болѣе вѣроятное объясненіе въ различіяхъ экономическаго положенія этихъ профессій. Если мы можемъ предполагать, что лица либеральныхъ профессій, рантье и коммерсанты получаютъ то или другое образованіе, то мы не имѣемъ основаній утверждать, что лица бродячихъ занятій безграмотны. Но если они и безграмотны, то имѣемъ ли мы право объяснить ихъ участіе въ совершеніи преступленій противъ жизни ихъ безграмотностью? Различіе между положеніемъ рантье и бродячаго музыканта не ограничивается образованностью перваго и безграмотностью второго. Оно касается многихъ другихъ сторонъ и особенно глубоко и широко въ экономическомъ отношеніи. Этого различія не можетъ, конечно, отрицать Колаяни, но почему же въ такомъ случаѣ считать причиной преступленій неграмотность, а не какую-нибудь другую отличительную и характерную особенность бродячихъ профессій?

Преобладающее значеніе соціальныхъ условій надъ расовыми остроумнѣе другихъ доказалъ Жоли. Онъ изслѣдовалъ преступность жителей о. Корсики на самомъ остро-

вѣ и въ другихъ департаментахъ Франціи, и оказалось, что корсиканецъ, весьма преступный у себя на родинѣ, перестаетъ быть такимъ въ другихъ департаментахъ, гдѣ преступность его значительно понижается[1]). Этимъ фактомъ до извѣстной степени подтверждается значеніе, приписываемое сторонниками соціологической школы соціальной средѣ сравнительно съ расовыми и другими личными особенностями. Но и здѣсь возможны возраженія. Эмигрировать съ о. Корсики могутъ во Францію корсиканцы, наименѣе склонные къ преступности.

Вліяніе физическихъ факторовъ.

Разсмотрѣніе ученія уголовно-антропологической школы о вліяніи на преступность физическихъ факторовъ даетъ соціологической школѣ возможность оттѣнить и въ данномъ случаѣ значеніе соціальной среды. Такъ, по мнѣнію Колаяни, климатъ и вообще физическія условія не могутъ быть признаны въ наше время факторами общественной эволюціи: контрастъ между непрестаннымъ движеніемъ исторіи и неподвижностью, неизмѣнностью физическихъ факторовъ слишкомъ очевиденъ, чтобы на немъ приходилось останавливаться. «На сѣверѣ, какъ и на югѣ,—говоритъ Колаяни, формулируя свои окончательные выводы о значеніи физическихъ факторовъ,—въ самомъ жаркомъ и въ самомъ холодномъ климатѣ, вопреки гипотезѣ Монтескье, живутъ народы и трибы высокой честности; порокъ и добродѣтель появляются и исчезаютъ во всякой географической широтѣ и при самыхъ различныхъ условіяхъ физической среды; при одномъ и томъ же климатѣ и при одинаковыхъ географическихъ условіяхъ живутъ общества съ самыми различными физическими и моральными характерами». Этнографическое изученіе опровергаетъ гипотезу Герри, что на сѣверѣ и въ холодныхъ странахъ преобладаютъ преступленія противъ имущества, а на югѣ и въ теплыхъ странахъ—преступленія противъ личности. Воровство, убійство, нанесеніе ранъ и плотскія преступленія не являются исключительнымъ или преимущественнымъ продуктомъ какой-нибудь страны и не служатъ показателями ха-

[1]) *Joly Henri:* „La France criminelle", 2-me éd., стр. 45.

рактерной моральной флоры или фауны. Внезапность порыва, живость страстей зависятъ не отъ физической среды, но отъ степени соціальной эволюціи, которой достигъ народъ или отдѣльная личность. Климатъ, времена года и годовыя колебанія температуры не оказываютъ, по мнѣнію Колаянни, такого прямого физіологическаго вліянія, которое было бы способно побудить человѣка къ преступленію; они оказываютъ лишь косвенное, «непрямое» вліяніе, увеличивая существующія потребности. Когда въ соціальномъ организмѣ благосостояніе велико, оно нейтрализуетъ вліяніе холода, а ростъ культуры уничтожаетъ или уменьшаетъ тѣ послѣдствія, которыя могли бы проистечь отъ жары. Такъ какъ соціальная среда господствуетъ надъ физической, то этимъ и объясняется то явленіе, что при однихъ и тѣхъ же климатическихъ и физическихъ условіяхъ преступность уменьшается или увеличивается и вообще измѣняются моральныя отношенія.

Къ такимъ выводамъ пришелъ Колаянни послѣ разбора имѣвшейся въ его распоряженіи литературы. Выдвинутыя имъ соображенія соціологическаго характера безусловно заслуживаютъ глубокаго вниманія, но нельзя согласиться съ его отрицаніемъ существованія такъ называемаго календаря преступности, т.-е. опредѣленнаго распредѣленія преступности по мѣсяцамъ. Существованіе такого календаря подтверждается данными новѣйшей уголовной статистики и работами Фойницкаго, Тарновскаго и Ашафенбурга.

Изслѣдованіе Фойницкаго, впервые напечатанное еще въ 1873 году, т.-е. ранѣе работъ Ферри и Лакассаня, произведено на основаніи данныхъ французской и англійской уголовной статистики. Если разсматривать всю преступность, не раздѣляя ее на совершенно различныя между собою группы преступленій противъ личности и собственности, то на каждый мѣсяцъ приходится почти одно и то же число преступныхъ дѣяній. Мало замѣтны колебанія также по временамъ года. Такъ, во Франціи въ періодъ съ 1836 по 1869 г. на зиму выпадало 25,93 всѣхъ преступленій, на весну—24,36, на лѣто—25,14 и на осень—24,57%. Но если разсматривать преступленія противъ личности и собственности отдѣльно, то разница въ распредѣленіи этихъ преступленій становится болѣе замѣтной: наименьшее число преступленій противъ личности выпадаетъ на зиму и

осень, а наибольшее—на лѣто и весну; наоборотъ, наименьшее число преступленій противъ собственности совершается лѣтомъ и весною, а наибольшее—зимою и осенью (27,69 зимой, 23,80 весной, 23,22 лѣтомъ и 25,29 осенью). Это же соотношеніе наблюдается и при разсмотрѣніи преступности по мѣсяцамъ во Франціи и Англіи (по наблюденіямъ Фойницкаго), въ Германіи (по изысканіямъ Ашафенбурга), въ Россіи (по изысканіямъ Тарновскаго) и въ Бельгіи, по даннымъ уголовной статистики.

Таблица XV.

Помѣсячное распредѣленіе преступленій противъ личности въ Бельгіи [1]), Англіи, Франціи, Германіи и Россіи [2]).

	Бельгія.		Преступленія противъ личности.			
	Обид. клевета.	Раны.	Англ.	Франція.	Германія.	Россія.
Январь	5,7	7,2	85	87	78	83
Февраль	6,9	7,2	72	95	83	86
Мартъ	8,5	7,3	82	94	81	66
Апрѣль	7,9	7,4	101	97	94	109
Май	9,0	9,1	105	113	108	118
Іюнь	11,1	9,2	119	124	116	122
Іюль	11,8	10,5	123	112	121	115
Августъ	11,3	10,6	119	112	128	113
Сентябрь	9,4	9,0	117	101	118	113
Октябрь	6,3	8,9	104	90	102	109
Ноябрь	6,5	7,8	89	88	91	86
Декабрь	4,5	5,6	83	86	78	78
Среднее	8,3%	8,3%	100	100	100	100

[1]) Процентное отношеніе преступности въ Бельгіи по мѣсяцамъ высчитано нами на основаніи цифръ Statistique criminelle de la Belgique (statistique judiciaire de la Belgique 4-me année 1902), стр. 172.

[2]) Цифры преступности въ Англіи (1896 — 1900), Франціи (1824—1879), Германіи (1883—1892) и Россіи (1892—1898) взяты у *Е. Н. Тарновскаго* („Жур. Мин. Юст.“, 1903 г.).

Таблица XVI.

Помѣсячное распредѣленіе преступленій противъ собственности въ Англіи, Франціи, Германіи и Россіи [1]).

	Англія.	Франція.	Германія.	Россія.
	Всѣ преступленія противъ собственности.			
Январь	109	112	109	105
Февраль	101	109	108	105
Мартъ	97	98	96	91
Апрѣль	98	92	90	77
Май	98	93	93	87
Іюнь	98	93	93	87
Іюль	98	91	92	85
Августъ	98	92	93	94
Сентябрь	99	95	93	106
Октябрь	104	99	104	107
Ноябрь	108	110	113	101
Декабрь	98	116	117	109
Среднее	100	100	100	100

Существованіе календаря преступности представляется несомнѣннымъ, но и значеніе соціальныхъ факторовъ въ помѣсячномъ распредѣленіи различныхъ преступленій также лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Ферри уже въ первые годы своей научной дѣятельности, когда онъ былъ склоненъ придавать соціальной средѣ менѣе значенія, чѣмъ придаетъ теперь, призналъ въ своемъ отвѣтѣ на критику Колаяни, что измѣненія преступности по мѣсяцамъ стоятъ въ связи не только съ вліяніемъ температуры, но и съ

[1]) См. ук. статью *Е. Н. Тарновскаго.*

соціальными факторами. На значеніе этихъ же послѣднихъ факторовъ указываютъ и цитированные нами выше авторы: Фойницкій, Тарновскій, Ашафенбургъ, а также Тардъ.

Такъ, проф. Фойницкій объяснилъ ростъ преступленій противъ собственности зимою увеличеніемъ трудности борьбы за существованіе и рекомендовалъ, какъ средство борьбы съ этой преступностью, организацію труда, которая избавила бы рабочій людъ отъ вреда вліяній холодныхъ мѣсяцевъ. Е. Н. Тарновскій говоритъ, что «преступленія вообще распредѣляются помѣсячно не случайно, а въ зависимости отъ опредѣленныхъ атмосферическихъ, какъ равно и общественныхъ условій», и полагаетъ, что это распредѣленіе должно мѣняться при переходѣ изъ одной среды въ другую въ связи съ измѣненіемъ рода занятій, мѣстожительства, степени достатка и проч. Интересно, что, по даннымъ русской статистики, въ теплое время года относительный уровень числа женщинъ-преступницъ выше, а въ холодное время ниже числа мужчинъ-преступниковъ. Авторъ предполагаетъ на основаніи этого факта, что женщина чувствительнѣе мужчины къ перемѣнамъ температуры, такъ какъ ея психофизическая организація болѣе впечатлительна. Но едва ли такое предположеніе справедливо: Не вѣрнѣе ли искать объясненіе въ соціальныхъ условіяхъ? Такъ, «по тѣлеснымъ поврежденіямъ относительное число женщинъ достигаетъ максимума лѣтомъ, въ іюлѣ, на 47% выше уровня мужчинъ, и опускается до минимума зимой (въ декабрѣ), на 35% ниже декабрьскаго уровня осужденныхъ мужчинъ». Но русской женщинѣ приходится вести особенно затворническую жизнь зимой, а лѣтомъ, въ рабочую пору, чаще сталкиваться съ народомъ; въ жизни же мужчины лѣтомъ и зимой различіе не настолько ярко, какъ у женщины, и потому разница между лѣтнимъ максимумомъ и зимнимъ минимумомъ не такъ велика. Во всякомъ случаѣ объясненію г. Тарновскаго противорѣчитъ имъ же самимъ указываемый фактъ: «по кражѣ, подвѣдомственной общимъ судебнымъ установленіямъ, относительное число женщинъ выше «уровня мужчинъ въ лѣтнее время и ниже въ холодное полугодіе — осенью и зимой».

Возрастаніе преступленій противъ собственности въ холодное время объясняется экономическимъ положеніемъ

бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, ко всѣмъ тягостямъ котораго зимой присоединяется новый врагъ — холодъ. Увеличеніе преступности противъ личности въ лѣтнее время объясняется болѣе частымъ въ теплое время нахожденіемъ населенія внѣ дома, работами на воздухѣ, прогулками и проч. Разсмотрѣніе времени совершенія отдѣльныхъ преступленій противъ личности и противъ собственности также убѣждаетъ въ значеніи соціальной среды. Наибольшій процентъ изнасилованій падаетъ на лѣтніе мѣсяцы, а наименьшій—на зимніе. Очевидно, что бо́льшая возможность совершенія этого преступленія лѣтомъ, когда населеніе чаще, чѣмъ въ другія времена года, отлучается изъ дому, вполнѣ понятна. Бродяжничество въ Россіи выше средняго съ іюля по ноябрь. Г. Тарновскій объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что приближеніе зимы заставляетъ лицъ, не имѣющихъ узаконеннаго вида на жительство, добровольно заявлять властямъ о своемъ бродяжничествѣ, чтобы найти пріютъ хотя бы въ тюрьмѣ. Нищенство мало развито лѣтомъ, такъ какъ въ это время бѣдняку легче прокормиться, и т. д.

Такимъ образомъ, признавая существованіе календаря преступности, мы думаемъ, что измѣненіе соціальныхъ условій должно внести измѣненіе и въ этотъ календарь преступности.

Вліяніе на преступность бѣдности.

Изъ предшествующаго изложенія не трудно было видѣть, насколько велико значеніе причинъ соціальнаго порядка и особенно неравномѣрности въ распредѣленіи богатствъ, дающей избытокъ и довольство однимъ и осуждающей другихъ ко всѣмъ лишеніямъ и страданіямъ бѣдности: къ постоянному недоѣданію отъ самаго рожденія и до преждевременной смерти, къ физическому и моральному отравленію въ сквернѣйшихъ жилищахъ, къ истощенію своихъ силъ въ тяжелой и нездоровой работѣ, къ жизни, лишенной здоровыхъ развлеченій, и къ преступности.

Такой взглядъ, конечно, не общепризнанный; наоборотъ, вопросъ о вліяніи на преступность бѣдности и богатства, по справедливому выраженію Тарда, — «излюбленное поле битвы для двухъ крайнихъ фракцій позитивной школы: фракціи соціалистовъ (Колаяни, Турати) и ортодоксовъ

(Гарофало и др.)» [1]). Съ ученіемъ наиболѣе яркаго представителя того направленія, которое склонно или совсѣмъ отрицать существованіе бѣдности, какъ общественнаго зла, или отвергать пагубное вліяніе неравномѣрнаго распредѣленія собственности на преступность, намъ уже приходилось встрѣчаться выше, въ главѣ о предшественникахъ соціологической школы науки уголовнаго права: это—баронъ Рафаэль Гарофало. Между взглядами Колаянни и Гарофало такая глубокая пропасть, что о компромиссѣ, о какомъ-нибудь соединеніи этихъ двухъ противоположныхъ теорій въ одну не можетъ быть и рѣчи. Но за пятнадцать лѣтъ, истекшія со времени появленія этихъ двухъ трудовъ, криминалистическая литература обогатилась цѣлымъ рядомъ другихъ работъ, посвященныхъ выясненію значенія для преступности бѣдности, и если до сихъ поръ криминалистъ не можетъ констатировать согласнаго, однообразнаго рѣшенія интересующаго насъ вопроса, то онъ и не можетъ пожаловаться на недостатокъ изслѣдованій по этому предмету. Несомнѣнно, что существующаго теперь разнообразія мнѣній не было бы, если бы уголовная статистика давала точныя свѣдѣнія о степени имущественной состоятельности осужденныхъ или обвиняемыхъ. Но, къ сожалѣнію, такого матеріала уголовно-статистическіе отчеты не сообщаютъ. Къ несовершенствамъ уголовной статистики присоединяются недостатки общей: мы не обладаемъ вполнѣ точными и опредѣленными свѣдѣніями о размѣрѣ богатства и бѣдности различныхъ классовъ общества. Что касается свѣдѣній о богатствѣ различныхъ народовъ, то на нихъ нельзя строить никакихъ выводовъ въ интересующемъ насъ отношеніи по той причинѣ, что имѣетъ значеніе не сумма богатствъ, находящихся въ предѣлахъ государства, но распредѣленіе этихъ богатствъ между гражданами этого государства.

Но если нѣтъ прямыхъ путей для опредѣленія вліянія бѣдности на преступность, то существуетъ одинъ окольный путь, которымъ уже шли многіе изслѣдователи и которымъ воспользовался въ числѣ другихъ криминалистовъ соціологической школы также Колаянни. Этотъ путь состоитъ въ выясненіи роста преступности въ годы голодо-

[1]) *Tarde*: „La philosophie pénale“, стр. 390.

вокъ и урожаевъ, въ годы возвышенія и паденія цѣнъ на необходимые жизненные припасы. Противъ такого метода изслѣдованія возможны возраженія. Если въ неурожайные годы наблюдается увеличеніе преступности, то можемъ ли мы утверждать, что такое возвышеніе обязано своимъ происхожденіемъ увеличенію преступности именно бѣднѣйшихъ слоевъ населенія? Не имѣемъ ли мы въ такомъ случаѣ право сдѣлать лишь тотъ неоспоримый выводъ, что неурожаи вліяютъ неблагопріятно на преступность всей страны, а не тѣхъ или другихъ слоевъ населенія этой страны? Но уже и такой выводъ представляется весьма цѣннымъ для уголовнаго политика, ясно раскрывая передъ нимъ всю безполезность обычныхъ средствъ борьбы съ преступностью въ голодные годы. Однако, дѣлая указанный выше выводъ о связи между неурожаями страны и ея преступностью, мы имѣемъ вѣскія основанія предполагать, что увеличеніе «бюджета» преступности въ голодные годы дается именно нуждающимися слоями населенія. Основаній для такого предположенія нѣсколько. Во-первыхъ, число лицъ, принадлежащихъ къ состоятельнымъ классамъ, слишкомъ ничтожно, чтобы могло вліять на значительное измѣненіе преступности всей страны [1]). Во-вторыхъ, если предположительно отнести это увеличеніе преступности въ годы неурожаевъ на долю богатыхъ классовъ, то невозможно найти объясненіе такого вліянія высокихъ цѣнъ хлѣба, картофеля, мяса на тѣхъ, кто расходуетъ на эти предметы первой необходимости лишь самую ничтожную часть своихъ доходовъ. Наоборотъ, не представляетъ никакихъ трудностей объясненіе роста преступности бѣдныхъ въ годы нужды и соотвѣтствующаго ея паденія въ годы болѣе низкихъ цѣнъ, такъ какъ при ограниченности бюджета нуждающихся слоевъ населенія всякія колебанія цѣнъ на предметы первой необходимости отражаются на всѣхъ статьяхъ ихъ расхода.

---

[1]) Такъ, по вычисленію *Fornasari di Verce* („La criminalità e le vicende economiche d'Italia", 1894, стр. 3), въ Италіи приходилось по переписи 1881 г. на каждую тысячу жителей 609,34 человѣка, имѣющихъ лишь самое необходимое, чтобы не умереть съ голоду, и лишь 42,70 капиталистовъ, собственниковъ, чиновниковъ. Въ Англіи, по словамъ *Гобсона* („Проблемы бѣдности и безработицы". Перев. 1900 г., стр. 5), только три человѣка изъ десяти могутъ вести жизнь, свободную отъ гнетущихъ заботъ строгой экономіи.

Выяснить вліяніе бѣдности на преступность можно также и еще однимъ путемъ: посредствомъ изученія условій жизни бѣдныхъ слоевъ населенія и осужденныхъ до совершенія ими преступленій.

Переходя къ выясненію значенія бѣдности, какъ фактора преступности, мы прежде всего остановимся на вліяніи жилищъ бѣдноты, а затѣмъ обратимся къ изслѣдованію того вліянія, которое оказываютъ на преступность неурожайные годы и цѣны необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ.

а) Вліяніе на преступность жилища.

Съ каждымъ днемъ вопросъ о квартирахъ бѣдныхъ классовъ городского населенія и особенно пролетаріата большихъ городовъ получаетъ все большее и большее значеніе; всего чаще на Западѣ городскіе муниципалитеты начинаютъ удѣлять ему свое вниманіе и средства; устраиваются жилища для неимущихъ, организуются мѣстные и международные съѣзды лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ. Но то, что сдѣлано,—лишь капля въ морѣ. Размѣры этого общественнаго зла остаются громадны, какъ прежде, или даже увеличиваются, благодаря повсемѣстно наблюдаемому бѣгству крестьянъ изъ ихъ деревень въ города, куда гонятъ ихъ нужда, недовольство своимъ положеніемъ или надежда завоевать себѣ лучшее положеніе здѣсь, среди поражающей глазъ деревенскаго жителя непривычной роскоши и богатства. Но этотъ крестьянинъ, превратившійся въ городского пролетарія, очень скоро узнаетъ на самомъ себѣ, цѣною чьихъ усилій и какихъ лишеній создается этотъ «внѣшній блескъ роскоши города, скрывающаго въ себѣ позоръ и соціальныя страданія и являющагося одновременно носителемъ красоты и мерзости» [1]). Одной изъ этихъ «мерзостей» является жилище бѣдняка, этотъ разсадникъ заразныхъ болѣзней и очагъ городской смертности. Но насъ интересуетъ въ настоящее время жилище бѣдноты не съ гигіенической, а съ криминалистической точки зрѣнія.

На громадное значеніе для преступности дурного состоянія жилищъ бѣдныхъ классовъ населенія уже ранѣе ука-

[1]) *Prinz*: „Преступность и репрессія“, стр. 10.

зывалось представителями соціологическаго направленія въ наукѣ уголовнаго права. Къ сожалѣнію, эти указанія носили общій характеръ, не сопровождались доказательствами или результатами наблюденій, и этотъ вопросъ первостепенной важности въ этіологіи преступности оставался въ тѣни. Отсутствіе трудовъ по вопросу о вліяніи состоянія жилищъ на преступность объясняется трудностью такого изслѣдованія: въ то время какъ для выясненія вліянія жилищъ въ гигіеническомъ отношеніи уже давно выработаны извѣстные пріемы изслѣдованія и зарегистрированія случаевъ смерти и заразныхъ болѣзней, дѣло выясненія роли жилищъ въ совершеніи преступленій еще совсѣмъ новое. Тѣмъ большее значеніе получаютъ тѣ немногія работы, которыми можетъ воспользоваться криминалистъ, чтобы показать, насколько было справедливо и не преувеличено мнѣніе Колаянни и другихъ сторонниковъ соціологической школы въ наукѣ уголовнаго права о значеніи состоянія жилищъ, какъ фактора преступности. Среди этихъ работъ наиболѣе замѣчательна работа Шнетцлера, на которую до сихъ поръ не встрѣчалось указаній въ уголовной литературѣ.

Шнетцлеръ, авторъ доклада, представленнаго брюссельскому международному конгрессу о дешевыхъ жилищахъ, избралъ предметомъ своего изслѣдованія городъ Лозанну [1]). Въ городѣ, разбитомъ на 25 кварталовъ, была высчитана плата каждой квартиры и затѣмъ опредѣлена средняя плата за квартиру въ каждомъ изъ 25 кварталовъ, Она оказалась ниже 400 франковъ въ годъ въ десяти наиболѣе бѣдныхъ кварталахъ, а въ остальныхъ 15 - выше этой суммы. Состояніе каждой недвижимости было подвергнуто осмотру и оцѣнкѣ балломъ и затѣмъ была высчитана средняя оцѣнка балломъ общаго состоянія недвижимости въ каждомъ кварталѣ. Точно такъ же было опредѣлено среднее количество воздуха, приходившееся на каждаго жильца въ квартирахъ различныхъ участковъ. Такимъ образомъ въ рукахъ автора получился точный цифровой матеріалъ, по-

---

[1]) „Enquête sur les conditions des logements". Année 1894. Supplément au rapport général présenté à la Municipalité de Lausanne, par André Schnetzler, 1899. Значеніе цифръ Шнетцлера нѣсколько умаляется, впрочемъ, небольшими размѣрами города Лозанны.

служившій ему основаніемъ для опредѣленія по каждому изъ 25 кварталовъ процента рождаемости, всей смертности вообще и дѣтской въ частности, заразныхъ болѣзней, числа разводовъ и преступленій. Свои вычисленія авторъ сопровождаетъ прекрасно составленными чертежами въ краскахъ. Оставляя въ сторонѣ діаграммы смертности, рождаемости и др., мы обратимся къ разсмотрѣнію лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя выясняютъ намъ отношеніе между преступностью и качествомъ квартиръ по участкамъ.

На основаніи вычисленій Шнетцлера мы сдѣлали слѣдующую сводную таблицу изъ трехъ столбцовъ: въ первомъ столбцѣ расположили въ убывающемъ порядкѣ участки по числу совершонныхъ въ нихъ преступленій, приходившихся на каждую тысячу жителей, во второмъ помѣстили эти же участки въ порядкѣ оцѣнки баллами общаго состоянія недвижимости и въ третьемъ столбцѣ расположили эти же 25 кварталовъ въ нисходящемъ порядкѣ количества воздуха на каждаго жителя. Кварталы обозначены буквами, и подчеркнутыя буквы обозначаютъ кварталы, въ которыхъ цѣна квартиръ оказалась въ среднемъ ниже 400 франковъ въ годъ.

№№	Число преступленій.		Оцѣнка недвижимости балломъ.		Количество воздуха на жильца.	
1.	**B**	25,9	**C**	4,75	X	84,2
2.	**C**	24,9	**H**	4,66	N	66,2
3.	**R**	20,5	**B**	4,36	V	64,9
4.	G	18,3	**R**	4,34	E	60,7
5.	**Z**	18,0	**P**	4,32	J	60,6
6.	**P**	17,4	Q	4,10	F	59,6
7.	O	14,2	**U**	3,91	I	59,5
8.	**H**	13,9	**S**	3,72	Y	53,7
9.	Q	13,2	**K**	3,59	M	52,2
10.	**L**	13,0	D	3,48	A	45,4
11.	**U**	12,9	T	3,42	G	45,2
12.	D	12,8	A	3,10	**D**	39,5
13.	**S**	12,2	**Z**	3,01	**L**	36,5
14.	A	10,5	O	2,99	**S**	34,3
15.	T	9,1	E	2,93	**U**	34,4
16.	V	8,4	N	2,66	T	33,6
17.	**K**	6,7	G	2,64	**P**	32,5
18.	Y	5,6	F	2,63	Q	31,8
19.	J	4,3	I	2,50	**B**	30,5
20.	F	4,2	M	2,46	**H**	30,4
21.	I	3,7	**L**	2,23	**K**	30,2

№№	Число преступлений.		Оцѣнка недвижимости балломъ.		Количество воздуха на жильца.	
22.	N	2,9	Y	2,07	O	30,0
23.	X	2,5	V	2,01	**Z**	29,8
24.	M	2,5	J	1,91	**C**	26,4
25.	E	1,6	X	0,81	**R**	26,1

Средняя преступность по всѣмъ 25 кварталамъ=11.

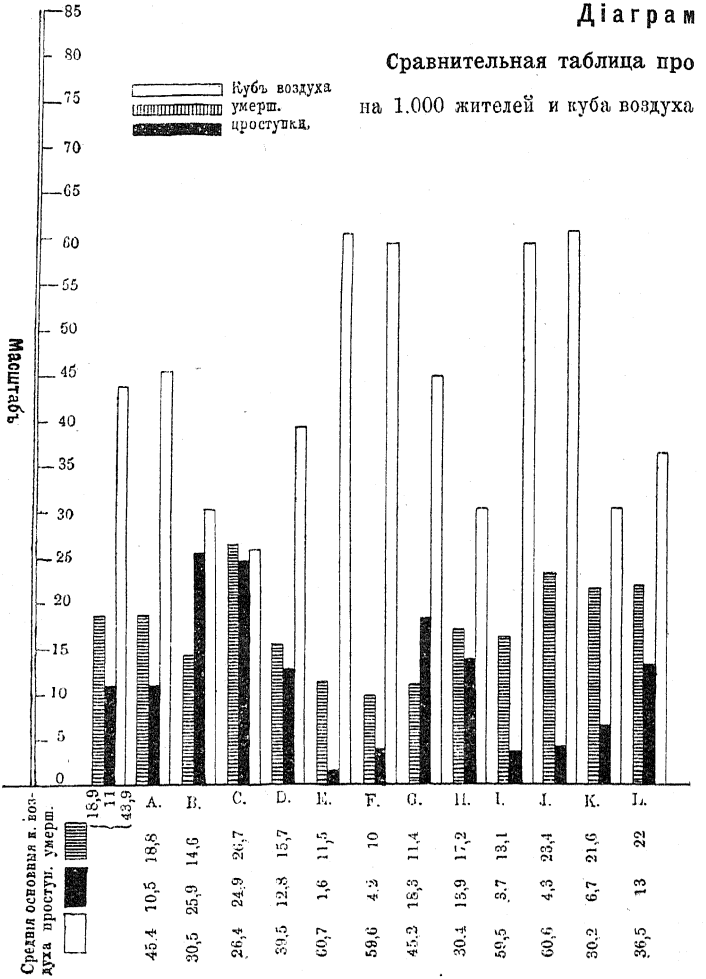
Среднее количество воздуха на жильца по всѣмъ 25 кварталамъ=45,4.

Разсмотрѣніе этихъ цифръ показываетъ, что между преступностью и состояніемъ жилищъ существуетъ прямое соотношеніе (см. діаграмму I). При средней преступности по всѣмъ 25 кварталамъ въ 11% на 1.000 жителей тринадцать кварталовъ оказываются съ преступностью выше средней и въ числѣ ихъ всѣ кварталы, кромѣ одного, съ цѣною квартиръ ниже 400 фр. въ годъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преступность достигаетъ очень высокой сравнительно цифры: такъ, въ кварталѣ *B* и *C* она болѣе чѣмъ въ два раза выше средней (25,9 и 24,9 на 1.000 жителей). Только одинъ кварталъ *K* съ дешевыми квартирами и съ малымъ количествомъ воздуха на жильца стоитъ благопріятно въ отношеніи преступности. Что касается четырехъ кварталовъ—G, O, Q и D—съ преступностью выше средней и квартирной платой выше 400 фр., то большая преступность трехъ изъ нихъ—O, Q и D—объясняется полною неудовлетворительностью ихъ въ гигіеническомъ отношеніи: въ нихъ приходится на жильца количество воздуха меньше средняго и въ двухъ смертность значительно выше средней,—при средней смертности 18,9 приходилось умершихъ въ кварталѣ O—33 и Q—20,5. Такимъ образомъ только одинъ кварталъ G, хорошо стоящій въ гигіеническомъ отношеніи, дастъ, въ силу вліянія другихъ факторовъ, большое число преступленій.

Изъ второго столбца и сравненія его съ первымъ можно видѣть, что наиболѣе преступными оказываются кварталы, гдѣ баллъ оцѣнки общаго состоянія недвижимости хуже, и, наоборотъ, замѣчается почти полное отсутствіе преступленій въ кварталахъ, гдѣ баллъ оцѣнки лучше (лучшій баллъ въ кварт. X — 0,81 съ преступностью 2,5, а худшій въ кварталѣ *C*—4,75 съ преступностью 24,9).

Наконецъ, разсмотрѣніе соотношенія между количествомъ воздуха, приходившагося на жильца, и преступностью ясно показываетъ, что наименѣе преступными оказываются кварталы, гдѣ на человѣка приходится больше воздуха, и наоборотъ: гдѣ приходится его меньше, тамъ преступность стоитъ выше: такъ, кварталы *R* и *C* занимаютъ два послѣднія мѣста по количеству воздуха въ жилищахъ и стоятъ на 2 и 3 мѣстѣ по высотѣ ихъ преступности. Такъ задыхаются бѣдные люди въ душной атмосферѣ конуръ не только физически, но и морально.

Мы увидимъ ниже, что жильцы, ютящіеся въ сырыхъ подвалахъ, въ углахъ, на чердакахъ и переполняющіе конуры-комнаты, даютъ большій процентъ всѣхъ преступленій: и противъ личности, и противъ собственности, и противъ общественной тишины, и пр. Чѣмъ объясняется такое дурное вліяніе скверныхъ жилищъ на преступность? Прежде всего, конечно, тѣмъ, что условія жизни въ дурныхъ жилищахъ развращаютъ ребенка съ самаго ранняго дѣтства. Что онъ видитъ здѣсь? Потемки угла темной, переполненной жильцами комнаты, не настолько темной, чтобы скрыть отъ ребенка картины грубаго пьянства и открытаго разврата. Онъ слышитъ циничную брань и усваиваетъ ее въ совершенствѣ ранѣе, чѣмъ узнаетъ первую букву азбуки. Грязныя улицы бѣдныхъ кварталовъ, гдѣ играетъ этотъ ребенокъ, не даютъ ему ничего новаго, чего онъ не видѣлъ бы у себя дома, а богатыя роскошныя улицы только еще ярче и сильнѣе даютъ чувствовать сознанію подрастающаго пролетарія всю пропасть между его положеніемъ и классомъ богатыхъ, показывая, какъ много всего есть у другихъ и ничего у него самого, кромѣ рукъ для постоянной работы, не всегда достаточно сильныхъ и здоровыхъ и не всегда находящихъ занятіе. Нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ ребенокъ, выросшій среди дурныхъ примѣровъ скверныхъ жилищъ, пойдетъ по пути преступленія, будетъ пьянствовать, устраивать драки, красть и пр. Но дурныя жилища оказываютъ вліяніе на человѣка, выросшаго и въ другой, лучшей обстановкѣ; особенно замѣтно такое вліяніе на преступленія противъ личности, и оно легко объяснимо. Скученные въ тѣсной комнатѣ жильцы тѣмъ чаще сталкиваются другъ съ другомъ, чѣмъ ихъ больше; на каждомъ шагу у нихъ есть

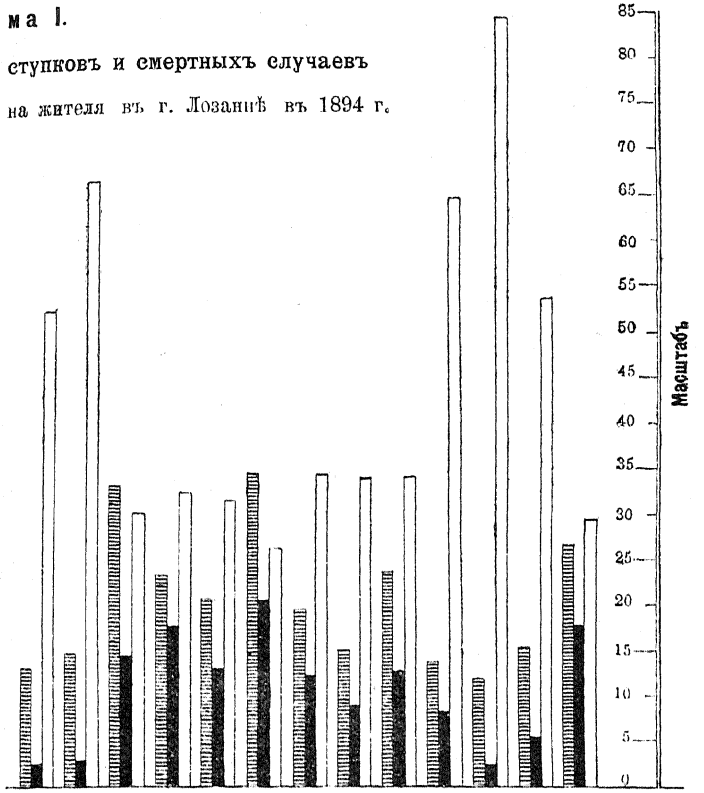


основанія къ распрямъ, брани и оскорбленіямъ. Такъ, напримѣръ, у насъ, въ Россіи, неизсякаемымъ источникомъ многочисленныхъ столкновеній является пользованіе всѣми жильцами одною общею печью, однимъ столомъ для ѣды и т. д. Въ комнатѣ, тѣсно заставленной койками, жильцу

ма I.

ступковъ и смертныхъ случаевъ

на жителя въ г. Лозаннѣ въ 1894 г.



	M	N.	O	P.	Q.	R.	S.	T.	U.	V.	X.	Y.	Z.
	13	14,6	32	28,4	26,5	31,6	19,6	15,1	23,7	13,9	11,8	15,4	27
	2,5	2,9	14,2	17,4	13,2	20,5	12,2	9,1	12,9	8,4	2,5	5,6	18
	52,2	68,2	30	32,5	31,8	26,1	34,4	33,6	34,3	64,9	84,4	53,7	29,8

приходится лавировать между этими непрочными сооруженіями и скарбомъ сосѣдей, и неловкій шагъ влечетъ за собою ссору. Все это поддерживаетъ въ жильцахъ далеко не дружелюбныя отношенія другъ къ другу и устанавливаетъ среди нихъ ту напряженность настроенія, которая

такъ часто и бурно прорывается въ грубой брани и взаимныхъ оскорбленіяхъ. Эти своеобразныя коммуны — фаланстеры суровой дѣйствительности — воспитываютъ въ своихъ обитателяхъ чувства, совершенно противоположныя тѣмъ, на развитіе которыхъ разсчитывалъ утопистъ Фурье въ своихъ идеальныхъ фалангахъ.

Подтвержденіе этому объясненію вліянія густоты населенія на преступность мы находимъ и въ уголовной статистикѣ: преступность обыкновенно стоитъ выше тамъ, гдѣ гуще населеніе. Такъ, напримѣръ, въ Саксенъ-Мейнингенскомъ герцогствѣ въ 1893—1897 гг. преступность была выше въ округахъ, гдѣ на 1 кв. килом. и на жилое помѣщеніе приходилось больше жителей [1]).

Совершенно такое же явленіе установлено въ Мадридѣ наблюденіями Квироса и Агиланіедо. Изъ 8 кварталовъ Мадрида три населены бѣднотою; здѣсь насчитывается 152.124 жителя, т.-е. $^2/_5$ населенія всего города. Въ то время какъ въ 5 болѣе достаточныхъ кварталахъ приходится въ среднемъ 38 жителей на домъ, въ трехъ бѣдныхъ кварталахъ ихъ насчитывается отъ 52 до 55, и въ то же время на эти же кварталы выпадаетъ наибольшее число внѣбрачныхъ рожденій, преступленій и пьянства. За 1895—1897 гг. 76.913 человѣкъ изъ этихъ кварталовъ появились передъ городскими судьями Мадрида.

Приведенныя до сихъ поръ цифры относились къ общей преступности, безъ раздѣленія ея на ея типичныя формы: преступленія противъ собственности, личности и общественнаго порядка. Въ таблицахъ Шнетцлера мы находимъ

---

[1]) *Вейдеманъ:* „Die Ursachen der Kriminalität im Herzogtum Sachsen-Meiningen. Berl.“, 1903 (Abhand. d. Krim. Sem. an der Univ. Berl.), стр. 42.

Названіе округа.	На 100.000 мужск. civilpers осуждено.	Число жителей на 1 кв. кил.	Число жителей на 1 жилой домъ.
Мейнингенъ	1794	87,60	8
Хильдбургхаузенъ. . . .	1828	74,44	8
Заальфельдъ	2077	109,75	8,5
Зоннебергъ	2848	179,07	12

отвѣты и на эти интересные вопросы. Такъ, напримѣръ, драки распредѣлялись по кварталамъ слѣдующимъ образомъ:

C—19	Y—6	T—5	F—3	E—1
L—14	H—5	A—4	O—3	I—1
Z—13	G—5	B—4	Q—3	N—1
P—11	K—5	R—4	J—2	V—1
U— 6	S—5	X—4	M—2	D—0

Итакъ, въ кварталѣ *C*, одномъ изъ самыхъ скверныхъ по своимъ гигіеническимъ условіямъ, занимающемъ предпослѣднее мѣсто по количеству воздуха, приходящагося на человѣка, совершается столько же дракъ, сколько въ восьми вмѣстѣ взятыхъ кварталахъ, въ которыхъ приходится болѣе всего воздуха на каждаго жильца (A, N, V, E, J, F, X, Y).

Такъ же распредѣляются преступки, вызванные столкновеніями съ полиціей: сопротивленіе, оскорбленіе и угрозы агентамъ полиціи и нарушеніе общественной тишины. Кварталы съ дурными жилищами занимаютъ подъ рядъ девять первыхъ мѣстъ по числу этихъ нарушеній, и въ то время, когда обитатели душныхъ, грязныхъ квартиръ дерутся другъ съ другомъ, нарушаютъ общественную тишину уличными скандалами и сталкиваются съ полицейскими агентами, жильцы болѣе достаточныхъ кварталовъ живутъ почти безъ всякаго риска быть поколоченными и безъ всякихъ непріятностей съ полиціей. Нарушеніе общественной тишины, конечно, легче совершить тому, кто выросъ не въ тишинѣ спокойной дѣтской, но среди несмолкаемаго шума переполненной квартиры, среди постоянныхъ раздоровъ жильцовъ, кто не можетъ вполнѣ понимать и цѣнить значеніе тишины, такъ какъ не знаетъ ея. Правда, нарушенія общественной тишины совершаются чаще всего лицами, находящимися въ состояніи опьяненія, но и въ этихъ случаяхъ вліяніе жилища является иногда косвенной причиной; глубоко правы многочисленные сторонники того взгляда, что дурныя жилища вліяютъ на развитіе алкоголизма. Не трудно нарисовать себѣ картину возвращенія къ себѣ домой рабочихъ въ ихъ квартиры безъ свѣта и воздуха, тѣсныя и грязныя. Что же удивительнаго, что они бѣгутъ отсюда въ трактиръ, ресторанъ,

кафе, гдѣ чисто, такъ много свѣту и весело, особенно за стаканомъ вина [1]).

Изученію вліянія дурныхъ жилищъ на проституцію посчастливилось болѣе, чѣмъ вопросу о вліяніи жилищъ на преступность: лишь рѣдкіе изслѣдователи (и въ числѣ ихъ Ломброзо) проходятъ молчаніемъ или суживаютъ значеніе здѣсь соціальныхъ условій вообще и громаднаго значенія жилищъ въ частности. При современномъ состояніи жилищъ ихъ вліяніе на ростъ проституціи неизбѣжно и вполнѣ понятно. Такъ, при обслѣдованіи жилищныхъ условій городского населенія повсемѣстно и часто были обнаруживаемы не только случаи, когда койки и кровати дѣвушекъ находились бокъ о бокъ съ кроватями мужчинъ, но были констатируемы случаи въ родѣ слѣдующихъ: «двѣ дѣвушки и взрослый мальчикъ спятъ на одной кровати», или: «15-лѣтняя дѣвушка спитъ вмѣстѣ съ отцомъ на одной койкѣ» и т. д. [2]). Бываютъ, и не только въ видѣ исключенія, случаи, когда проститутки живутъ въ общей съ другими жильцами комнатѣ, а дѣти и дѣвушки являются невольными свидѣтелями картинъ, развращающихъ и умъ и душу. При такихъ условіяхъ жизни легче пасть, чѣмъ устоять.

Дурное состояніе квартиръ бѣднаго люда — явленіе повсемѣстное; бѣдные классы всѣхъ народовъ одинаково страдаютъ отъ этого зла, но больше и хуже въ большихъ промышленныхъ центрахъ и особенно въ такъ называемыхъ рабочихъ кварталахъ этихъ центровъ. Такъ, въ Парижѣ, по анкетѣ 1890 г., было обнаружено, что изъ 19.284 семей рабочихъ 9.364 семьи жили каждая въ одной комнатѣ и изъ нихъ 2.186 семей въ мансардахъ и 200 въ подвалахъ. Въ 1.511 семьяхъ было болѣе пяти человѣкъ, помѣщавшихся въ одной комнатѣ. Рабочія квартиры въ Парижѣ, по словамъ изслѣдователя, недостойны цивилизованнаго населе-

---

[1]) На преступленіяхъ противъ собственности мы замѣчаемъ также вліяніе числа жителей, приходящихся на домъ: въ Саксенъ-Мейнингенскомъ герцогствѣ воровства и обмана больше въ тѣхъ округахъ, гдѣ больше жителей на каждое жилое помѣщеніе, а изъ таблицъ Шнетцлера видно, что воровство развито болѣе въ кварталахъ съ скверными квартирами.

[2]) *Dr. Lux*: „Die Prostitution, ihre Folgen und ihre Bekämpfung“, 1894, стр. 15.

нія столицы Франціи. Бертильонъ въ своей прекрасной работѣ по сравнительной статистикѣ перенаселенія квартиръ въ столицахъ нашелъ, что 331.976 парижанъ, т.-е. 14% населенія Парижа, жили въ переполненныхъ квартирахъ [1]).

Въ Брюсселѣ, по заключенію проф. Дэни, только пятая часть рабочаго населенія живетъ въ удовлетворительныхъ квартирахъ, несмотря на то, что этотъ городъ еще въ 1843 г., первый изъ бельгійскихъ городовъ, подробно обслѣдовалъ жилищныя условія бѣдноты, и съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ не переставалъ занимать если не городское самоуправленіе, то лучшихъ его представителей. Внесенію въ 1889 г. въ палату депутатовъ проекта о рабочихъ жилищахъ предшествовало изученіе квартирнаго вопроса, и комиссія пришла къ убѣжденію, что сотни тысячъ квартиръ должны быть разсматриваемы какъ абсолютно нездоровыя [2]).

Въ чрезвычайно печальномъ положеніи находится квартирный вопросъ въ Италіи. Извѣстный итальянскій криминалистъ Ферріани вздумалъ самъ заглянуть въ жилища бѣдняковъ. Онъ нашелъ, что жилища бѣднаго люда являются нарушеніемъ элементарныхъ требованій гигіены, нравственности и человѣчности. Гигіена, нравственность и человѣчность безнаказанно попираются здѣсь домовладѣльцами. Во время своего обхода квартиръ онъ видѣлъ картины глубокой нищеты, эхомъ отзывающейся такъ часто въ камерахъ мировыхъ судей,—«картины, такъ надрывающія сердце, что ихъ передача покажется многимъ плодомъ фантазіи». Авторъ замѣчаетъ: «я говорю—жилые дома, а на самомъ дѣлѣ такое названіе часто никакъ нельзя примѣнить къ грязнымъ конурамъ, въ которыхъ богачъ не позволитъ пробыть своей собакѣ и часу. Никогда не исчезнутъ изъ моей памяти эти картины, и я понимаю, что эти жилища необходимо должны быть очагомъ тѣлесныхъ и душевныхъ болѣзней самаго сквернаго свойства и прежде всего проституціи» [3]).

[1]) „Essai de statistique comparée du surpeuplement des habitations à Paris et dans les grandes capitales européennes", par Mr. *Jocques Bertillon*. 1894. См. *В. В. Святловскаго*: „Жилищный вопросъ съ экономич. точки зрѣнія", 1902, особенно I и IV вып.

[2]) „Жилищный вопросъ и общественная благотворительность въ Бельгіи". *М. Д.* „Трудовая Помощь", 1902 г., октябрь.

[3]) *Ferriani*: „Die schlauen und glücklichen Verbrecher": Berlin, 1899, стр. 144.

По даннымъ, относящимся къ 1891 г., на 24.153 подвала (въ нѣсколькихъ городахъ Италіи) приходилось 101.456 жильцовъ и на 54.638 квартиръ въ чердакахъ—183.270 жильцовъ [1]).

Совершенно такого же мнѣнія и другіе итальянскіе криминалисты Ничефоро и Сигеле, давшіе описаніе бѣдныхъ квартиръ въ Римѣ. «Гнѣздо римской бѣдноты — «mala vita»,—пишутъ они,—находится большею частью во всѣмъ томъ кварталѣ, который идетъ отъ Кампо Верано до площади Виктора-Эммануила и отъ нея до границъ Эсквилинскаго квартала. Тутъ ютится міръ эксплоатируемыхъ женщинъ, воровъ по профессіи, шарлатановъ, проститутокъ. Это—міръ, гдѣ каждую ночь совершаются преступленія, которыхъ не узнаетъ полиція, и гдѣ подготовляются планы будущихъ предпріятій... Войдите въ эти огромныя зданія, гдѣ по микроскопическимъ комнаткамъ размѣщается человѣкъ по шести въ каждой конурѣ, и вы найдете здѣсь корни дурного растенія: здѣсь, какъ ядовитые грибы, растутъ въ нездоровой сырости преступленія, наводящія ужасъ на весь городъ».

«Пересѣкая эти улицы,—пишутъ цитированные криминалисты о бѣдныхъ кварталахъ Рима,—не встрѣчаешь той отвратительной окраски, какую видишь почти на всѣхъ улицахъ Неаполя, но легко замѣчаешь печальныя, меланхолическія картины бѣдности, разлитой всюду, видишь нѣчто блѣдное, исхудалое, исходящее отъ фасадовъ домовъ, лавокъ, отъ группы женщинъ и дѣтей, работающихъ или играющихъ у входа подъ высокими воротами». Авторы видѣли по шести человѣкъ въ комнаткахъ, гдѣ воздуху было лишь на одного человѣка. Въ одной изъ комнатъ жила прачка съ сожителемъ и тремя сыновьями и двумя дочерями отъ перваго брака, при чемъ всѣ дѣти, изъ которыхъ старшему было 17 лѣтъ, спали на одной кровати; въ другой комнатѣ на соломенномъ тюфякѣ спало семь человѣкъ; въ третьей конурѣ жила семья изъ чахоточнаго, лежащаго въ лихорадкѣ мужа, потерявшаго работу, и больной беременной жены, зарабатывающей шесть су въ день (около двадцати пяти копеекъ); въ одной изъ комнатъ,

[1]) *М. Загрицковъ:* „Дешевыя жилища въ городахъ сѣверной Италіи“ („Извѣстія Моск. Город. Думы“, 1902 г.).

снятой старикомъ-нищимъ, жили, кромѣ него и старухи, молодой рабочій 18 лѣтъ на одномъ тюфякѣ, а на другомъ—три сестры-сироты 18, 13 и 8 лѣтъ, изъ которыхъ старшая была сожительница рабочаго. Въ жилищахъ этихъ отверженныхъ, гдѣ рядомъ ютятся безработный и профессіональный воръ, погибшая женщина и ребенокъ работницы, «самая безысходная бѣдность сплетается съ преступленіемъ». На изрисованныхъ и исписанныхъ стѣнахъ этихъ комнатъ авторы прочли надписи: «голодъ», «каторжныя работы».

Въ Лондонѣ королевская комиссія для изслѣдованія жилищъ рабочаго класса называетъ переполненіе этихъ квартиръ позоромъ для общества. Тягости квартирнаго вопроса еще увеличиваются огромнымъ за послѣднія 50 лѣтъ повышеніемъ въ Англіи квартирной платы на 150% [1]).

Въ Берлинѣ изъ каждой сотни семей въ 5 человѣкъ 32 семьи живутъ въ квартирахъ изъ 2 комнатъ, а изъ 100 семей въ 9 человѣкъ 36,5 семей живутъ въ квартирахъ изъ 3 комнатъ; вообще чѣмъ больше семья, тѣмъ хуже ея жилищныя условія (вычисленія Бертильона).

Въ Вѣнѣ 26% семей изъ 6—10 членовъ живутъ въ квартирахъ изъ 2 комнатъ.

Можно бы привести и другія цифры жилищной нужды рабочаго и бѣднаго класса населенія, но для нашихъ цѣлей достаточно и приведенныхъ. На Западѣ, особенно въ странахъ, гдѣ рабочая партія имѣетъ въ парламентахъ своихъ представителей, вопросъ объ уменьшеніи тягостей жилищной нужды давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе политическихъ дѣятелей. Такъ, въ Бельгіи депутатъ-соціалистъ Дэни представилъ въ 1903 г. въ палату проектъ закона о рабочихъ жилищахъ; въ Англіи радикалъ Макнамара при обсужденіи въ февралѣ 1903 года отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь внесъ поправку съ указаніемъ на необходимость улучшенія рабочихъ жилищъ. Но, къ сожалѣнію, не всегда эти добрыя начинанія выходятъ изъ области преній въ дѣйствительность. Такъ, напримѣръ, указанная выше поправка радикала Макнамара была отвергнута. Такова, впрочемъ, судьба многихъ проектовъ экономическаго свойства, имѣющихъ цѣлью улучшеніе поло-

[1]) *Гобсонъ:* „Проблемы бѣдности и безработицы", 1900 г., стр. 24.

женія низшихъ и бѣдныхъ слоевъ населенія: борьба различныхъ классовъ современнаго общества слишкомъ обострена, чтобы представители достаточныхъ классовъ согласились «дарить» милліоны нищимъ, и эти бездомные нищіе, обитатели темныхъ угловъ, чердаковъ и вонючихъ подваловъ, мстятъ безсознательно, а иногда и сознательно своими преступленіями «имущимъ, но не дающимъ», и то, что не было дано на реформы экономическаго свойства, дается и, можетъ быть, въ еще большемъ размѣрѣ на увеличеніе тюремнаго бюджета. Простая аксіома проф. Листа, что законъ о жилищахъ дѣлаетъ гораздо болѣе для уменьшенія преступности, чѣмъ дюжина новыхъ уголовныхъ законовъ, остается для многихъ совершенно непонятной.

б) Вліяніе на преступность цѣнъ хлѣба.

На громадное значеніе голода и высокихъ цѣнъ хлѣба въ годы неурожаевъ было обращено вниманіе многими криминалистами и экономистами. Уже древніе римскіе философы говорили о необходимости принимать во вниманіе то состояніе крайней необходимости, которое создавалось голодною нуждой. Въ XVI столѣтіи Альбертъ де Гандино и Белло Визу развиваютъ мысль объ оправданіи голодной кражи соображеніями христіанско-коммунистическаго характера: «во времена нужды все общее» [1]). Изъ нашего очерка о предшественникахъ соціологической школы уголовнаго права можно видѣть, что, начиная съ Томаса Мора, цѣлый рядъ писателей подробно выяснялъ вліяніе голода на преступность. Но строго научное изученіе такого вліянія сдѣлалось возможнымъ лишь въ XIX вѣкѣ со времени появленія матеріаловъ по уголовной статистикѣ. Въ настоящее время литература о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ на преступленія, несомнѣнно, богаче, чѣмъ о какомъ-либо другомъ факторѣ преступности.

Къ сожалѣнію, несмотря на появленіе за послѣдніе годы не только статей въ журналахъ, но и отдѣльныхъ монографій по интересующему теперь насъ вопросу, нельзя сказать, чтобы спорные въ 1889 году вопросы находили въ наши дни одинаковое разрѣшеніе. Наоборотъ, разногласій какъ будто стало даже больше, и во всякомъ случаѣ они стали рѣзче. Эти разногласія касаются не только

[1]) *Н. Ропшъ:* „О крайней необходимости“, 1899, стр. 52.

той или другой степени вліянія экономическаго положенія на различныя преступленія, но и самой возможности такого вліянія. Съ одной изъ теорій, отрицающихъ вліяніе бѣдности (ученіе Гарофало), мы уже имѣли случай познакомиться. Къ взглядамъ этого сторонника уголовно-антропологической школы примкнули, если не вполнѣ, то отчасти, нѣкоторые другіе криминалисты. Таковы, напримѣръ, Евгеній Ростанъ, Анри Жоли и др. Всѣ эти авторы сходятся съ Гарофало въ томъ, что, отрицая или умаляя значеніе бѣдности, какъ фактора преступности, признаютъ преимущественное значеніе за нравственнымъ чувствомъ.

Такъ, Ростанъ полагаетъ, что если не бѣдность, то по крайней мѣрѣ крайніе предѣлы нищеты могутъ вызывать преступленіе, но въ дѣйствительности нищета служитъ факторомъ преступности только тогда, когда для ея вліянія подготовлена соотвѣтствующая почва въ области морали и вѣры человѣка, когда недостаточно развиты или совершенно отсутствуютъ моральное и особенно религіозное чувства [1]).

Таково же мнѣніе Жоли (Henri Joly — авторъ извѣстныхъ работъ: «La France Criminelle», «Le crime», «Le combat contre le crime» и др.). Не голодъ и не нищета заставляютъ совершать преступленія, но лѣнь, дурное поведеніе и еще чаще желаніе полакомиться [2]). Не экономическое состояніе служитъ объясненіемъ безчестности или честности, говоритъ Жоли, но отношеніе человѣка къ своему состоянію богатства или бѣдности, т.-е. довольство или недовольство своею судьбой [3]).

Подтвержденіе своей теоріи Жоли видитъ въ статистикѣ обвиненій по дѣламъ о кражахъ, разобраннымъ судомъ присяжныхъ во Франціи съ 1830 г. по 1860 г.: на 1.000 кражъ приходилось 395 похищеній денегъ и банковыхъ билетовъ; слѣдующее мѣсто по численности занимали кражи

---

1) *Eugène Rostand:* „Criminalité et socialisme“. *Его же:* „Pourquoi la criminalité monte en France et basse en Angleterre“, „Reforme Sociale“, 1897.

2) *Жоли* цитируетъ мемуары бывшаго начальника сыскной полиціи *Масэ*: „Un joly monde“: изъ ста воровокъ одна крадетъ по нуждѣ, мужчины крадутъ вино, ликеры, женщины — шоколадъ, конфеты, пирожное и фрукты.

3) См. статью *Е. Д. Спицкаго:* „Моралистическое направленіе въ угол. пр.“, „Сборникъ правовѣд.“, IV кн.

бѣлья, одежды, товаровъ и драгоцѣнностей, а послѣднее мѣсто принадлежало кражамъ зерна, муки и домашнихъ животныхъ; ихъ было всего 55 на 1.000. Автору, конечно, извѣстны цифры, показывающія вліяніе на преступность неурожаевъ, «но неурожаи—исключительное явленіе, а воровство—постоянное; неурожаи встрѣчаются все рѣже, а воровство растетъ» [1]).

Лучшее опроверженіе теорій Ростана, Жоли, а также и Гарофало мы находимъ въ цифрахъ уголовной статистики, которыя представляемъ ниже. Но эти теоріи вызываютъ и другія возраженія.

Если выходить изъ предположеній Жоли, что только ту кражу можно признать совершонной изъ нужды, которая имѣла своимъ объектомъ предметы первой необходимости, то авторъ долженъ былъ бы искать отвѣта на вопросъ о вліяніи бѣдности въ статистическихъ данныхъ о дѣлахъ, подсудныхъ не суду присяжныхъ, но судамъ низшимъ. Жоли упустилъ изъ вниманія ничтожное количество дѣлъ, разсмотрѣнныхъ судомъ присяжныхъ: такъ, въ періодъ 1896—1900 гг. этимъ судомъ разбиралось среднимъ числомъ въ годъ 716 дѣлъ и прекращалось 7.415 дѣлъ, а въ исправительныхъ судахъ разобрано 33.202 и прекращено 87.587 дѣлъ среднимъ числомъ въ годъ [2]). Если

---

[1]) *Henri Joly*: „La France criminelle“, стр. 358.

Съ большими оговорками признаетъ вліяніе бѣдности также и *Проаль* („Le crime et la peine“, Paris, 1895; Ch.: IX „Le crime et la misère“). Онъ не отрицаетъ вліянія голода: преступность растетъ въ годы неурожаевъ и притомъ въ Алжирѣ сильнѣе, чѣмъ во Франціи, такъ какъ арабы менѣе предусмотрительны. У дикихъ вліяніе голода еще сильнѣе: они не останавливаются даже передъ убійствомъ стариковъ. Однако, по мнѣнію *Проаля*, случаи, когда преступленіе совершается подъ вліяніемъ нищеты, немногочисленны (стр. 202). Хотя распредѣленіе и неравномѣрно, но общество все болѣе проникается, по мнѣнію *Проаля*, своимъ долгомъ къ бѣднымъ. Жадность и страсти, толкающія на преступленіе,—такое же достояніе богатыхъ, какъ и бѣдныхъ. *Проаль* убѣжденъ, что ростъ благосостоянія и образованія никогда не сдѣлаетъ уголовный кодексъ лишнимъ (стр. 207).

[2]) По данными французской уголовной статистики (Compte général, 1900), число дѣлъ о кражахъ-проступкахъ всегда превышало въ нѣсколько разъ число кражъ-преступленій, подсудныхъ суду присяжныхъ; такъ:

	1886—1890		1891—1895		1896—1900	
	разобр.	прекр.	разобр.	прекр.	разобр.	прекр.
Кражи-проступки. . .	992	7.318	835	8.031	716	7.415
Кражи-преступленія. .	36.855	75.249	37.088	86.267	33.202	87.587

принять во вниманіе эти цифры и вспомнить, что суду присяжныхъ не подсудны всѣ мелкія кражи, за исключеніемъ совершонныхъ съ квалифицирующими обстоятельствами; то указанная выше цифра (55 кражъ муки и зерна на 1.000 кражъ) оказывается далеко не маленькой величиной: едва ли мы ошибемся, если отнесемъ все это число къ дѣламъ, сдѣлавшимся подсудными суду присяжныхъ только потому, что ихъ голодные авторы не остановились не только передъ совершеніемъ простой, но даже и квалифицированной кражи. Но не правъ Жоли и въ другомъ отношеніи. Чтобы доказать ничтожное, по его убѣжденію, значеніе для преступности бѣдности, онъ ссылается только на указанные выше случаи кражъ зерна и муки, упуская изъ вниманія совершенно аналогичное съ этими предметами значеніе другихъ предметовъ первой необходимости: одежды, дровъ, угля и пр. Между тѣмъ Штарке доказалъ, что такія преступленія, какъ кража лѣса, совершаются преимущественно, если не исключительно, бѣдняками и достигаютъ своего максимума въ годы неурожаевъ и высокой цѣны на хлѣбъ [1]). Это же явленіе отмѣчаетъ и Проаль: въ холодныя зимы во Франціи чаще совершаются бѣдными женщинами кражи угля для топлива [2]).

Теорію Гарофало, такъ рѣшительно и такъ полно вычеркивающаго всякое вліяніе бѣдности на преступность, мы изложили выше, въ главѣ о предшественникахъ соціологической школы уголовнаго права. Мы остановимся здѣсь на ея критикѣ. Прежде всего вызываетъ замѣчанія главнѣйшій тезисъ теоріи этого криминалиста-антрополога: бѣдность, т.-е. состояніе, характеризующееся полнымъ отсутствіемъ капитала, не представляетъ, по мнѣнію Гарофало, ничего ненормальнаго на томъ основаніи, что пролетаріатъ свыкся съ такимъ положеніемъ. Но свыкнуться съ нуждой и бѣдностью невозможно. Утверждая противное, Гарофало впадаетъ въ очевидное противорѣчіе съ самимъ собой, такъ

[1]) Изслѣдованіе *Starke* („Verbrechen und Verbrecher", Ber., 1884) касается Пруссіи: въ ней число кражъ лѣса достигло maximum'а въ періодъ 1854—1876, въ годы наиболѣе высокой цѣны на хлѣбъ; оно падало до minimum'а въ годы низкихъ цѣнъ и оставалось на среднемъ уровнѣ при среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ (см. *Lombroso*: „Die Ursachen u. ekämpfung des Verbrechens", стр. 68).

[2]) *Proal*: „Le crime et la peine", 1892, стр. 202.

какъ признаетъ, что въ наше время нѣтъ довольныхъ своимъ положеніемъ: рабочій завидуетъ хозяину, мелкій торговецъ—крупному, чиновникъ—своему начальнику и т. д. Тѣмъ значительнѣе недовольство бѣдныхъ слоевъ. Современные бѣдняки — не дикари; ихъ потребности выходятъ далѣе круга чисто животной жизни, и ихъ недовольство должно быть тѣмъ ярче и сильнѣе, что часто остается безъ удовлетворенія насущнѣйшая нужда въ пищѣ. Указываютъ на громадную разницу между жизнью рабочихъ классовъ теперь и ихъ жизнью въ недалекомъ прошломъ. Несомнѣнно, что ихъ квартиры, пища и одежда теперь значительно лучше, чѣмъ были двадцать лѣтъ тому назадъ, но при этомъ забываютъ, что потребности рабочаго и бѣдныхъ классовъ не могли остаться такими же, какими были четверть вѣка назадъ. Онѣ возросли, но далеко не всѣ изъ нихъ находятъ себѣ должное удовлетвореніе. Если такимъ образомъ подъ бѣдностью разумѣть разницу между ощущаемыми потребностями и возможностью ихъ удовлетворенія, то теперь, по справедливому замѣчанію Гобсона, бѣдности больше, чѣмъ когда-либо [1]).

Что касается утвержденія Гарофало, что капиталисты страдаютъ сильнѣе пролетаріата, такъ какъ при несравненно большемъ количествѣ потребностей у нихъ чаще возможны случаи неудовлетворенія этихъ потребностей, то такое утвержденіе слишкомъ парадоксально, чтобы подробно останавливаться на его критикѣ. Итальянскій криминалистъ заявляетъ это совершенно голословно. Изъ того факта, что у состоятельныхъ классовъ потребностей больше, еще не вытекаетъ, что эти потребности остаются чаще безъ удовлетворенія. Кромѣ того, Гарофало упустилъ изъ вниманія совершенно различную возможность удовлетворенія богатыми и бѣдными классами своихъ потребностей

---

[1]) Доходы бѣдныхъ увеличились, говоритъ *Гобсонъ*, но ихъ желанія и потребности увеличились еще больше. Отсюда ростъ сознательной классовой ненависти, большая вражда бѣдныхъ къ богатымъ. Они (бѣдные) были нѣкогда голы и не стыдились этого; но мы показали имъ лучшія условія жизни. Мы подняли норму требованій, предъявляемыхъ ими къ приличной человѣческой жизни; но мы не увеличили для нихъ въ соотвѣтствующей степени возможности [illegible] (Hobson, «Problems of Poverty», 1891 г., стр. 20 и 27).

легальнымъ путемъ. У богатаго эта возможность всегда есть въ той или другой степени, а у бѣдняка ея обыкновенно не существуетъ; у богатаго остается возможность достичь желаемаго путемъ сокращенія своего бюджета, а у бѣднаго нѣтъ этой возможности, такъ какъ дальнѣйшее уменьшеніе сокращеннаго до крайнихъ предѣловъ бюджета обыкновенно немыслимо [1]). Но и статистическія вычисленія Гарофало въ доказательство одинаковаго процента преступниковъ среди богатыхъ и бѣдныхъ представляются намъ ошибочными и произвольными. Если правильно отнесеніе злостнаго банкротства къ числу преступленій состоятельныхъ классовъ, то непонятно, почему отнесены сюда же всѣ обвиненія въ поддѣлкѣ монетъ, подлогахъ и торговыхъ обманахъ. Относительно поддѣлки монетъ и подлоговъ можно лишь признать, что для ихъ совершенія нужна нѣкоторая степень грамотности и развитія, но отнюдь не требуется состоятельности. Что касается торговыхъ обмановъ, то рискованно относить ихъ къ преступности *только* богатыхъ слоевъ населенія. Извѣстно, что статистика заноситъ въ разрядъ купцовъ также и бѣдныхъ торговцевъ-разносчиковъ и приказчиковъ.

Вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ своимъ гадательнымъ вычисленіямъ процента преступниковъ среди богатыхъ и бѣдныхъ классовъ, Гарофало могъ бы обратиться, напримѣръ, къ французской статистикѣ, и онъ нашелъ бы здѣсь прямой отвѣтъ на интересующій его вопросъ. По даннымъ французской уголовной статистики за все время ея существованія, наиболѣе обезпеченный классъ капиталистовъ и собственниковъ оказывается наименѣе преступнымъ, а классы, живущіе личнымъ трудомъ, и лица безъ опредѣленныхъ занятій и положенія—наиболѣе преступными. Такъ, сводный отчетъ за 1881—1900 гг. констатируетъ мини-

---

[1]) *Гобсонъ* поясняетъ послѣдствія такого сокращенія бюджета на примѣрѣ: „сокративъ наполовину доходъ богатаго человѣка, вы принудите его сократить свои расходы; онъ долженъ будетъ отказаться отъ своей яхты, отъ своей кареты или отъ какой-нибудь другой роскоши; отъ такого сокращенія расходовъ пострадаетъ его гордость, но оно не причинитъ ему особенно большихъ личныхъ неудобствъ. Но если вы сократите наполовину доходъ хорошо оплачиваемаго механика, то вы доведете его и его семью до крайней бѣдности“ (ук. соч., стр. 8).

мумъ преступности среди чиновниковъ, капиталистовъ и собственниковъ; особенно незначительно участіе богатыхъ классовъ въ преступленіяхъ противъ собственности [1]). То же самое подтверждаетъ уголовная статистика Германіи.

Но лучшимъ доказательствомъ вліянія на преступность бѣдности служатъ возрастаніе числа преступленій въ годы неурожаевъ и въ періоды высокихъ цѣнъ на необходимые жизненные продукты и соотвѣтствующее сокращеніе преступности въ годы низкихъ цѣнъ.

Изъ работъ этого рода трудъ Мейера (Meyer) охватываетъ наиболѣе продолжительный періодъ съ 1832 г. по 1892 г. Для каждаго изъ этихъ шестидесяти годовъ Мейеръ высчиталъ среднюю цѣну на хлѣбъ въ кантонѣ Цюрихѣ и сопоставилъ полученныя имъ цифры съ числомъ осужденныхъ за преступленія противъ собственности. Изобразивъ графически движенія цѣнъ и преступности, онъ пришелъ къ выводу, что обѣ линіи идутъ почти непрерывно параллельно одна другой лишь въ первыя двадцать лѣтъ, и на этомъ основаніи считаетъ возможнымъ сдѣлать выводъ, что вліяніе цѣнъ хлѣба на преступность падаетъ. Но въ данномъ случаѣ авторъ не совсѣмъ правъ. Насколько велико продолжало оставаться въ 1853—1893 гг. вліяніе цѣнъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ на преступность, можно видѣть изъ діаграммы самого Мейера (см. діаграмму II).

Изъ этого чертежа видно, что на 1854 годъ выпадаетъ наибольшее повышеніе цѣнъ и въ этотъ же годъ число преступленій достигаетъ своего максимума за всѣ сорокъ лѣтъ; сильное пониженіе цѣнъ въ 1858 году сопровожда-

---

[1]) „Compte général de l'administr. de la just. crim.“, 1902, стр. XXVIII, XXVII. Незначительна также преступность рыбаковъ; она объясняется условіями ихъ жизни внѣ общества, на морѣ. Не всѣ отчеты ставятъ свѣдѣнія о профессіи обвиняемыхъ въ соотношеніе съ числомъ лицъ этой профессіи среди всего населенія страны.

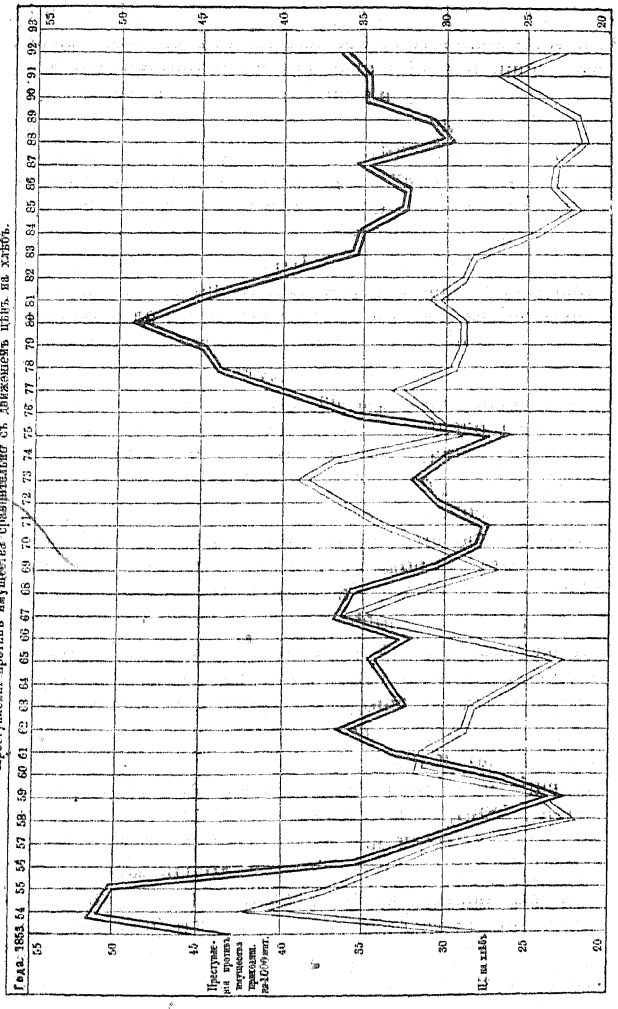
По отчету за 1882 годъ, приходилось обвиняемыхъ мужского пола въ судѣ присяжныхъ на 100.000 лицъ той же профессіи: земледѣльцевъ—16, рабочихъ земледѣльцевъ—24, занятыхъ въ промышленности—25, въ торговлѣ—38, либеральныя профессіи—28, прислуга—49, рантье, собственники—6 (Compte général за 1882 г., стр. XII).

За 1887 г.: земледѣліе—14 муж., промышленность—26, транспортъ—33, торговля—21, прислуга—20, собственники, рантье, либеральныя профессіи—12, безъ занятій и неизвѣстно—139 (стр. IX).

Діаграмма II.

Кантонъ Цюрихъ.

Преступленія противъ имущества сравнительно съ движеніемъ цѣнъ на хлѣбъ.



лось въ томъ же, а также и въ слѣдующемъ году столь же сильнымъ пониженіемъ преступности [1]).

[1]) По совершенно справедливому замѣчанію *Мейера*, подтвержденному и другими изслѣдователями, вліяніе цѣнъ хлѣба на преступ-

Чертежъ Мейера служитъ опроверженіемъ высказаннаго въ криминалистической литературѣ Тардомъ мнѣнія о томъ, что лишь рѣзкія измѣненія въ экономическомъ положеніи оказываютъ свое вліяніе на преступность. Но изъ движенія обѣихъ линій видно, что онѣ идутъ параллельно не только при рѣзкомъ своемъ поднятіи и паденіи, но и при небольшихъ своихъ измѣненіяхъ, какъ, напримѣръ, въ періодъ съ 1873 г. по 1877 г.: пониженіе цѣны хлѣба въ 1874 г. вызвало соотвѣтствующее пониженіе преступности, и оно продолжалось въ 1875 году, въ которомъ не остановилось паденіе цѣнъ хлѣба, но какъ только цѣны повысились въ 1876 г., а затѣмъ и въ слѣдующемъ 1877 г., то поднялась постепенно въ оба эти года и преступность. Точно такъ же обѣ линіи идутъ параллельно съ 1888 г. по 1890 годъ, несмотря на то, что колебанія цѣнъ хлѣба за эти годы очень незначительны и не можетъ быть рѣчи о тѣхъ экономическихъ кризисахъ, которые по теоріи Тарда только и могутъ вліять на преступность. Въ опроверженіе этой же теоріи можно сослаться на изслѣдованіе Берга (Berg) о соотношеніи преступности противъ собственности съ цѣнами на рожь и пшеницу въ Германіи за время съ 1882 г. по 1898 г. (см. таблицу XVII) [1]).

Сравнивая эти цифры и разсматривая чертежъ Берга, мы видимъ, что на движеніе преступности оказывала свое вліяніе не только цѣна 1891 года, наивысшая за весь разсматриваемый періодъ, сопровождавшаяся въ 1892 году соотвѣтствующимъ повышеніемъ числа осужденныхъ за воровство, но и низшія цѣны 1887 и 1894 гг., сопровождавшіяся пониженіемъ преступленій противъ собственности въ 1888, 1895 и 1896 гг. Нетрудно видѣть также, что на ряду съ этими наиболѣе рѣзкими колебаніями цѣнъ на преступность также вліяли и другія менѣе значительныя ихъ измѣненія: за непрерывнымъ пониженіемъ цѣнъ съ 1882 по 1887 г. идетъ такое же постепенное и непрерывное пониженіе преступности съ 1882 г. по 1888 г., а за повышеніемъ цѣнъ съ 1888 по 1891 гг. наступаетъ по-

---

ность сказывается не только въ томъ же году, когда происходитъ рѣзкое измѣненіе въ нихъ, но и въ слѣдующемъ году. Несомнѣнно также, что не всѣ преступники судятся въ тотъ же годъ, когда они совершили свое преступленіе. *Meyer*: o. c., стр. 30—31.

[1]) *Berg*: „Getreidepreise u. Kriminalität in Deutschland". Berl., 1902.

Таблица XVII.

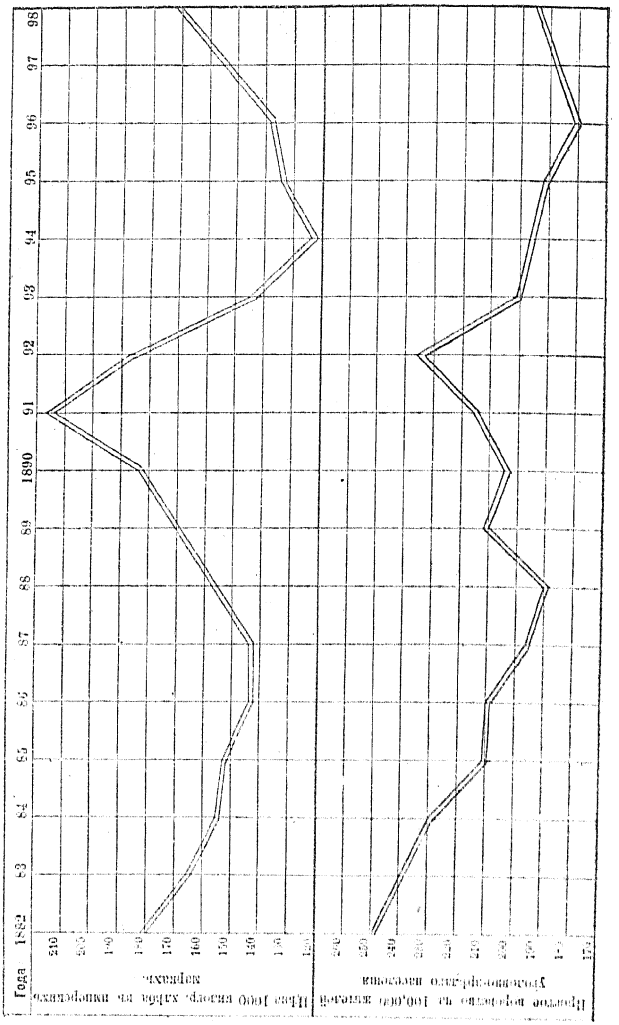
ГОДЫ.	На 1.000 населенія осуждено.		Цѣна 1.000 килограм.	
	Простое воровство.	Всякое воровство.	Рожь.	Пшеница.
1882	250	325,3	158,21	212,16
1883	241	312,4	144,71	186,02
1884	231	301,3	145,68	173,78
1885	214	279,3	141,49	166,53
1886	210	272,3	130,99	163,52
1887	198	259,1	122,13	169,85
1888	194	251,5	133,01	177,84
1889	211	274,1	152,93	186,34
1890	206	269,0	166,67	195,96
1891	216	281,2	207,39	225,23
1892	236	311,3	178,09	189,90
1893	202	269,5	136,41	157,46
1894	198	266,3	115,95	138,25
1895	192	255,4	120,04	144,29
1896	184	247,5	121,43	157,14
1897	188	249,9	129,06	175,09
1898	191	256,4	147,70	193,40

вышеніе воровства съ небольшимъ пониженіемъ въ 1890 году (см. діаграмму III).

Нѣкоторыя другія преступленія противъ собственности, а именно: грабежъ, вымогательство, поддѣлка бумагъ, об-

Діаграмма III.

Германія.



манъ, повышаются и понижаются въ числѣ не съ тою поразительною правильностью въ зависимости отъ цѣнъ на хлѣбъ, какую мы видѣли выше относительно воровства.

Но цифры осужденныхъ за грабежъ, вымогательство, банкротство и поддѣлку бумагъ въ Германіи слишкомъ незначительны, и на основаніи ихъ нельзя дѣлать какихъ-либо предположеній [1]). Что касается обмановъ, то, по мнѣнію Берга, наиболѣе удобнымъ временемъ для совершенія этихъ преступленій является не періодъ экономической угнетенности, не нужда, но, напротивъ, экономическое благосостояніе и шумный, суетливый рынокъ; въ послѣднее десятилѣтіе развитіе торговли должно было вліять на совершеніе обмановъ сильнѣе, чѣмъ хлѣбныя цѣны. Однако вліяніе цѣнъ хлѣба сказалось и на разсматриваемомъ преступленіи: число обмановъ возрастало съ 1886 года непрерывно до 1892 года, и цѣна на хлѣбъ за эти годы (до 1891 г.) также непрерывно возрастала.

По мнѣнію Берга, обманщикъ обыкновенно имѣетъ для себя достаточно, но хочетъ имѣть болѣе, чѣмъ имѣетъ. Но авторъ не дастъ доказательствъ этого своего положенія, которое противорѣчитъ его теоріи о значеніи нужды, какъ фактора преступленій противъ собственности. Уголовная статистика показываетъ, что наибольшее число обмановъ, какъ и другихъ преступленій противъ собственности, совершается въ холодные мѣсяцы года (въ Германіи въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ) [2]). Странно было бы думать, что аппетиты обманщиковъ къ наживѣ разгораются особенно сильно въ холодное время, которое къ тому же далеко не является періодомъ усиленной торговой дѣятельности. Поэтому болѣе правильно предполо-

[1]) Такъ, въ то время какъ на 100.000 уголовно-зрѣлаго населенія приходилось въ 1882—1898 гг. до 325 ежегодно осужденныхъ за воровство, нацыскція за всѣ 17 лѣтъ цифры осужденныхъ за грабежъ были лишь 1,4, за вымогательство—1,9, за поддѣлку бумагъ—14, за банкротство—2,7 на 100.000 населенія.

[2]) Въ періодѣ 1883—1892 гг. въ Германіи при 100 обманахъ въ среднемъ приходилось на октябрь 102, ноябрь—116, декабрь—120, январь—107, февраль—111, мартъ—94, апрѣль—89, май—90, іюнь и іюль — по 95, августъ — 91 и сентябрь—90 (Kriminalstatistik für das Jahr, 1894, II, стр. 43; цитировано по *Бонжеру*: ук. с., стр. 619). Также *Форназари ди Верче* нашелъ, что въ періодѣ съ 1880 по 1890 гг. обманы увеличивались и уменьшались въ Италіи параллельно съ числомъ простыхъ кражъ и цѣной на хлѣбъ („La criminalita elevicende economiche d'Italia", 1894, стр. 157, § 25—31).

жить, что обманы вызываются тѣми же факторами, какіе ведутъ къ увеличенію воровства, т.-е. бѣдностью.

Подтвержденіе этому мы видимъ въ томъ, что въ герцогствѣ Саксенъ-Мейнингенскомъ обманы совершаются чаще въ тѣхъ же округахъ, гдѣ чаще совершается воровство и гдѣ приходится болѣе жителей на домъ, т.-е. жилищныя условія хуже, гдѣ больше бѣдности [1]). Если бы обманы вызывались, какъ говоритъ Бергъ, шумнымъ рынкомъ скорѣе, чѣмъ нуждой, то слѣдовало бы ожидать наибольшаго числа этихъ преступленій въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе развита торговля, между тѣмъ мы встрѣчаемся какъ разъ съ обратнымъ явленіемъ: въ герцогствѣ Саксенъ-Мейнингенскомъ наибольшее число осужденныхъ за обманы приходится на 100.000 населенія въ округѣ Зоннебергѣ (112 человѣкъ), стоящемъ на предпослѣднемъ мѣстѣ по числу занятыхъ въ торговлѣ (84 человѣка изъ 1.000 жителей); слѣдующее за этимъ округомъ мѣсто по числу занятыхъ въ торговлѣ принадлежитъ округу Заальфельду (86 на 1.000 человѣкъ), но обмановъ въ немъ совершается менѣе (109 осужденныхъ), чѣмъ въ Зоннебергѣ; наоборотъ, въ округѣ Мейнингенѣ наиболѣе развита торговля (изъ 1.000 жителей 102 заняты въ торговлѣ), но обмановъ совершено менѣе (всего 99 осужденныхъ на 1.000 жителей), чѣмъ въ двухъ указанныхъ выше округахъ [2]).

Приведенныя выше цифры относились къ преступности въ швейцарскомъ кантонѣ Цюрихѣ и Германіи. Въ другихъ государствахъ была также установлена связь между числомъ преступленій и цѣнами на хлѣбъ.

О вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ на преступность въ Россіи имѣется весьма цѣнное изслѣдованіе Е. Н. Тарновскаго. Работа автора охватываетъ періодъ съ 1874 г. по 1894 г., т.-е. 21 годъ. Вычисленія касаются преступленій противъ собственности въ 33 губерніяхъ съ громаднымъ населе-

---

[1]) На 100.000 населенія приходилось въ среднемъ осужденныхъ въ годъ (періодъ 1893—1897 гг.) въ округѣ Хильдбургхаузенѣ 14 и въ Мейнингенѣ—18,5 при 8 жителяхъ на домъ, въ округѣ Заальфельдѣ—20 при 8,5 жителяхъ, въ Зоннебергѣ—27 при 12 жителяхъ на домъ (*Вейдеманъ*: ук. с., стр. 44).

[2]) *Вейдеманъ*: ук. с., стр. 52. Но въ округѣ Хильдбургхаузенѣ было наименьшее число занятыхъ въ торговлѣ (71 на 1.000 жителей) и наименьшее количество осужденныхъ за обманы (67 на 100.000 населенія).

ніемъ около 67.000.000 жителей [1]). Къ сожалѣнію, измѣненія, внесенныя въ мировую юстицію закономъ о земскихъ начальникахъ, сильно затруднили изученіе низшей преступности, и г. Тарновскій ограничился изслѣдованіемъ числа осужденныхъ общими судами за кражи и насильственное похищеніе имущества. Цифры, сообщаемыя авторомъ, представляютъ ежегодныя суммы этихъ двухъ преступленій. По въ виду высказаннаго въ литературѣ мнѣнія, что насильственныя похищенія собственности не подчинены вліянію хлѣбныхъ цѣнъ, было бы удобнѣе разсматривать ихъ отдѣльно. Е. Н. Тарновскій нашелъ, что преступность какъ всѣхъ 33 губерній, такъ и отдѣльныхъ районовъ находится въ прямомъ соотношеніи съ цѣнами на хлѣбъ. Такъ, въ 1880 и 1881 гг. хлѣбъ сильно вздорожалъ, и число возникшихъ дѣлъ о кражахъ и насильственныхъ похищеніяхъ поднялось почти на 20% выше средняго. Вмѣстѣ съ паденіемъ цѣнъ на рожь въ 1885—1890 гг. падала и преступность; на 1888 годъ выпадаетъ наименьшая преступность и одна изъ наиболѣе дешевыхъ цѣнъ хлѣба; такая же преступность выпадаетъ и на дешевый 1889 годъ, но въ 1890 году число возникшихъ дѣлъ возросло, несмотря на удешевленіе хлѣба (авторъ не далъ объясненія этому факту). Высшаго своего развитія преступность достигла въ голодные 1891 и 1892 гг.; она держалась на высокомъ уровнѣ въ 1893 и 1894 годахъ при очень дешевыхъ хлѣбныхъ цѣнахъ. Колаянни подмѣтилъ этотъ фактъ продолжительнаго вліянія неурожаевъ на преступность. Онъ полагаетъ, что кризисы ведутъ къ укрѣпленію порочныхъ наклонностей, къ уменьшенію сопротивленія моральнаго чувства и къ потерѣ привычки трудиться. Кромѣ этого объясненія, возможно другое, и оно представляется намъ болѣе правильнымъ. Такіе страшные по своей нуждѣ годы, какъ 1891 годъ въ Россіи, когда люди уми-

[1]) Эти губерніи слѣдующія: Петербургская, Псковская, Новгородская, Вологодская (5 юго-западныхъ уѣздовъ), Ярославская, Тверская, Смоленская, Калужская, Московская, Владимірская, Костромская, Вятская, Пермская, Казанская, Нижегородская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Пензенская, Тамбовская, Рязанская, Тульская, Орловская, Черниговская, Курская, Воронежская, Донская область, Харьковская, Полтавская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и Бессарабская (*Е. Н. Тарновскій.* „Жур. М. Юст.“, стр. 76).

рали съ голоду, а преступность сразу возросла, должны вести къ продолжительнымъ экономическимъ потрясеніямъ. Урожаи и низкія цѣны 1893 и 1894 гг. не могли привести къ значительному паденію преступности, потому что они не могли уничтожить всѣхъ тяжкихъ послѣдствій нищеты, порожденной голодомъ 1891 года: раны были слишкомъ глубоки, и на залѣченіе ихъ требовалось продолжительное время. Кромѣ того, высокая преступность 1893 и 1894 гг., опредѣленная для всѣхъ 33 губерній вмѣстѣ, объясняется неурожаями 1893 и особенно 1894 гг., постигшими Петербургскую, Псковскую и Новгородскую губерніи, и ихъ преступностью выше средней. Въ этомъ районѣ въ 1891 г., когда восточныя губерніи страдали отъ голода, былъ выдающійся урожай, и поэтому преступность, несмотря на высокія цѣны, поднялась только до уровня средней. Изслѣдованіе преступности въ Россіи по районамъ показываетъ, что число кражъ и насильственныхъ похищеній стоитъ въ соотношеніи съ хлѣбными цѣнами и урожаями [1]). При совпаденіи низкихъ цѣнъ съ урожаями число разсматриваемыхъ нами преступленій падаетъ обыкновенно особенно значительно, но и однѣ низкія цѣны безъ урожаевъ точно такъ же, какъ и хорошіе урожаи, хотя бы и при высокихъ цѣнахъ, оказываютъ благотворное вліяніе на преступность.

Приведенныя выше цифры Берга, Вейдемана, Мейера и Тарновскаго служатъ опроверженіемъ мнѣнія, высказаннаго извѣстнымъ статистикомъ и соціологомъ Смитомъ и политико-экономомъ Дони о томъ, что въ настоящее время хлѣбныя цѣны потеряли то свое огромное значеніе, которое онѣ имѣли прежде. По мнѣнію перваго изъ названныхъ ученыхъ, цѣна пищи перестала быть главнымъ фак-

[1]) Е. Н. Тарновскій изслѣдуетъ преступность по девяти изъ тѣхъ 11 районовъ, на которые разбиваетъ Россію В. П. Покровскій въ своей работѣ „Вліяніе колебаній урожая и хлѣбныхъ цѣнъ на естественное движеніе населенія". 2-й т. „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны народнаго хозяйства", подъ ред. проф. Чупрова и Посникова. Таковы районы: Петербургскій (подстоличный изъ губерній Петербургской, Псковской и Новгородской); промышленный районъ изъ губерній: Московской, Владимірской, Ярославской, Тверской, Смоленской, Калужской; восточный черноземный районъ: Казанская, Симбирская, Саратовская и Самарская губерніи и др. районы.

торомъ въ экономической жизни Германіи съ 1860 г., благодаря промышленному и коммерческому развитію страны [1]). По утвержденію второго, эти цѣны играли роль во времена Кетле, когда неурожаи дѣйствительно давали себя сильно чувствовать странѣ. Но теперь подъ вліяніемъ ввоза иностраннаго зерна хлѣбныя цѣны въ странѣ могутъ быть низки, несмотря на постигшій ее неурожай. Поэтому для выясненія вліянія на преступность экономическаго состоянія авторъ беретъ такъ наз. index numbers, т.-е. среднюю цѣну многихъ товаровъ (онъ высчиталъ ее для 28 наиболѣе важныхъ продуктовъ вывоза). Изслѣдуемый авторомъ періодъ охватываетъ 50 лѣтъ (съ 1840 по 1890 г.). Цѣна хлѣба оказывала свое вліяніе на число преступленій лишь въ сороковые годы [2]). Въ періодъ съ 1850 г. по 1865 г. цѣны были высоки. Причиной поднятія цѣнъ было открытіе золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи и паденіе вслѣдствіе этого цѣны монеты. Въ то же время начинается оживленіе промышленной дѣятельности Бельгіи: строятся желѣзныя дороги, растутъ спросъ на трудъ и плата за него, и преступность остается почти на одномъ и томъ же уровнѣ. На 10.000 жителей приходилось осужденныхъ преступниковъ:

въ 1851—55 гг.—20,40	въ 1861—69 гг.—22,21
въ 1856—60 гг.—21,00	въ 1871—73 гг.—23,00

Періодъ съ 1874 г. сопровождается пониженіемъ цѣнъ на выбранные авторомъ товары, но преступность возрастаетъ. Дэни объясняетъ это тѣмъ, что трудъ не находитъ себѣ спроса, рабочій классъ страдаетъ отъ безработицы и растетъ антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ, стачка слѣдуетъ за стачкой со всѣми послѣдствіями нищеты.

На 10.000 населенія приходилось осужденныхъ въ 1874—

---

1) *Майо Смитъ:* „Статистика и соціологія“, стр. 83.

2) Въ 1846—1847 гг. былъ неурожай ржи, картофеля и пшеницы. Вліяніе неурожаевъ было увеличено введеніемъ машинъ въ льняной промышленности, и число осужденныхъ къ тюремному заключенію поднялось съ 28,8 въ 1845 г. (на 10.000 жителей) до 47,9 въ 1846 и 65,3 въ 1847 г.; въ 1848 г. было 42,4 осужденныхъ, въ слѣдующемъ году—25, а въ 1850—19,8 (*H. Denis:* „La criminalité et la crise économique“, стр. 366).

1878 гг.—23,00, въ 1879—1883 гг.—32,6 и въ 1884—1889—36,4 [1]).

Такимъ образомъ не только хлѣбныя цѣны, но и стоимость 28 наиболѣе важныхъ продуктовъ не оказываются, по изысканію Дэни, въ прямомъ соотношеніи съ преступностью: она опредѣляется, по мнѣнію разсматриваемаго автора, главнымъ образомъ положеніемъ труда, спросомъ на него и заработною платой.

Было бы совершенно неправильно отрицать громадное значеніе для преступности положенія труда, заработной платы, стачекъ и пр. [2]). Но основное положеніе Дэни, что

---

[1]) *Дэни:* о. с., стр. 366—371.

[2]) Ненормальное положеніе трудящихся классовъ сказывается въ болѣе высокой ихъ преступности. По вычисленіямъ *Вейдемана*, наибольшее число преступленій противъ собственности совершалось въ тѣхъ округахъ, гдѣ было больше занятыхъ въ промышленности. Такъ, на 100.000 населенія было осуждено въ среднемъ за годъ (періодъ 1893—97 гг.):

Округа.	За воровство.	За мошенничество.	Занято въ 1890 г. въ промышленности на 1.000 жителей.
Хильдбургхаузенъ . . .	329	67	363
Мейнингенъ	309	99	382
Заальфельдъ	427	109	547
Зоннебергъ	466	112	702

Авторъ задался цѣлью выяснить вліяніе на преступность положенія рабочихъ, занятыхъ въ кустарныхъ производствахъ и на фабрикахъ съ паровыми двигателями. Онъ нашелъ, что въ округѣ Заальфельдѣ машинный трудъ развитъ въ 17 разъ болѣе, чѣмъ въ болѣе преступномъ округѣ Зоннебергѣ. Положеніе кустарныхъ рабочихъ въ Саксенъ-Мейнингенскомъ герцогствѣ особенно тяжело: они работаютъ по 14—16 часовъ, а фабричные рабочіе—по 8—10 часовъ въ сутки; кустари проводятъ ночи въ нездоровой атмосферѣ этихъ дурныхъ жилищъ, служащихъ мастерскими; притомъ рабочій день кустаря оплачивается дешевле (*Вейдеманъ*: о. с., стр. 47—50). Еще сильнѣе вліяніе промышленнаго труда на преступность дѣтей противъ собственности.

хлѣбныя цѣны утратили въ настоящее время свое вліяніе на преступность, не только противорѣчитъ приведеннымъ выше статистическимъ даннымъ, но представляется неправильнымъ и по другимъ соображеніямъ. Дэни разсматриваетъ вліяніе цѣнъ на преступность, не разбивая ее на ея совершенно различныя формы: на преступность противъ собственности, противъ личности и общественнаго порядка.

Относительно вліянія хлѣбныхъ цѣнъ на преступность противъ личности существуетъ распространенное среди сторонниковъ уголовно-антропологической школы мнѣніе, что удешевленіе и вздорожаніе хлѣба и другихъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ оказываютъ обратное вліяніе на число преступленій противъ личности: они повышаются при удешевленіи хлѣба и уменьшаются при его вздорожаніи. Важность такого утвержденія очевидна: если оно правильно, то можетъ быть поднятъ вопросъ, долженъ ли законодатель принимать такія мѣры, которыя поведутъ къ удешевленію жизни, къ уменьшенію преступности противъ

Округа.	Осуждено.	Изъ 100 школьниковъ занято въ промышленности.
Мейнингенъ	739	0,3
Заальфельдъ	834	7,0
Хильдбургхаузенъ. . . .	900	20,0
Зоннебергъ	985	43,0

Весьма цѣнной является работа *Форназари ди Верче*. Изслѣдованіе автора охватываетъ періодъ съ 1873 по 1890 гг. Онъ изучаетъ вліяніе на различныя преступленія заработной платы рабочаго, выраженной въ количествѣ часовъ, потребныхъ въ каждомъ изъ изслѣдуемыхъ имъ годовъ на заработокъ опредѣленнаго количества хлѣба. Свои окончательные выводы авторъ резюмировалъ такъ: подъ *сильнымъ* вліяніемъ экономическихъ факторовъ находятся кражи и вообще мелкія преступленія противъ собственности, обманы и присвоеніе; эти же факторы вліяютъ *достаточно* на разбой, грабежъ безъ убій-

собственности, но въ то же время и къ развитію болѣе серьезныхъ преступленій противъ личности.

Объясненіе такому обратному соотношенію между цѣнами на хлѣбъ и преступностью противъ личности криминалисты-антропологи видятъ въ томъ, что при удешевленіи хлѣба наступаетъ улучшенное питаніе, увеличивается запасъ жизненной энергіи и послѣдняя находитъ себѣ выходъ въ насильственныхъ дѣйствіяхъ, какими являются всѣ преступленія противъ личности. По мнѣнію Ломброзо, голодъ понижаетъ половыя влеченія, а хорошее питаніе увеличиваетъ ихъ, а вмѣстѣ съ ними приводитъ и къ повышенію преступленій противъ нравственности [1]). Можно ли согласиться съ такимъ объясненіемъ, если даже признать, что удешевленіе пищи бѣдняка имѣетъ своимъ слѣдствіемъ большее участіе его въ преступленіяхъ противъ личности? Не думаемъ. Объясненіе Ломброзо совершенно не считается со степенью физической истощенности бѣдныхъ классовъ; объ излишкѣ энергіи у нихъ не можетъ быть и рѣчи: если каждая лишняя копейка, переплачиваемая бѣдняками на фунтъ вздорожавшаго хлѣба, пре-

---

ства, на семейныя преступленія, на мелкія преступленія противъ личности; *мало* вліяютъ на преступленія противъ общественнаго спокойствія и порядка управленія (кромѣ возмущеній); *не вліяютъ* на преступленія противъ государственной безопасности, противъ религіи, на поджоги, лжесвидѣтельство и др. (*Fornasari di Verce*: о. с., стр. 107). Выводы Вейдемана и Форназари ди Верче нѣсколько ослабляются тѣмъ обстоятельствомъ, что оба автора брали цифры всей преступности, не раздѣляя преступниковъ по ихъ профессіямъ. Несомнѣнно, что при изученіи вліянія заработной платы было бы правильнѣе брать цифры преступности только рабочаго класса, а не всего населенія. Но недостатки уголовной статистики не позволили сдѣлать этого, и методъ названныхъ криминалистовъ долженъ быть признанъ лучшимъ изъ тѣхъ, которыми они могли воспользоваться при современномъ положеніи матеріала. О вліяніи на преступность положенія рабочаго класса говоритъ также *Феличе* (въ главѣ „Bilancio del dellitto e bilancio del lavoro“); въ частности онъ подробнѣе останавливается на условіяхъ труда работающихъ въ сѣрныхъ шахтахъ, одинъ изъ которыхъ, заключенный въ едва ли не самую худшую тюрьму, говорилъ автору: „Здѣсь есть кровать, вотъ—супъ, здѣсь воздухъ!.. Этого не сравнишь съ шахтой. О, если бы у моей семьи было все это!..“ (*Felice*: „Principii di sociologia criminale“, стр. 101). См. также: *Proal*: „Le crime el la peine“, 1892, стр. 223—230 (la criminalié et les professions); *Lombroso e Laschi*: „Il delitto politico e le revoluzioni“, Torino, 1890, стр. 541—543.

[1]) *Ломброзо*: „Die Ursachen etc.“, стр. 74.

вращаетъ многихъ изъ нихъ въ воровъ и въ другихъ преступниковъ противъ собственности, то удешевленіе на ту же копейку важнѣйшихъ съѣстныхъ припасовъ даетъ лишь малую долю необходимой для трудовой жизни энергіи. Легко себѣ представить, что руки голоднаго бѣдняка протягиваются за чужою собственностью, но трудно признать, что лишній фунтъ хлѣба дѣлаетъ бѣдняка крозожадным, похотливымъ, буяномъ и задирой [1]).

Но существуетъ и другое объясненіе увеличенія преступности въ годы дешевыхъ цѣнъ. Нѣкоторые полагаютъ, что удешевленіе хлѣба ведетъ къ алкоголизму, а этотъ послѣдній поднимаетъ преступность противъ личности. Такое объясненіе менѣе противорѣчитъ интересамъ пролетаріевъ, чѣмъ первое: оно не даетъ правительству права игнорировать условія экономическаго положенія бѣдныхъ классовъ, но лишь дѣлаетъ необходимой борьбу съ алкоголизмомъ. Это объясненіе опровергается наблюденіями, показывающими развитіе пьянства не въ годы паденія цѣны на хлѣбъ, но въ годы чрезмѣрнаго ея увеличенія. Есть такія ступени безысходной голодной нужды, гдѣ лишь водка даетъ забвеніе. Таково мнѣніе Baer'a, автора выдающагося труда объ алкоголизмѣ. Одну изъ главъ своей работы онъ начинаетъ заявленіемъ о своемъ согласіи съ Либихомъ, авторомъ «Химическихъ писемъ»: «страсть къ спиртнымъ напиткамъ — не причина, но слѣдствіе нужды». Указывая на бродягъ, нищихъ, проститутокъ и дѣтей пролетаріата, вырастающихъ на улицѣ, онъ говоритъ, что всѣ эти ступени пролетаріата тѣмъ болѣе предаются пьянству, чѣмъ безнадежнѣе ихъ нищета [2]). Въ видѣ яркаго примѣра можно указать на Aachen, гдѣ въ 1874 году вслѣдствіе кризиса было закрыто 80 фабрикъ, заработокъ рабочихъ понизился на $^1/_3$, число нищенствующихъ семей поднялось съ 1.864 до 2.225, число кабаковъ—съ 183 до 305 и количество проститутокъ—съ 37 до 101 [3]).

[1]) Такъ какъ Ломброзо и его послѣдователи любятъ при изученіи преступника дѣлать экскурсіи въ область животнаго и растительнаго царства и сравнивать преступнаго человѣка съ животными, то излишне указать, что самые хищные звѣри становятся послѣ хорошей кормежки менѣе страшными.

[2]) *Baer*: „Der Alcoholismus, seine Verbreitung etc.“, 1878, стр. 317—318.

[3]) *Lombroso*: „Die Ursachen etc.“, стр. 79.

Таково же мнѣніе Вандервельда и многихъ другихъ писателей [1]).

Этой же точки зрѣнія держится и Колаянни, полагающій, что къ алкоголизму ведутъ не лучшія матеріальныя условія, но, наоборотъ, нужда и затруднительное экономическое положеніе. Криминалистъ-соціалистъ Бонжеръ сводитъ причины алкоголизма къ слѣдующимъ: а) занятіе нѣкоторыми профессіями при слишкомъ холодной или высокой температурѣ (таковъ трудъ матросовъ, портовыхъ рабочихъ, машинистовъ, работающихъ въ шахтахъ и пр.); занятіе такими промыслами, при которыхъ получается много пыли или газовъ (таковъ трудъ каменотесовъ, каменщиковъ и пр.); къ алкоголизму ведетъ занятіе и такими профессіями, при которыхъ рабочимъ приходится имѣть дѣло съ алкоголемъ, какъ, напримѣръ, рабочимъ на винныхъ заводахъ; б) слишкомъ большая продолжительность рабочаго дня [2]); в) дурное или недостаточное питаніе; г) дурныя жилища; необезпеченное существованіе и безработица; д) отсутствіе здоровыхъ развлеченій.

Итакъ, бѣдность, а не благосостояніе является факторомъ алкоголизма. Но обратимся къ цифрамъ преступности и хлѣбнымъ цѣнамъ. Статистическія данныя намъ показываютъ, что преступленія противъ личности возрастаютъ непрерывно, а цѣны на хлѣбъ то падаютъ, то возвышаются. Такъ, въ Германіи преступленія противъ личности росли непрерывно съ 1882 г. по 1898 г., и за всѣ эти 17 лѣтъ было лишь два самыхъ незначительныхъ пониженія въ 1888 г. и въ 1897 г. Между тѣмъ цѣны на хлѣбъ претерпѣли за этотъ періодъ нѣсколько измѣненій: понижались съ 1882 по 1887 г., повышались съ 1888 г. по 1891 г. и затѣмъ падали до 1894 г. и снова поднимались до 1898 года. При этомъ первое изъ этихъ двухъ

[1]) *Вандервельдъ:* „Экономическіе факторы алкоголизма. Алкоголизмъ и народъ". Перев. Современная библіотека. 1904 г. „Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что алкоголизмъ имѣетъ свои глубокія причины, что безысходная нужда, недостаточное питаніе, невозможное состояніе жилищъ, излишняя продолжительность рабочаго времени и т. п. являются факторомъ, способствующимъ распространенію этого бича человѣчества". 37 стр.

[2]) *Бонжеръ:* „Criminalité etc.", стр. 417: въ Австраліи, въ штатѣ Викторіи, введенію восьмичасового рабочаго дня противились кабатчики.

пониженій преступленій противъ личности совпадаетъ, вопреки оспариваемому нами мнѣнію, съ пониженіемъ преступности противъ собственности въ 1888 г., вызваннымъ сильнымъ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ въ 1887 г.

Добавимъ, что въ разсматриваемый періодъ германской статистики на годы съ дешевой цѣною хлѣба не выпадаетъ большаго потребленія пива (въ 1887 г. —97,9 литр. на голову, въ 1888 г.—97,5 литр.) и, наоборотъ, въ наиболѣе дорогомъ году—1891—было потреблено 105,5 литр. То же самое было и относительно спиртныхъ напитковъ: наименьшее количество потребленнаго спирта приходилось на дешевые 1887 и 1888 годы (3,6 литр. на голову), въ наиболѣе дорогіе годы—1991 и 1892—было потреблено больше почти на литръ (4,4 литр.). Изысканія уже цитированнаго нами Вейдемана показываютъ, что преступленія противъ личности (тѣлесныя поврежденія) всего чаще совершаются въ округѣ Зоннебергѣ (561 на 100 тыс.), гдѣ жизнь дороже и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ совершается болѣе преступленій противъ собственности; наоборотъ, въ округѣ Хильдбургхаузенѣ жизнь дешевле, и въ немъ совершается менѣе преступленій не только противъ собственности, но и противъ личности (381 тѣлесныхъ поврежденій на 100 тыс. населенія).

Изслѣдователь преступности въ кантонѣ Цюрихѣ пришелъ къ оспариваемому Колаяни и нами выводу относительно обратнаго вліянія хлѣбныхъ цѣнъ на преступность противъ личности. Но изъ прекрасныхъ чертежей, сопровождающихъ обстоятельную работу этого автора, видно, что движеніе линій, изображающихъ преступность противъ личности и хлѣбныя цѣны, далеко не обратное. Такъ, мы усматриваемъ изъ его чертежа безостановочный ростъ, начиная съ 1885 г. и до 1892 г., преступленій противъ личности, но въ то же время цѣны на хлѣбъ испытали шесть различныхъ измѣненій: три раза падали и три раза снова поднимались. Паденіе же цѣнъ въ періодъ съ 1881 до 1885 г. сопровождалось параллельнымъ, за исключеніемъ одного 1884 г., пониженіемъ преступленій противъ личности. Впрочемъ, авторъ далекъ отъ мысли приписать пониженію цѣнъ прямое развращающее вліяніе: ни въ какомъ случаѣ, говоритъ онъ, мы не можемъ придавать выводимому тотъ фактъ, что другими равными условіями

ведетъ къ большей преступности противъ личности... не столько хорошія матеріальныя условія жизни сами по себѣ, сколько легкомысліе, грубость, неправильный образъ жизни (алкоголизмъ) при достаточномъ матеріальномъ положеніи вызываютъ преступленія противъ личности [1]).

Для Колаяни несомнѣнна прямая связь между преступленіями противъ личности и бѣдностью, но особенно сильно косвенное вліяніе послѣдней: она ведетъ къ недостаточному воспитанію дѣтей бѣдняковъ.

Если отъ статистики мы обратимся къ личнымъ наблюденіямъ различныхъ авторовъ, то среди нихъ мы не найдемъ фактовъ, подтверждающихъ заключенія уголовно-антропологовъ относительно обратнаго вліянія хлѣбныхъ цѣнъ на преступность противъ личности. Наоборотъ, нѣтъ недостатка въ наблюденіяхъ роста этихъ преступленій при неурожаяхъ и общихъ голодовкахъ. Такова извѣстная среди криминалистовъ работа д-ра Matignon о бѣдности, преступности и суевѣріи въ Китаѣ. Авторъ отмѣчаетъ распространенность среди китайцевъ преступленія дѣтоубійства, несмотря на запретительные императорскіе указы и приказы вице-королей. Въ болѣе достаточныхъ провинціяхъ это преступленіе совершается рѣже, и есть соотношеніе его съ годами голода. Чаще убиваютъ новорожденныхъ женскаго пола, такъ какъ дочь—болѣе тяжелое для китайца бремя. Нужда же заставляетъ китайцевъ продавать своихъ дочерей для цѣлей проституціи. Наконецъ, авторъ объясняетъ бѣдностью распространенность среди китайцевъ произведенія выкидышей: на стѣнахъ города можно видѣть афиши аптекарей, расхваливающихъ силу своихъ снадобій и искусство врачей [2]).

---

[1]) *Мейеръ:* о. с., стр. 97.

[2]) *Matignon* знакомитъ читателей съ интересной китайской литературой, посвященной апологіи убійства по нуждѣ. Онъ приводитъ между прочимъ разсказъ „о добромъ сынѣ“. Добрый сынъ, имѣющій жену и ребенка, говоритъ женѣ: „У насъ нечѣмъ кормить семью; надо убить нашего сына. Тогда мы будемъ въ состояніи прокормить моего старика-отца. Если отецъ умретъ, то боги не дадутъ другого, а ребенокъ у насъ можетъ всегда родиться другой“. Жена соглашается, ребенка убиваютъ сами родители, и мораль басни не нуждается въ комментаріяхъ („Superstition, Crime et misère en Chine“, 1899, стр. 224—235). Два года тому назадъ газеты сообщали о страшномъ голодѣ, постигшемъ Китай, и отмѣчали быстрое возрастаніе числа

Неурожаи, постигавшіе Россію, всегда обогащали судебную хронику газетъ извѣстіями о многочисленныхъ случаяхъ убійствъ и нападеній съ цѣлью грабежа.

Такимъ образомъ мы склонны признать, что тяжелое экономическое положеніе является факторомъ преступленій и противъ личности. Но весьма значительный процентъ этихъ преступленій совершается подъ вліяніемъ другого фактора — алкоголизма, развивающагося всего чаще, какъ было указано выше, на почвѣ бѣдности.

Громадное значеніе алкоголя, какъ причины преступности, было подмѣчено очень давно [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ было установлено, что онъ оказываетъ болѣе вліянія на преступленіе противъ личности и противъ общественнаго порядка, чѣмъ противъ собственности. Такъ,

---

убійствъ и разбойничества. „Рисъ сгорѣлъ,—пишетъ очевидецъ,—урожай совершенно пропалъ, рѣки высохли. Все населеніе было вынуждено кормиться кореньями, пить гнилую воду изъ грязныхъ лужъ. Цѣлыя семьи и даже села погибали отъ голоднаго тифа... Разбойничество достигло высшихъ размѣровъ. Тѣ, которые спаслись отъ голода, подвергались опасности умереть отъ рукъ убійцъ. Ужасъ и паника, наведенныя на населеніе разбойничьими шайками, превосходятъ всякое описаніе („Figaro“, 1903 г., цитировано по „Курьеру“, 1903, IX).

[1]) См. объ этомъ у *И. И. Григорьева*: „Алкоголизмъ и преступленія въ С.-Петербургѣ“, 1900 г. Уже въ 1483 г., т.-е. 28 лѣтъ спустя послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, были изданы въ Германіи книги объ алкоголизмѣ; также *Baer*: о. с., стр. 339—340. Въ Англіи уже въ 1834 году была выбрана парламентская комиссія для выясненія вліянія алкоголизма. *Кетле* въ своей соціальной физикѣ („Sur l'homme“, II, стр. 341) заявлялъ, что чѣмъ менѣе предпринимаетъ общество для подавленія пьянства, тѣмъ болѣе оно ведетъ къ увеличенію числа преступленій; сумма, которую получаетъ государственная казна отъ пошлины на водку и отъ налоговъ съ питейныхъ заведеній, она съ избыткомъ затрачиваетъ на отправленіе уголовной юстиціи, на издержки по содержанію тюремъ, рабочихъ домовъ и заведеній для душевнобольныхъ. *Кроне*, извѣстный германскій тюрьмовѣдъ, опредѣляетъ на основаніи своей 20-лѣтней практики въ четырехъ нѣмецкихъ княжествахъ, что 70% всѣхъ преступленій и проступковъ стоятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ пьянствомъ. Уже цитированный нами *Baer* („Der Alkoholismus“) сообщаетъ цифры о 30.041 заключенныхъ въ 49 каторжныхъ тюрьмахъ, 21 исправительномъ домѣ, 32 тюрьмахъ: онъ нашелъ среди нихъ 43,9% подверженныхъ пьянству („Eine Kriminalpsychologische Studie. Alkoholgenuss u. Verbrechen“ *Ашаффенбурга*. „Zeit. f. d. g. Str“, B. XX, стр. 81—100). См. также рус. переводъ Ашаффенбурга: „Преступленіе и борьба съ нимъ“. Подъ ред. Я. Л. Сакера. О., 1906 г.

Ашафенбургъ сообщаетъ, что наибольшій процентъ привычныхъ пьяницъ, а также и лицъ, совершившихъ преступленіе въ состояніи случайнаго опьянѣнія, былъ среди преступниковъ противъ нравственности (9% привычныхъ и 66% случайныхъ), среди обвиняемыхъ въ сопротивленіи властямъ (5,1% привычныхъ и 70,1% случайныхъ) и среди обвиненныхъ въ причиненіи тѣлесныхъ поврежденій (3,1% и 51,3%) [1]. На международномъ тюремномъ конгрессѣ 1900 года обсуждался вопросъ о вліяніи алкоголя на преступность и указывалось, что $^1/_2$ обвиняемыхъ въ нанесеніи ранъ обыкновенно находятся при совершеніи преступленія въ состояніи опьянѣнія [2].

Несомнѣнно, что не всѣ проступки и преступленія разсматриваемой нами группы, совершонные въ пьяномъ состояніи или привычными пьяницами, совершаются людьми бѣдныхъ, неимущихъ классовъ. Интересныя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи сообщаетъ Ашафенбургъ изъ жизни гейдельбергскихъ студентовъ: по даннымъ полицейскаго бюро г. Гейдельберга, оказывается, что съ 18-го іюня по 16-е іюля 1899 года въ этомъ городѣ было арестовано 102 студента (при общемъ числѣ 1.462 матрикулированныхъ) за появленіе на улицѣ въ безобразно-пьяномъ видѣ и за совершеніе различныхъ проступковъ, на какіе подвинула ихъ пьяная фантазія (тушеніе фонарей, безчинства, нарушеніе тишины и пр.) [3].

---

[1]) Среди остальныхъ преступленій чаще другихъ совершается въ состояніи опьянѣнія нарушеніе домоваго мира (55, 2%) и всего рѣже воровство (16,5%) (*Ашафенбургъ:* о. с., стр. 84—85).

[2]) „Actes du Congrès Penit. intern.“, 1900, т. 1 „Quelle est dans les divers pays l'influence reconnue de l'alcool sur la criminalité?“ Было представлено девять докладовъ. Докладчики, принадлежавшіе по своей національности къ различнымъ государствамъ, опредѣляли процентъ алкоголиковъ среди преступниковъ различно: Мольго—59%, Марамба—64%, Сюльванъ—60% (Англія), Бакеръ—отъ 55 до 60%, Шафротъ—42% (Швейцарія), Визельгренъ—74,8 (Швеція). По сообщенію Аштрота („Einfluss des Alkoholismus auf Verbrechen, Verarmung und Geistkrankheit“. „Blätt. f. d. Gefängnisskunde“, B. XXXI, стр. 63—65), статистическое бюро Массачузетскаго штата нашло, что въ 1894—95 гг. изъ 26.672 осужденныхъ 21.863 находились при совершеніи преступленія въ пьяномъ состояніи. См. также *Піонтковскаго, А. А.*: „Роль алкоголизма въ этіологіи преступленій“. „Ж. М. Ю.“, 1903, № 4.

[3]) *Ашафенбургъ:* о. с., стр. 91. За указанный мѣсяцъ рѣдкій день проходилъ безъ ареста пьяныхъ студентовъ, и бывали дни, когда число арестованныхъ достигало восьми, семнадцати и даже девятнадцати человѣкъ.

Если таково вліяніе алкоголя на людей воспитанныхъ, образованныхъ, то во сколько же разъ сильнѣе оно должно сказываться на человѣкѣ бѣдномъ и темномъ, выросшемъ среди обстановки, гдѣ съ ранняго дѣтства онъ видитъ грубыя картины пьянаго безобразія!

Намъ остается выяснить вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ на преступленія, направленныя противъ властей и противъ порядка управленія. Колаянни не соглашается съ Ломброзо, что наиболѣе могущественными факторами революцій являются физическіе. Онъ полагаетъ, что и въ данномъ случаѣ главная роль принадлежитъ экономическимъ условіямъ. По мнѣнію Ломброзо, изъ 142 волненій въ Европѣ съ 1793 по 1886 г. лишь 48 были вызваны экономическими причинами, но это составитъ $^1/_3$ общаго числа. Что касается остальныхъ волненій, то, по мнѣнію Колаянни, въ категорію «политическихъ волненій, направленныхъ противъ короля, властей и политическихъ партій», долженъ входить экономическій факторъ. Онъ входитъ и въ военные бунты и въ безпорядки, направленные противъ иностранныхъ рабочихъ. Насколько бываетъ благороденъ, чистъ и безкорыстенъ патріотизмъ отдѣльныхъ личностей, настолько пружиной, приводящей въ движеніе массы, почти всегда бываетъ экономическая нужда. Въ Нормандіи съ 1725 г. по 1768 г. было девять возстаній, вызванныхъ бѣдностью. Въ Богеміи, Тиролѣ, въ Прирейнскихъ провинціяхъ и въ Польшѣ были безчисленныя волненія, вызванныя этой же причиною. Почти всѣ возстанія въ Италіи, происшедшія съ 1860 г., были вызваны нуждою. Колаянни признаетъ, что въ нашъ вѣкъ революціонизирующее значеніе экономическихъ кризисовъ уменьшается стараніемъ правительствъ облегчить тягости страдающихъ. Но это имъ не всегда удается, какъ свидѣтельствуютъ октябрьскіе дни 1831 г. въ Ліонѣ, іюньскіе 1848 г. въ Парижѣ, аграрная революція въ Галиціи 1848 г. и многіе кровавые бунты въ Бельгіи, Франціи, Соединенныхъ Штатахъ и Англіи.

То обстоятельство, что волненія часто разрастались въ Бельгіи и Франціи, хотя эти государства стали богаче, чѣмъ прежде, не опровергаетъ, по мнѣнію Колаянни, его основного положенія о значеніи экономическихъ условій, такъ какъ важно не количество богатства въ странѣ, но его

распредѣленіе. Придавая такое большое значеніе бѣдности, какъ фактору мятежей, волненій и революцій, Колаянни полагаетъ, что слишкомъ тяжкая и долгая нищета дѣлаетъ человѣка безсильнымъ, убиваетъ въ немъ энергію, приспособляетъ его къ низшей средѣ. Въ данномъ случаѣ Колаянни сошелся во взглядахъ съ Ломброзо и Лаши, которые высказываютъ ту же самую мысль и подтверждаютъ ее ссылками на болѣе частыя волненія въ средніе вѣка въ городахъ, организовавшихся въ общины, чѣмъ въ феодальныхъ владѣніяхъ, гдѣ народъ страдалъ отъ тягостей страшной бѣдности; изъ 46 годовъ голода въ Неаполѣ только шесть разъ было совпаденіе голода и мятежей, но тамъ же не было волненій во время голода 1182 года и въ слѣдующіе за нимъ пять голодныхъ лѣтъ, когда люди едва находили въ травѣ полей чѣмъ кормиться. Въ Индіи въ страшныя голодовки 1865—66 гг., когда нѣкоторыя мѣстности потеряли 25—35% населенія, не было возстаній [1]).

Къ сожалѣнію, вопросъ о вліяніи бѣдности и голодной нужды на мятежи и другія преступленія противъ власти и установленнаго въ странѣ порядка правленія совершенно не разработанъ въ уголовной литературѣ. Цитированный выше трудъ Ломброзо и Лаши вмѣстѣ съ работой Колаянни являются единственными, выясняющими причины политическихъ преступленій. Но Ломброзо слишкомъ мало удѣлилъ вниманія разсмотрѣнію экономическихъ факторовъ, а Колаянни почти совсѣмъ не представилъ доказательствъ своихъ положеній. Впрочемъ, что касается доказательствъ, то въ данномъ случаѣ ими не могутъ быть тѣ статистическія данныя, которыми Колаянни и мы до сихъ поръ пользовались.

Преступленія разсматриваемой нами категоріи слишкомъ незначительны по своему количеству, чтобы при ихъ изученіи можно было воспользоваться статистическимъ методомъ. Но методъ наблюденія, т.-е. изслѣдованіе въ ка-

---

[1]) *Колаянни:* о. с., т. II, § 126.

„Если народъ поднимаетъ возстаніе, то наблюденія показываютъ, что онъ находится въ состояніи относительнаго благополучія (in un stato relativo di benessere), такъ какъ при крайней нуждѣ народъ, какъ и человѣкъ, не имѣетъ достаточно энергіи для дѣйствія“ (*Ломброзо и Лаши:* ук. с., стр. 84 и слѣд.).

ждомъ отдѣльномъ случаѣ причинъ государственныхъ преступленій, мятежа, волненій и пр., можетъ и долженъ быть примѣненъ и въ данномъ случаѣ. Такое изслѣдованіе привело самого Ломброзо и другого сторонника уголовно-антропологической школы, Лаши, къ признанію за бѣдностью извѣстной доли значенія фактора преступности противъ властей и порядка управленія. Но несомнѣнно, что вліяніе экономическихъ факторовъ здѣсь сильнѣе, чѣмъ думаютъ сторонники уголовно-антропологической школы.

Съ каждымъ днемъ растетъ контрастъ между богатствомъ и бѣдностью, увеличивается недовольство бѣдныхъ классовъ своимъ положеніемъ и растетъ вражда пролетаріевъ къ тѣмъ, кого онъ считаетъ виновниками своего приниженнаго положенія, кого онъ называетъ своими эксплоататорами. Крайнее обостреніе розни между экономически обезпеченнымъ классомъ и другимъ, ничего, кромѣ рабочихъ рукъ, не имѣющимъ, не можетъ быть оспариваемо въ наше время. На почвѣ этой розни и классовой ненависти совершаются многочисленныя преступленія. Среди нихъ мы назовемъ прежде всего анархистскія покушенія. Уголовные процессы анархистовъ показали, что исполнителями этихъ такъ волновавшихъ общественное мнѣніе покушеній были по большей части рабочіе, испытавшіе на себѣ всѣ тягости крайней нищеты. Казеріо, убійца президента Карно, былъ бѣдный итальянецъ, по профессіи булочникъ. Свое преступленіе онъ совершилъ въ то время, когда былъ безъ работы. Въ одномъ изъ своихъ писемъ передъ казнью онъ писалъ: «я хочу объяснить свой поступокъ... 14 лѣтъ отъ роду я узналъ «общественный порядокъ», которымъ мы обязаны ничего недѣлающимъ, занимающимся потребленіемъ. Все должно принадлежать рабочимъ. Плотники, каменщики, настроивъ множество домовъ, не имѣютъ своего угла, гдѣ бы они могли преклонить голову; люди умираютъ съ голоду, а рядомъ—магазины, переполненные всѣмъ необходимымъ; рядомъ—тысячи богачей, прожигающихъ ежедневно тысячи франковъ...» [1]). Другой извѣстный анархистъ, Равашоль, былъ тоже бѣдный рабочій; въ проектѣ своей защитительной рѣчи онъ въ яркихъ краскахъ рисуетъ всю разницу въ

[1]) *Ломбр.*: „Caserio en prison“, „Arch. d'Anthr. crim.“, 1903, т. 18.

положеніи богатыхъ и бѣдныхъ классовъ и говоритъ: «Что долженъ дѣлать тотъ, кто, несмотря на трудъ, все же терпитъ нужду въ необходимомъ? Если ему придется прекратить работу, онъ умретъ съ голода, и тогда въ утѣшеніе трупу бросятъ нѣсколько жалкихъ словъ. Я предоставляю это другимъ. Я предпочитаю контрабанду, воровство, поддѣлку денегъ, убійство! Я могъ бы просить милостыни, но это позорно и мерзко, и притомъ ваши законы дѣлаютъ даже изъ самой нищеты преступленіе... Вотъ почему я совершилъ дѣянія, которыя мнѣ ставятъ въ вину и которыя являются лишь логическимъ послѣдствіемъ варварскаго состоянія общества... Господа, не преступниковъ надо судить, но уничтожить причины преступленій. Создавая статьи и кодексы, законодатели забыли, что они такимъ образомъ борются не съ причинами, но лишь со слѣдствіями и потому нисколько не уничтожаютъ преступности... Что же дѣлать? Уничтожить бѣдность, эту причину преступленій, и обезпечить каждому удовлетвореніе его потребностей». Тѣ же мысли развивалъ бельгійскій анархистъ Муано во время суда надъ нимъ въ 1892 г. Когда предсѣдатель суда спросилъ анархиста Лукени о мотивахъ его преступленія, онъ отвѣчалъ: «Это — бѣдность». Вальянъ съ 12-ти лѣтъ долженъ былъ самъ зарабатывать свой хлѣбъ и испыталъ всѣ тягости нищеты. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, вліяніе бѣдности авторовъ анархистскихъ покушеній на разсматриваемыя нами преступленія выступаетъ выпукло и ярко. Но факторомъ этихъ преступленій являются не только личная нужда и страданія анархиста, но и нищета и страданія другихъ, за которыхъ онъ борется.

Анархистскія покушенія можно назвать возстаніями отдѣльной личности противъ установившагося режима. Если эти возстанія вызываются, какъ показываютъ наблюденія, экономическими причинами, то внѣ всякаго сомнѣнія установлено, что этими же факторами вызываются въ большинствѣ случаевъ возстанія и массовыя волненія, поднимаемыя цѣлыми группами населенія. Таковы, напримѣръ, рабочія и крестьянскія движенія. Значеніе экономическихъ причинъ въ данномъ случаѣ общепризнано. Россія, особенно за послѣдніе годы, даетъ многочисленныя доказательства такого происхожденія рабочихъ волненій и аграр-

ныхъ безпорядковъ, но эти важныя явленія русской жизни должны послужить предметомъ подробнаго и спеціальнаго изслѣдованія криминалиста соціологической школы. Къ сожалѣнію, въ настоящее время трудно и мало доступны для изслѣдованія такіе наиболѣе цѣнные матеріалы по этому вопросу, какъ результаты, добытые предварительными и судебными слѣдствіями: до послѣдняго времени почти всѣ эти процессы слушались при закрытыхъ дверяхъ, и лишь отрывочныя свѣдѣнія попадали о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ иностранную и заграничную русскую печать.

ГЛАВА VI.

Уголовное право будущаго.

Чѣмъ хуже живется человѣку, чѣмъ тяжелѣе окружающая его обстановка, тѣмъ чаще рождаются въ его воображеніи картины лучшаго будущаго. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти мечты о счастьѣ не переходятъ въ область дѣйствительности; очень часто онѣ—лишь бредъ больной души, истерзанной суровою дѣйствительностью; очень часто самъ мечтатель сознаетъ всю несбыточность своихъ фантазій, но нѣтъ никакихъ силъ отрѣшиться отъ нихъ: онѣ непоборимы и вѣчны. Если ихъ содержаніе мѣняется, то его сущность — *лучшее будущее* — остается на протяженіи всѣхъ вѣковъ неизмѣнною. Умираютъ поколѣнія, проходятъ въ вѣчность цѣлыя столѣтія, но мечта о лучшемъ будущемъ живетъ, безсмертная, сіяющая, радостная, нестарѣющая, и даетъ жизнь и безсмертіе именамъ наиболѣе изъ талантливыхъ мечтателей. Такъ, «Утопіи» Томаса Мора — уже 400 лѣтъ, «Городу Солнца» Кампанеллы — 300 лѣтъ. Но протекшія столѣтія не только не изгладили памяти объ этихъ авторахъ, но ихъ изучаютъ, переводятъ и переиздаютъ.

Мечтаетъ о будущемъ и сама наука. Мы не знаемъ такихъ областей знанія или искусства, жрецы и служители которыхъ всегда бы оставались холодными созерцателями лишь настоящаго или безстрастными изслѣдователями только прошлаго. Пытливая мысль никогда не довольствовалась знаніемъ лишь того, что было и есть, но постоянно стремилась проникнуть въ тайны будущаго.

Въ стремленіи предугадать будущее трудно, почти немыслимо совершенно отрѣшиться отъ фантазіи, и мы находимъ элементъ фантастичности въ той или другой степени почти во всѣхъ попыткахъ начертать будущіе горизонты завоеваній человѣческаго генія.

Криминалисты также не остались чуждыми мечтамъ о лучшемъ будущемъ для уголовнаго права. На этомъ вопросѣ не разъ останавливались Ферри, Листъ, Рауль де ла Грассери, Тардъ и другіе. Не могли обойти молчаніемъ вопроса о будущемъ уголовномъ правѣ и всѣ тѣ реформаторы, которые думали о пересозданіи государственнаго строя.

Но если вѣрна мысль, что мечтать о лучшемъ будущемъ особенно расположены тѣ, кого не удовлетворяетъ настоящее, то вполнѣ понятны мечты криминалистовъ о будущемъ уголовномъ правѣ. Слишкомъ тяжело настоящее: убійства, грабежи, казни, насилія и оковы показываютъ, что не братъ человѣкъ человѣку, но homo homini lupus est. Вмѣсто провозглашеннаго равенства — налицо самая беззастѣнчивая эксплоатація и въ результатѣ переложеніе податной повинности преступленію лишь на экономически необезпеченные слои населенія. Въ утѣшеніе наиболѣе чувствительнымъ законодательства провозглашаютъ ненаказуемость голодной кражи для спасенія жизни и, внеся въ свои кодексы эту статью, вполнѣ успокаиваются, какъ будто этимъ десяткомъ словъ они накормили всѣхъ голодныхъ и уничтожили значеніе голода, какъ фактора преступности. Между тѣмъ не проходитъ дня, чтобы современные суды не выносили обвинительныхъ приговоровъ лицамъ, совершившимъ свое преступленіе подъ несомнѣннымъ вліяніемъ нужды или крайней бѣдности. Выше мы уже имѣли случай выяснить, что для права вообще и уголовнаго права въ частности не всѣ граждане—родныя дѣти, что у него есть и пасынки. Если отъ этого изслѣдованія права мы обратимся къ наблюденіямъ за его примѣненіемъ, то найдемъ достаточное количество фактовъ такого суроваго осужденія, съ которыми не можетъ мириться совѣсть нѣкоторыхъ криминалистовъ, и ихъ мысль съ неизбѣжною необходимостью начинаетъ свой полетъ за границы настоящаго въ предѣлы лучшаго будущаго. Всякій ли сможетъ остаться спокойнымъ передъ фактами, напримѣръ, такого характера?

Въ московскомъ мировомъ съѣздѣ разбирается дѣло по обвиненію одного рабочаго въ кражѣ. Фабрикантъ конфетной фабрики С-овъ обвиняетъ его въ томъ, что онъ похитилъ у него полфунта барбарисныхъ конфектъ, цѣною 15—20 коп. за фунтъ при оптовой продажѣ. Рабочій признаетъ, что взялъ конфекты безъ разрѣшенія хозяевъ, но не съ цѣлью похищенія: онъ собирался итти съ ними въ контору фабрики, чтобы заявить просьбу о вычетѣ ихъ стоимости изъ его заработка. Фабрикантъ лично поддерживалъ жалобу, и съѣздъ, утвердивъ обвинительный приговоръ мирового судьи, заключилъ обвиняемаго на полтора мѣсяца въ тюрьму. Другой случай: въ камерѣ судьи обвиняется крестьянинъ въ кражѣ доски. На этотъ разъ владѣлецъ доски заявляетъ, что онъ положительно отказывается отъ обвиненія. Обвиняемый падаетъ въ ноги судьѣ и сознается, что «хотѣлъ взять грѣхъ на душу, но нужда заставила: пять дней горница не топлена, дѣтишки голодны, работы нѣтъ... Ни хлѣба, ни дровъ... Жена вотъ-вотъ родитъ». Онъ проситъ судью судить его по закону, судья приговариваетъ его къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Въ г. З. стоятъ двѣ каменныя полуразвалившіяся будки. Въ нихъ уже давно никто не живетъ; стѣны осыпались, и крыша сгнила. Забравшійся сюда обыватель захватилъ нѣсколько кирпичей для исправленія печки въ своей избѣ. Городовой задержалъ «вора». На судѣ обвинителемъ выступилъ членъ городской управы и энергично поддерживалъ обвиненіе. Свидѣтели установили, что кирпичи стоили не болѣе 5 коп., и судья приговорилъ обвиняемаго къ полутора мѣсяцамъ тюрьмы. Въ с. Б. въ зимнюю стужу крестьянинъ С., нуждаясь въ топливѣ, вытащилъ изъ помѣщичьяго плетня нѣсколько хворостинъ; другой крестьянинъ въ томъ же селѣ для тѣхъ же надобностей сорвалъ гнилую доску съ забора, окружавшаго кладбище, и сжегъ ее. Оба были приговорены въ тюрьму.

Эти примѣры можно увеличить до безконечности. Эти осужденія безработныхъ, не находящихъ работы, стариковъ, не имѣющихъ пристанища, дѣтей, вырастающихъ на улицѣ, всѣхъ страдающихъ отъ голода и холода основываются на томъ или другомъ толкованіи уголовнаго закона и даютъ право П. Кропоткину говорить, что «современная юстиція есть лишь форма организованнаго общественнаго возмездія и что буду-

щее общество легко обойдется безъ нея». Къ сожалѣнію, Кропоткинъ ограничивается лишь указаніями на возможную форму будущаго разрѣшенія столкновенія интересовъ, какою онъ считаетъ третейскій судъ [1]). Признавая, что въ новомъ анархическомъ обществѣ могутъ остаться индивидуумы, опасные для общежитія, онъ увѣренъ, что новые люди, умѣющіе обойтись безъ хозяевъ въ матеріальной сферѣ, также сумѣютъ обойтись безъ хозяевъ и въ моральной сферѣ, т.-е. безъ судей, безъ полиціи и безъ наказаній. Но если останется надобность въ третейскомъ судѣ, какъ предполагаетъ самъ авторъ, и не исчезнутъ опасныя для общежитія личности, то возникаетъ вопросъ о средствахъ борьбы съ этими личностями. Отвѣта на это у Кропоткина мы не находимъ. Мы не находимъ его и у многихъ другихъ анархистовъ. Отрицаніе закона потому, что «кто признаетъ законъ, признаетъ преступника; кто признаетъ преступника, признаетъ полицейскаго или жандарма, который арестуетъ, судью, который осуждаетъ, тюремнаго надзирателя, который заточаетъ въ тюрьму, и палача, который казнитъ» [2]), —такое отрицаніе нисколько не разъясняетъ возникающихъ недоумѣній.

Можетъ быть, когда-нибудь въ безконечно далекомъ будущемъ и настанетъ такое время, когда вмѣстѣ со всѣми несовершенствами общественной жизни умретъ все міровое зло, исчезнутъ всѣ пороки, забудется самое слово преступленіе и люди, готовые на всякое самопожертвованіе, проникнутся одною безграничною любовью къ своимъ и другъ другу. Можетъ быть, настанетъ такой день, когда душевно здоровые, нормальные люди не только не будутъ убивать, оскорблять, но даже обижать другъ друга. Конечно, тогда уголовное право, какъ и всякое другое право, будетъ совершенно лишне. Но такое время, если оно когда-нибудь придетъ, не можетъ наступить внезапно: между эпохой современнаго уголовнаго права съ его палачами и тюрьмами и эпохой его исчезновенія, небытія, долженъ пройти долгій періодъ трансформацій уголовнаго права,

---

1) *Петръ Кропоткинъ:* „Организація возмездія, именуемаго правосудіемъ“. Изданіе Кохманскаго. М., 1906 г., стр. 16.

2) *Севастьянъ Форъ:* „Міровая скорбь“. Изд. „Знанія“. 1906 г., стр. 236 - 237.

періодъ нарастанія того, что криминалисты называютъ «будущимъ уголовнымъ правомъ».

Неудивительно, что это будущее уголовное право представляется различнымъ криминалистамъ далеко не одинаковымъ. Есть свой идеалъ у криминалистовъ буржуазныхъ и соціалистовъ. Мы остановимся сначала на мечтахъ о будущемъ буржуазномъ уголовномъ правѣ со смертною казнью, съ развитой системой сыска, съ наказаніями противъ нарушителей священнаго права собственности и даже съ награжденіемъ орденами за добродѣтельное поведеніе, приличествующее честному буржуа. Таковы мечты объ уголовномъ правѣ Рауля де ла Грассери [1]).

Будущее уголовное право Рауля де ла Грассери очень недалеко ушло по своему характеру отъ современныхъ намъ уголовныхъ законодательствъ. Авторъ хотя и не отрицаетъ значенія соціальныхъ факторовъ и въ частности бѣдности, но говоритъ объ измѣненіи нравственнаго состоянія общества безъ соотвѣтствующаго ему *глубокаго* измѣненія его экономической структуры. Онъ увѣренъ, что съ теченіемъ времени люди настолько проникнутся сознаніемъ важности общественныхъ интересовъ, что сами добровольно и охотно примутъ широкое участіе въ борьбѣ съ преступленіемъ, въ раскрытіи и обнаруженіи виновныхъ. Не за страхъ и не за деньги, но по долгу совѣсти они будутъ помогать спеціальнымъ опытнымъ агентамъ по раскрытію преступленій. Для большей успѣшности этой сыскной дѣятельности различнымъ ассоціаціямъ въ обществѣ должно быть предоставлено право заниматься преслѣдованіемъ преступленій. «Тогда преступникъ,—мечтаетъ Грассери,—атакованный со всѣхъ сторонъ, не сможетъ ускользнуть». Отъ уголовной отвѣтственности преступника не спасетъ ни бѣгство въ другое государство, ни давность, ни даже помилованіе или амнистія, такъ какъ выдача будетъ совершаться безъ ограниченія и ловкость преступника не будетъ, какъ теперь, вознаграждаться безнаказанностью. Давность, эта великая, по словамъ автора, несправедливость, будетъ отмѣнена, и преступникъ всегда будетъ нести тя-

---

[1]) *R. de La Grasserie*: „L'avenir du droit pénal". См. „Scuola Positiva", 1901, №№ 1 и 2. *Его же*: „Droit prémial et droit pénal". „Scuola Positiva", 1900, juglio.

жесть своего преступленія, а она будетъ такъ велика, что онъ самъ будетъ просить объ избавленіи отъ нея хотя бы и посредствомъ наказанія. Наказанію авторъ придаетъ большое значеніе и требуетъ примѣненія карательной мѣры для предупрежденія совершенія преступленія (посредствомъ такъ называемыхъ peines preventives, главнымъ образомъ въ видѣ порицанія или выговора). Впрочемъ, несмотря на широкую роль въ будущемъ уголовномъ правѣ наказанія порицаніемъ, не исчезнутъ и другія карательныя средства. Для наказанія убійцъ, преступниковъ противъ нравственности и посягателей на кражу со взломомъ порицаніе было бы недостаточной мѣрой. Для болѣе важныхъ преступниковъ, застигнутыхъ на мѣстѣ преступленія, останутся даже смертная казнь и неопредѣленное по сроку лишеніе свободы. Общество должно защищаться и пытаться исправить преступника, но прежде всего должно обращать вниманіе на жертву преступленія и позаботиться объ ея вознагражденіи У потерпѣвшаго должно быть право на уголовную реакцію преступнику на месть и прощеніе. Будущее право позаботится возмѣщать потерпѣвшему его убытки отъ преступленія и притомъ въ двойномъ и тройномъ размѣрѣ.

Съ особенною подробностью останавливается Грассери на другомъ средствѣ борьбы съ преступностью, которымъ будетъ широко пользоваться будущее уголовное право,—на орденахъ и другихъ наградахъ за хорошее поведеніе. Кромѣ карающаго уголовнаго права—droit pénal, говоритъ онъ, должно быть награждающее право — droit prémial. Настанетъ день, когда общество, помышляющее теперь только о наказаніяхъ, позаботится о наградахъ по заслугамъ, и, можетъ быть, неподдающійся вліянію наказанія поддастся вліянію награды, особенно если она присуждена во-время, въ моменты колебанія человѣческой воли сдѣлать выборъ между путемъ законнымъ и преступнымъ. Награжденіе должно быть не дѣломъ администраціи, но присуждаться въ публичныхъ засѣданіяхъ судомъ присяжныхъ или даже особымъ народнымъ судомъ, если услуга оказана всему народу. Дѣла о наградахъ должны возбуждаться, какъ и дѣла о преступленіяхъ, однимъ и тѣмъ же порядкомъ; по нимъ должно производиться слѣдствіе судебными слѣдователями, и участіе прокурорскаго надзора

должно вкладываться въ нихъ въ той же мѣрѣ, какъ и въ разслѣдованіе по совершеннымъ преступленіямъ. Наградами должны быть публичная похвала, денежныя суммы и ордена. Въ противовѣсъ объявленію извѣстныхъ дѣяній преступными другія должны быть объявлены достойными награжденія. Такими дѣйствіями могутъ быть проявленіе особой честности (наприм., возвращеніе найденной вещи), нравственное поведеніе въ особо тяжелыхъ для человѣка случаяхъ, акты особой преданности своему долгу и пр.

Грассери придаетъ большое значеніе этой части своей работы о будущемъ награждающемъ уголовномъ правѣ и думаетъ, что имъ первымъ была высказана мысль о необходимости такого расширенія уголовнаго права. Но въ этомъ отношеніи онъ ошибается: много ранѣе его такое же предложеніе было сдѣлано (хотя и не въ столь смѣшной формѣ) Іереміей Бентамомъ, у котораго мы находимъ цѣлую главу о наградахъ въ уголовномъ правѣ. Онъ разработалъ здѣсь вопросы о понятіи награды, ея размѣрахъ, объ ея связи съ наказаніемъ, объ условіяхъ назначенія и пр. [1]).

Таково будущее уголовное право Рауля де ла Грассери. Онъ увѣренъ, что вѣра въ спасительное значеніе наказанія, начиная отъ его наиболѣе легкой формы и кончая смертною казнью, не только не исчезнетъ, но даже окрѣпнетъ. Надо удивляться твердости этой вѣры, когда каждый годъ борьбы съ преступностью посредствомъ наказаній приноситъ намъ неоспоримыя статистическія данныя о страшномъ ростѣ числа преступленій. Впрочемъ, не только эта сторона теоріи Грассери, но и всѣ его мечты объ уголовномъ правѣ связаны неразрывными узами съ идеалами буржуазнаго строя и являются скорѣе поминками вымирающаго уголовнаго права, воспоминаніями прошлаго времени, чѣмъ предсказаніемъ будущаго.

Перейдемъ теперь къ криминалистамъ, которые если не убѣждены въ неминуемой смерти господствующаго строя и замѣнѣ его совершенно новымъ, то по крайней мѣрѣ вѣрятъ, что политическія и экономическія условія современныхъ государствъ должны съ теченіемъ времени измѣ-

[1]) *Jeremias Benthams:* „Grundsäge der Kriminalpolitik dargestellt von Herr". 1839, § 76—84. См. также у насъ выше ученіе сенъ-симонистовъ.

ниться въ сторону улучшенія положенія матеріально необезпеченныхъ классовъ. Всѣ эти криминалисты вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ преступность соціальнымъ явленіемъ, имѣющимъ свои корни въ нашей общественной средѣ. Въ зависимости отъ своихъ политическихъ идеаловъ, колеблющихся между принципами либерализма и соціализма, они имѣютъ свои особые взгляды на будущую преступность и будущее уголовное право.

«Преступленіе такъ же вѣчно, какъ смерть и болѣзнь,— говорилъ профессоръ Листъ въ своей дрезденской рѣчи на тему о будущемъ уголовномъ правѣ, — наказаніе никогда не исчезнетъ, мѣры предупрежденія никогда не побѣдятъ преступности, точно такъ же какъ величайшее развитіе гигіены никогда не побѣдитъ смерти и болѣзней». Но, признавая значеніе экономическихъ факторовъ, Листъ полагаетъ, что уменьшеніе массовой нищеты поведетъ къ значительнѣйшему уменьшенію преступности, потому что «каждый шагъ впередъ въ соціально-политическомъ отношеніи означаетъ уменьшеніе работы для нашего уголовнаго суда и суженіе господства карающей юстиціи» [1]).

Въ противоположность Листу [2]) нѣкоторые соціалистическіе писатели считаютъ невозможнымъ существованіе наказанія въ ихъ новомъ общественномъ строѣ и увѣрены въ неизбѣжности исчезновенія не только преступленій про-

---

[1]) *Листъ:* „Die Zukunft der Rechtsstrafe". „Socialpolitisches Centralblatt", 1892, № 38, стр. 463—464.

[2]) О безсмертіи наказанія говоритъ и *Тардъ* въ своемъ фантастическомъ очеркѣ „Отрывки изъ исторіи будущаго" (перев. Н. Полянскаго. М., 1906 г.), но онъ полагаетъ, что измѣненія соціальныхъ условій приведутъ къ исчезновенію преступленій, сдѣлаютъ лишними адвокатовъ и судей, и наказанія будутъ существовать лишь какъ угроза, которую не придется приводить въ исполненіе. Изъ дѣяній, которыя будутъ считаться преступными въ новомъ строѣ, Тардъ называетъ лишь одно нарушеніе правилъ о регламентаціи дѣторожденій. Въ полную противоположность господствующимъ нынѣ взглядамъ новое общество позаботится объ уменьшеніи числа дѣторожденій; „трудно себѣ представить, что было время, когда каждому желающему позволялось безъ всякаго разрѣшенія властей подвергать общество опасности новаго кричащаго и жаднаго члена, и это въ то время, когда нельзя было убить куропатку безъ позволенія или ввезти мѣшокъ муки безъ уплаты пошлинъ" (стр. 61, 56—57). Мы не останавливаемся на этомъ произведеніи Тарда, такъ какъ видимъ въ немъ фантастическую сказку (напримѣръ, Тардъ указываетъ въ числѣ будущихъ наказаній смертную казнь потопленіемъ въ нефтяномъ озерѣ).

тивъ собственности, но и многихъ другихъ. Ни въ городѣ Бостонѣ Беллами («Черезъ сто лѣтъ»), ни въ г. Гаммерсмитѣ Вилльяма Морриса («Вѣсти ниоткуда») нѣтъ тюремъ. Для Беллами авторы совершающихся изрѣдка преступленій—ненормальные, больные люди, и поэтому ихъ слѣдуетъ отправлять не въ тюрьмы, а въ госпитали. Въ обществѣ вполнѣ равныхъ между собою людей, говоритъ Моррисъ, никто не возьметъ на себя роль палача или тюремщика, но многіе согласятся исполнять обязанности сидѣлки или врача. По мнѣнію этого же писателя, уголовные законы при господствѣ соціализма совершенно лишни: съ исчезновеніемъ права собственности должны были исчезнуть всѣ имущественныя преступленія и значительнѣйшая часть тѣхъ преступленій противъ личности, которыя вызывались этимъ же самымъ правомъ. Измѣненія взглядовъ на отношеніе половъ привели къ исчезновенію преступленій, порождавшихся ревностью и различными условными понятіями о чести (напримѣръ, о «паденіи» женщины, если она слѣдовала своимъ естественнымъ желаніямъ); исчезнувшая семейная тиранія унесла вмѣстѣ съ собою многочисленныя вызывавшіяся ею преступленія. Наказанія для насъ лишни, говоритъ Моррисъ, люди стараго вѣка жили среди враговъ, всегда должны были бояться; мы, люди новаго общественнаго строя, живемъ среди друзей, мы не боимся, и намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ наказаніямъ. Онъ допускаетъ возможность совершенія будущими соціалистами нѣкоторыхъ преступленій противъ личности, но даже убійцы не должны быть подвергаемы наказанію: больныхъ слѣдуетъ лѣчить, наказывать же здоровыхъ было бы безполезно и несправедливо, такъ какъ они и безъ того должны страдать послѣ совершенія своего проступка. Здоровый человѣкъ непремѣнно сознаетъ свою вину и попроситъ прощенія, а для общества этого вполнѣ достаточно; примѣнять же къ нему наказаніе изъ принципа возмездія—значитъ поквитаться съ нимъ и сказать ему: «иди и грѣши снова!» [1]).

О неизбѣжномъ уменьшеніи преступности въ соціалисти-

---

[1]) *Беллами:* „Черезъ сто лѣтъ". Перев. Зинина. Изд. Павленкова. 1896 г., глава XIX. *Вилльямъ Моррисъ:* „Вѣсти ниоткуда". Изд. „Дѣло". 1906 г., стр. 75—77.

ческомъ строѣ говоритъ и сторонникъ уголовно-антропологической школы, соціалистъ по своей политической дѣятельности, Ферри. Для него преступность — явленіе вырожденія на почвѣ бѣдности: наступленіе соціалистическаго строя приведетъ къ исчезновенію нищеты, этого главнаго источника вырожденія народа, разныхъ эпидемическихъ и хроническихъ болѣзней, преступленій, сумасшествія, самоубійства. Но водвореніе соціалистическаго строя спасетъ отъ окончательнаго вырожденія также современную буржуазію и аристократію, которыя въ погонѣ за наживой и въ отчаянной борьбѣ за сохраненіе своего господства даютъ массу неврастениковъ, самоубійцъ и преступниковъ. Однако, по мнѣнію Ферри, всѣ преступленія исчезнуть не могутъ: останутся тѣ изъ нихъ, которыя вызываются нѣкоторыми личными особенностями патологическаго характера [1]).

Итакъ, многіе соціалисты не вѣрятъ въ возможность полнаго исчезновенія преступленій въ соціалистическомъ строѣ. Къ сожалѣнію, мы не находимъ у нихъ сколько-нибудь полныхъ и обстоятельныхъ указаній на характеръ борьбы съ преступными дѣяніями, которыя перейдутъ въ новый строй, какъ наслѣдіе стараго, или которыя тамъ вновь возникнутъ, какъ, напримѣръ, отказъ отъ работы, указываемый Менгеромъ [2]). Объясненіе этому явленію надо искать въ осужденіи соціалъ-демократіей попытокъ рисовать картины будущаго строя, представляющіяся ей совершенно утопическими. Она направляетъ свои удары на разрушеніе настоящаго и не занимается выясненіемъ подробностей будущаго строя. Эта задача представляется

---

[1]) Не отвергаетъ возможности преступленій въ соціалистическомъ государствѣ также *Ларскій*, авторъ „Общества будущаго“ („Темы жизни“, № 2, вып. I, стр. 22). „И здѣсь,—говоритъ онъ,—въ увлеченіи борьбой возможны преступленія. Но въ то время какъ буржуазное общество само создаетъ преступныхъ людей, въ то время какъ значительная часть преступленій въ современномъ обществѣ направлена противъ высшихъ классовъ, а неимущій или безъѣтный уже по одному своему положенію считаются готовыми преступниками, въ соціалистическомъ обществѣ преступность не можетъ носить такого характера. Погибающая буржуазія унесетъ съ собою въ могилу и свои преступленія.

[2]) *Менгеръ:* „Новое ученіе о государствѣ“, XV глава. См. *В. М. Хвостова:* „Этическое ученіе Антона Менгера“. „Русскія Вѣдом.“, 1906 г., № 39.

Каутскому невыполнимой, потому что мы не знаемъ цѣлаго ряда факторовъ, которые выступятъ лишь впослѣдствіи. Именно въ виду этого, говоритъ Каутскій, соціалъ-демократическая партія постоянно отказывалась, да и должна была отказываться связать себѣ руки какимъ бы то ни было построеніемъ соціалистическаго будущаго и провозгласить его цѣлью своихъ стремленій. Однако самъ Каутскій не отрицаетъ значенія за этими попытками заглядыванія въ будущее [1]). Иначе и быть не можетъ. Съ одной стороны, человѣку свойственно стремиться не къ неопредѣленности, не къ туманному пятну, но къ цѣли, для него болѣе или менѣе ясной и понятной. Съ другой стороны, общіе идеалы будущаго строя, основанные на фактахъ и наблюденіяхъ за ходомъ историческаго развитія, даютъ возможность научнаго предугадыванія нѣкоторыхъ подробностей будущаго строя.

Наиболѣе полную и подробную попытку такого научнаго предугадыванія устройства соціалистическаго государства мы находимъ у профессора Менгера въ его «Новомъ ученіи о государствѣ». Для насъ особый интересъ представляетъ пятнадцатая глава о будущемъ уголовномъ правѣ.

Менгеръ считаетъ несбыточной мечту о полномъ исчезновеніи преступленій и наказаній: они останутся во всякой формѣ государства, но большія измѣненія произойдутъ какъ въ самомъ понятіи преступленія, такъ и въ условіяхъ наказуемости. Наиболѣе сильно сократятся имущественныя преступленія: съ полученіемъ каждымъ гражданиномъ права на самостоятельное существованіе исчезнетъ важнѣйшій мотивъ къ совершенію этихъ преступленій. Измѣнится также наказуемость этихъ преступленій: въ настоящее время они влекутъ за собою тяжелыя кары, но съ исчезновеніемъ властнаго положенія имущихъ классовъ отпадутъ факторы усиленной репрессіи за эти правонарушенія. Въ нашемъ обществѣ праздность подлежитъ наказанію лишь въ томъ случаѣ, если неработающій бѣденъ, праздность же богатыхъ считается вѣрнымъ признакомъ жизни, достойнымъ почета. Иначе будетъ обстоять дѣло въ томъ строѣ, гдѣ трудъ будетъ общеобязателенъ: отказъ

[1]) *Атлантикусъ:* „Государство будущаго“. Изд. „Дѣла“, съ предисловіемъ Каутскаго, см. стр. 6.

отъ работы будетъ считаться здѣсь преступленіемъ, подвергающимъ опасности самыя основы государственнаго строя. Значительныя измѣненія произойдутъ также въ области государственныхъ преступленій. Въ настоящее время сюда относятся и особенно строго наказываются: государственная измѣна, оскорбленіе величества, сопротивленіе властямъ, бунтъ, возстанія и пр. Такъ какъ въ трудовомъ государствѣ смягчится противоположность между правителями и управляемыми, а государство будетъ по преимуществу хозяйственною и административною организаціей, то число государственныхъ преступленій должно неизбѣжно уменьшиться. Что касается наказуемости за нихъ, то она будетъ значительно уменьшена: на это съ несомнѣнностью указываетъ тотъ фактъ, что уже теперь она слабѣе въ демократіяхъ и строже въ монархіяхъ. Преступленія противъ личности и семейныхъ правъ также уменьшатся подъ вліяніемъ культуры; однако государство никогда не откажется отъ ихъ наказанія. Но и у Менгера мы не находимъ отвѣта на интересующій насъ вопросъ о будущихъ наказаніяхъ.

Несомнѣнно, что отмѣченный нами фактъ умалчиванія соціалистическихъ писателей о характерѣ и видахъ будущихъ наказаній долженъ быть объясненъ трудностью предугадать, какъ сможетъ новое общество защитить себя отъ нападеній преступника при условіи наименьшаго ограниченія интересовъ этого преступника. Но для насъ представляется совершенно очевиднымъ, что громадное большинство современныхъ карательныхъ средствъ не перейдутъ въ новый строй. Они умрутъ вмѣстѣ со старымъ, а нѣкоторыя—даже раньше его. Наша юстиція построена въ значительной степени на принципѣ возмездія, т.-е. на индивидуальной и государственной мести преступнику за его преступное дѣяніе. Даже криминалисты, стоящіе на утилитарной точкѣ зрѣнія, т.-е. оправдывающіе наказаніе лишь цѣлями его полезности, не рѣшаются требовать освобожденія отъ наказанія тѣхъ авторовъ преступленій относительно которыхъ у суда есть убѣжденіе, что ихъ преступленіе было въ ихъ жизни несчастнымъ событіемъ, совершающимся лишь разъ и не повторяющимся. Они считаютъ теперь возможнымъ наказывать преступника не только въ цѣляхъ непосредственнаго воздѣйствія на него

самого, но и въ цѣляхъ такъ называемаго общаго предупрежденія преступленія, т.-е. для устрашенія другихъ лицъ, способныхъ совершить преступленіе. Въ новомъ строѣ будетъ обращено самое серьезное вниманіе на общее предупрежденіе преступленій, но не путемъ наказанія, а посредствомъ измѣненія соціальной среды. Наказаніе преступника въ современныхъ государствахъ въ цѣляхъ устрашенія другихъ его соотечественниковъ возможно только потому, что наши законодательства слишкомъ дешево цѣнятъ личность преступника - гражданина, его свободу и жизнь и считаютъ слишкомъ дорогими и невыгодными для себя соціальныя реформы. Въ будущемъ государствѣ личность человѣка, хотя бы и совершившаго преступленіе, будетъ такъ высоко цѣниться, что нельзя будетъ распоряжаться ею, какъ средствомъ для достиженія цѣлей устрашенія людей. Кромѣ того, значеніе наказанія, какъ средства устрашенія, будетъ совершенно отвергнуто: единственнымъ назначеніемъ наказанія должно будетъ остаться обезопасеніе общества отъ повторенія преступныхъ посягательствъ.

Установивъ ту цѣль, которую будетъ преслѣдовать наказаніе въ будущемъ государствѣ, посмотримъ, какія современныя наказанія перейдутъ въ новый строй.

Въ современныхъ государствахъ самымъ радикальнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ обезопасенія общества отъ преступника является, о мнѣніи нѣкоторыхъ криминалистовъ и законодательствъ, смертная казнь, но нечего говорить, что палачу не можетъ быть мѣста въ соціалистическомъ строѣ: уже теперь представители соціалистическихъ партій заявили себя въ парламентахъ всѣхъ странъ безъ исключенія самыми энергичными борцами противъ наказанія смертью. Они не разъ вносили въ законодательныя собранія предложенія объ отмѣнѣ этого чудовищнаго средства борьбы съ преступностью и всегда поддерживали всѣ предложенія объ этой отмѣнѣ, если они вносились представителями другихъ партій. Мы укажемъ также на то, что виднѣйшіе представители соціализма въ Европѣ съ особою охотою откликнулись на приглашеніе редакціи «Сборника противъ смертной казни»: Вандервельдъ изъ Бельгіи, Ферри изъ Италіи, Бернштейнъ изъ Германіи, Анатоль Франсъ изъ Франціи, Макдональдъ и Кейръ Гарди изъ Англіи по-

спѣшили прислать свои краснорѣчивые и энергичные протесты противъ легальнаго убійства [1]).

Слѣдующее вслѣдъ за смертною казнью мѣсто по тяжести наказанія принадлежитъ каторжнымъ работамъ, т.-е. тяжкому принудительному труду. Это наказаніе—характерная и неразлучная особенность современнаго государственнаго строя, въ которомъ граждане раздѣляются на двѣ далеко неравныя между собою по своей численности группы — на работодателей и рабочихъ, и въ которомъ богатая праздность въ почетѣ, а трудъ въ такомъ презрѣніи, что считается возможнымъ примѣнять его какъ наказаніе. Но въ будущемъ строѣ, по ученію соціализма, всѣ граждане будутъ рабочими, и трудъ займетъ принадлежащее ему по праву такое высокое и почетное мѣсто, что было бы смѣшно говорить о наказаніи трудомъ.

Возможно ли оставленіе въ новомъ строѣ наказанія ссылкою или изгнаніемъ? По нашему глубокому убѣжденію, это наказаніе, какъ и смертная казнь, умретъ даже ранѣе буржуазнаго строя. Въ этомъ насъ убѣждаетъ исторія этихъ средствъ борьбы съ преступностью. Изгнаніе изъ предѣловъ государства, практиковавшееся ранѣе въ значительныхъ размѣрахъ, теперь почти совершенно исчезло изъ всѣхъ законодательствъ и сохранилось лишь по отношенію къ иностранцамъ и притомъ въ очень небольшихъ размѣрахъ. Точно такъ же сокращается область примѣненія наказанія ссылкой въ отдаленныя части государства или въ его колоніи, преимущественно на острова. Многочисленные криминалисты ведутъ энергичную борьбу противъ этихъ средствъ борьбы съ преступностью и справедливо указываютъ, что метрополія, высылающая опасныхъ для нея преступниковъ въ колоніи, не освобождаетъ отъ этой опасности всего государства, а лишь перемѣщаетъ ее изъ одной его части въ другую. Извѣстно, что какъ скоро колоніи становились достаточно сильными, чтобы предъявлять свои требованія метрополіи, онѣ прежде всего требовали прекращенія ссылки къ нимъ преступниковъ. Исторія ссылки знаетъ, что отказъ въ исполненіи этихъ требованій приводилъ къ возстаніямъ и даже къ отдѣленію колоній отъ метрополій. Сохраненіе ссылки въ современныхъ государствахъ объясняется только

[1]) Сборникъ „Противъ смертной казни“ подъ редакціей М. Н. Гернета, О. Б. Гольдовскаго и И. Н. Сахарова. М., 1906 г.

тѣмъ, что для государственной власти не всѣ части территоріи одинаково дороги: она прежде всего заботится объ интересахъ ближе стоящаго къ ней центра и мало интересуется отдаленными окраинами, которыя и считаетъ возможнымъ заселять лицами, признанными ею же самою опасными для общежитія. Въ новомъ строѣ изгнаніе изъ государства и ссылка будутъ невозможны. Это будетъ совершенно ясно для насъ, если мы признаемъ, что будущее время принесетъ съ собою такое высокое развитіе солидарности между государствами, при которомъ будетъ немыслимо не только перемѣщеніе преступника изъ одной части одного и того же государства въ другую, но и высылка изъ предѣловъ одного государства въ другое.

Несомнѣнно, что въ томъ строѣ, гдѣ не будетъ частной собственности, должны будутъ исчезнуть всѣ имущественныя наказанія—конфискація и денежные штрафы. Существованіе этихъ наказаній въ современныхъ карательныхъ системахъ неразрывно связано съ институтомъ частной собственности и приводитъ къ вопіющимъ неравенствамъ въ наказаніи: въ то время какъ лица, принадлежащія къ владѣющимъ классамъ, расплачиваются за свои преступленія уплатою той или другой денежной суммы, преступники изъ неимущихъ классовъ лишены этой возможности и «вслѣдствіе своей несостоятельности» подвергаются наказаніямъ лишеніемъ свободы.

Самымъ употребительнымъ изъ современныхъ наказаній является тюрьма или наказаніе лишеніемъ свободы. Многіе соціалистическіе писатели не допускаютъ тюремъ въ соціалистическомъ государствѣ и замѣняютъ ихъ больницами или домами принудительнаго перевоспитанія преступника. Впрочемъ, и въ настоящее время законодательства считаютъ тюрьмы мѣстами перевоспитанія преступниковъ и помѣщаютъ душевнобольныхъ изъ нихъ въ больницы. Въ нѣкоторыхъ американскихъ тюрьмахъ примѣненъ особый способъ перевоспитанія преступниковъ, состоящій въ лѣченіи ихъ массажемъ, купаньемъ, гимнастикой и пр.

Необходимость въ перевоспитаніи преступника или въ его исправленіи для цѣлей общежитія не исчезнетъ въ новомъ строѣ, но мы не сможемъ предугадать тѣхъ средствъ, которыми воспользуется для этого новое государство. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ никто не могъ предсказать, что наиболѣе порочныхъ и лѣнивыхъ среди арестантовъ вмѣсто

обычнаго въ такихъ случаяхъ исправленія карцеромъ и ограниченіемъ пищи водою и хлѣбомъ станутъ лѣчить улучшеннымъ питаніемъ, прогулками, здоровыми развлеченіями и пр. Тѣмъ труднѣе предсказать способы исправленія, къ которымъ прибѣгнетъ государство въ далекомъ будущемъ. Но, конечно, въ этихъ средствахъ воздѣйствія на преступника не будетъ ничего такого, что бы оскорбляло въ немъ его человѣческое достоинство и къ чему такъ охотно прибѣгаютъ современныя законодательства, приказывающія тюремной стражѣ говорить арестанту непремѣнно «ты», одѣвающія его въ особое арестантское платье и не останавливающіяся передъ величайшимъ надругательствомъ надъ нимъ—тѣлеснымъ наказаніемъ.

Соціалистическіе писатели отводятъ широкую роль въ будущемъ стр ѣ наказанію порицаніемъ или выговоромъ. Это наказаніе предполагаетъ такое высокое моральное и интеллектуальное развитіе, при которомъ для огражденія общества отъ опасности повторенія преступнаго дѣянія будетъ достаточно разъяснить обвиняемому противозаконность его проступка и выразить ему порицаніе за него. Нѣкоторые соціалисты даже думаютъ, что порицаніе будетъ единственнымъ наказаніемъ.

Этимъ мы и заканчиваемъ нашъ очеркъ будущаго уголовнаго права. По вполнѣ понятнымъ причинамъ, указываемымъ выше, мы не могли обрисовать его во всѣхъ подробностяхъ. Но одно для насъ ясно—что оно будетъ построено на тѣхъ же великихъ основаніяхъ, на которыхъ будетъ покоиться обновленное человѣчество. Опорой порядка будетъ служить не висѣлица, не тюрьма, не надругательство надъ человѣкомъ, но всеобъемлющія, безграничныя любовь и братство, свобода и равенство будущихъ гражданъ. Мы знаемъ, что многіе не хотятъ вѣрить наступленію этого свѣтлаго лучезарнаго дня, величайшей изъ всѣхъ побѣдъ въ этомъ мірѣ борьбы: они не хотятъ вѣрить въ побѣду добра надъ зломъ. Но кто знаетъ, можетъ быть когда-нибудь настанетъ день, и будущій гражданинъ не согласится повѣрить, что въ исторіи человѣчества было время, когда нашъ голодный братъ просилъ у насъ кусокъ хлѣба, а мы давали ему... каменныя стѣны тюрьмы, когда онъ былъ босъ и нагъ, а мы... одѣвали его въ арестантскій халатъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I.

Ростъ преступности и современная борьба съ нею . . 3—39

Послѣднія тридцать лѣтъ въ исторіи науки уголовнаго права и уголовныхъ законодательствъ. Ростъ преступности въ Германіи, въ Англіи, Уэльсѣ, Бельгіи, Россіи. Характеръ современной борьбы съ преступностью. Расточительность наказанія и его жестокость. Дисциплинарный залъ. Исправительные кандалы. Кастрація преступниковъ. Проекты новыхъ способовъ смертной казни. Электрическая казнь въ Америкѣ. Паръ, какъ средство истребленія преступниковъ. Проектъ возстановленія позорнаго столба. Проекты Вагнера. Требованія введенія тѣлесныхъ наказаній. Наказаніе безрезультатнымъ трудомъ. Наказаніе, какъ факторъ преступности.

Глава II.

Факторы преступности. Ихъ классификація . . . . . 39—46

Этіологія преступленія. Опредѣленіе антропологическихъ, физическихъ и соціальныхъ факторовъ преступности.

Глава III.

Предшественники соціологической школы науки уголовнаго права . . . . . 46—84

Томасъ Моръ. Кампанелла. Меслье. Монтескье. Руссо. Беккарія. Бриссо де Варвилль. Годвинъ. Маратъ. Оуэнъ. Ванделеръ. С.-Симонъ. Фурье. Консидеранъ. Кабэ.

Стр.

Прудонъ. Дюкпетьо. Кетле. Герри. Зоманьози. Энгельсъ. Марксъ. Ломброзо. Ферри. Гарофало. Росси.

Глава IV.

Соціалистическая школа науки уголовнаго права и ученіе ея сторонниковъ о соціальныхъ факторахъ преступности . . . . . 85—106

Турати. Соціалистическое крыло соціалистической школы. Его характерныя особенности. Классовая борьба и уголовное право. Частная собственность и преступность. Соціализмъ и преступность.

Глава V.

Факторы преступности . . . . . 106—193

Трудъ криминалиста-соціалиста Колаяни. Критика уголовно-антропологической школы. Вліяніе на преступность возраста. Вліяніе пола. Вліяніе внѣбрачнаго происхожденія и брака. Вліяніе расы. Вліяніе физическихъ факторовъ. Вліяніе бѣдности. Вліяніе на преступность жилища, цѣнъ хлѣба и неурожаевъ.

Глава VI.

Уголовное право будущаго . . . . . 193—208

Современная дѣйствительность и мечты о будущемъ уголовномъ правѣ. П. Кропоткинъ и С. Форъ. Рауль де ла Грассери. Листъ. Тардъ. Соціалисты: Беллами, Вилльямъ Моррисъ, Ферри, Менгеръ. Наказаніе въ соціалистическомъ строѣ.